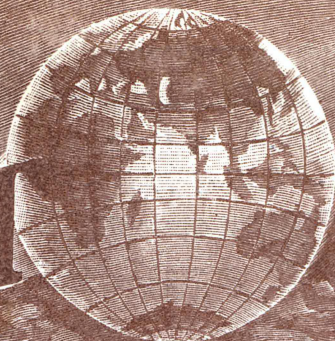

1947

СВЕТА

ВОКРУГ

№ 2

ДРЕВНИЙ ПРОЕКТ МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ

Царю Алексею Михайловичу в 1672 году был представлен подробный проект о «заведении корабельного дела» и морской торговли Руси с границей. Двести семьдесят пять лет назад автор проекта указывал на полную возможность морских связей с «Кенарейской землей» и Флоренцией, Генуей и Португалией, Неаполем и портами Дании и Швеции, Китаем и «Бразильянской землей», Гренландией и «Индийской землей», Алжиром и Востоком, Гамбургом и Берберией. В проекте были подробно перечислены товары, которые можно было бы вывозить из заморских стран. Автор проекта предлагал царю построить сто кораблей для морских походов. Замечательно, что к этому именно времени относятся некоторые русские посольства в дальние земли, в частности — путешествие в Китай русского посла И. Миловаилова.

Плаванье корабля „Крейсер“

Герой русского морского флота П. С. Нахимов, будущий декабрист Д. И. Завалишин и М. П. Лазарев в 1822 году приняли участие в большом плавании на фрегате «Крейсер».

«Крейсер» был первым русским кораблем, 150 лет назад посетившим Тасманию («Ван-Дименовую землю»). Осенью 1823 года корабль достиг берегов Аляски. Флаг «Крейсера» развевался в портах Таити, Австралии, Калифорнии.

Это замечательное плавание не раз было описано Д. И. Завалишиным.

Русский геолог на Аляске

Сто лет назад горный инженер Петр Дорошин начал свои исследования на Кенайском полуострове, островах Ситхе и Кадьяке и в других местностях Аляски.

П. П. Дорошин обнаружил там признаки золота, собрал богатые геологические и палеонтологические коллекции. Он также изучал жизнь и быт эскимосов, алеутов и индейцев. Работы П. Дорошина на Аляске длились пять лет.

О деятельности Дорошина знал Н. Г. Чернышевский. Он в 1855 году написал в «Современнике» о работе Русского географического общества:

«Этнографический музей Общества обогатился в прошлом году особенно коллекцией вещей из быта туземцев наших североамериканских владений: она пожертвована П. П. Дорошиным».

Царское правительство, несмотря на хлопоты Русского географического общества, не придало значения открытиям Дорошина, хотя, кроме золота, он обнаружил залежи каменного угля. Несколько позже некий Кеннел Ли младший вслед за Дорошиным стал утверждать, что области Аляски богаты золотом и каменным углем.

На ледяном плоту

Семьдесят пять лет назад началась трагедия экипажа американского корабля «Полярис», посланного для достижения Северного полюса. К тому времени экспедиция потеряла своего начальника — капитана Ф. Галля.

Не достигнув цели, «Полярис» вышел в обратный путь, но был затерт арктическими льдами. Часть

экипажа корабля оказалась на пловучей льдине и была отнесена течением от «Поляриса» во время шторма.

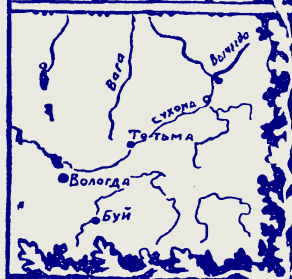
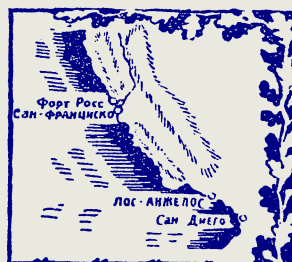
Левятнадцать человек провели на ледяном плоту более шести месяцев. Лишь весной 1873 года они были подобраны китобойным кораблем «Тигрица».

Строитель Форта Росс

«Последнее время пребывания его в Америке он начальствовал на берегах Нового Альбиона, в селении и крепости Росс; сию крепость он, Кусков, основал и выстроил, завел в ней корабельную верфь... Он среди диких народов близ крепости завел скотоводство, огородничество и часть земледелия», так было написано 125 лет назад в свидетельстве, выданном Ивану Кускову. В 1822 году он вернулся на родину, в вологодский городок Тотьюму, где вскоре и умер.

На побережье северо-западной Америки Иван Александрович Кусков прожил с 1790 по 1822 год. Он побывал на Аляске, Алеутских островах, в устье Калифорнии, где он основал русскую крепость Росс на реке Славянке.

чуть севернее залива Сан-Франциско. Помощники Кускова сделали ряд географических открытий в Калифорнии. Им был открыт обширный морской залив между мысом Мендосино и высочайшей горой побережья — Паста. В этот залив впадало пять рек. Кусков исследовал также реки, впадающие в северную часть залива Сан-Франциско, и открыл на берегу одной из них вулкан. Отряды Кускова производили постоянный промысел на морского зверя и ловили рыбу в заливе Сан-Франциско. ныне построенный Кусковым форт Росс охраняется, как заповедник, историческим обществом Калифорнии.

Составил Сергей Марков

1947

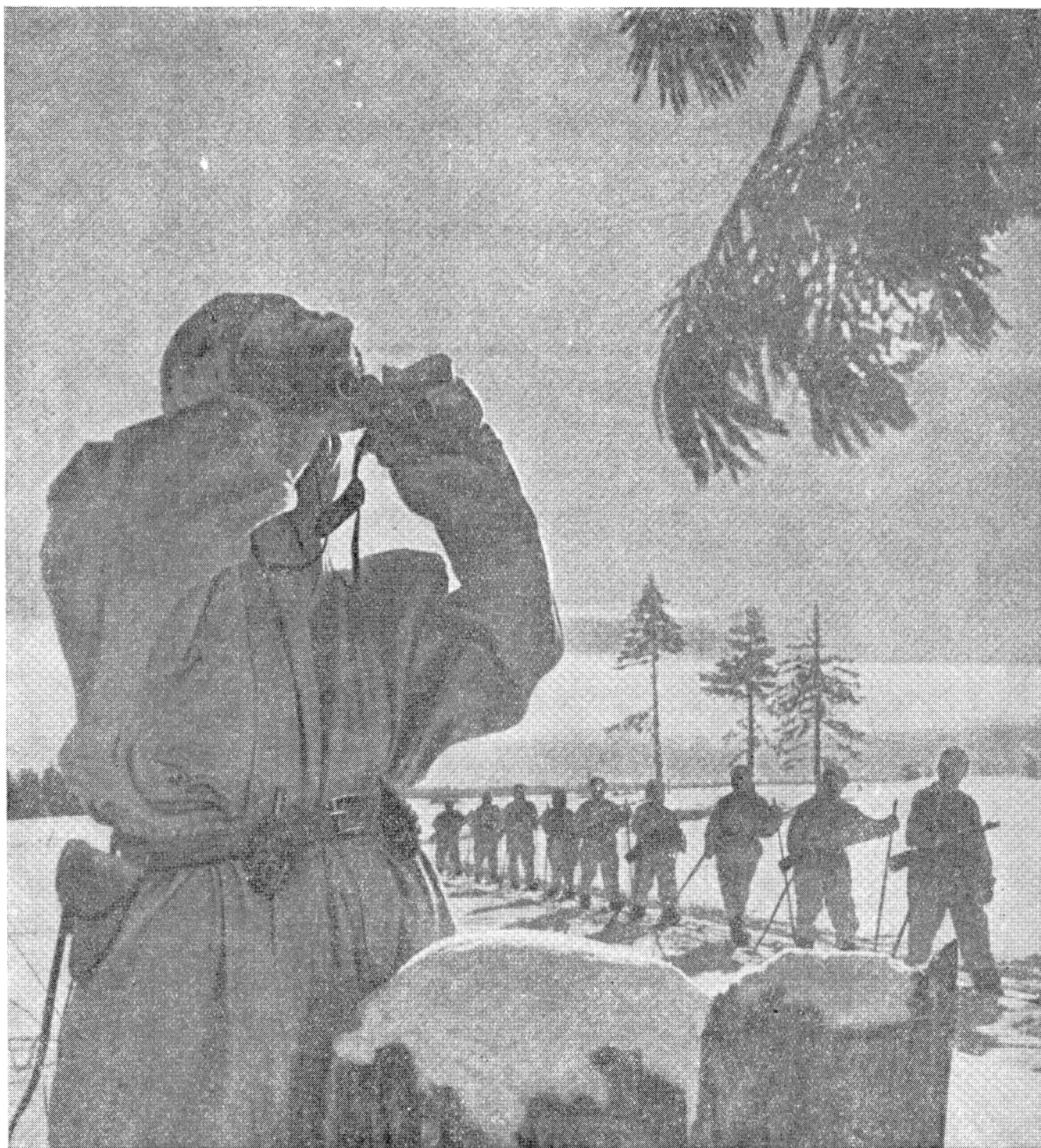
ВОКРУГ СВЕТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

№ 2

Февраль

Журнал основан в 1861 году

Пять лет назад (февраль 1942 года). Бойцы-лыжники Советской Армии выходят на разведку.

Фотоаэрод Д. Чернова

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Во второй год послевоенной сталинской пятилетки, совпавший с тридцатой годовщиной Октябрьской социалистической революции, вступила наша родина. Успели поседеть за эти годы люди, шедшие на штурм Зимнего, и зрелыми мужами стали те, кто родился в великую октябрьскую годину. Но для истории треть века — не такой уж большой срок. Для нас же, современников и участников великих боев и великих восстановительных работ, для людей, прокладывающих дорогу к счастью, каждый год и день борьбы и труда полны неповторимой героики и новизны, потому что своими глазами видим мы и своими руками творим мы великое обновление нашей земли.

Знаменем и вестником будущего сияет сегодня над миром нерушимое созвездие 16 республик, скрепленных могучей связью серпа и молота. Первая среди них по величине и значению — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

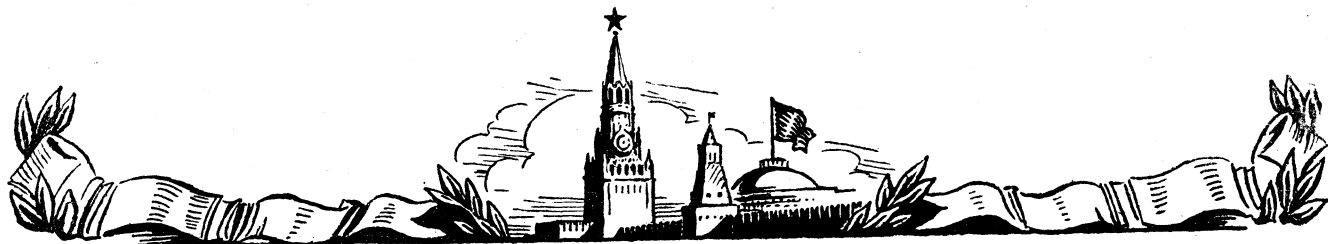
РСФСР возникла после победы Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей в России капитализм, утвердившей советскую власть и провозгласившей равенство всех народов. Решение о федеральном устройстве Российской Советской Республики было принято III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 года.

Российская федерация стала образцом новых взаимоотношений между народами, ядром, вокруг которого впервые в истории создавалось многонациональное социалистическое государство — СССР. В декабре 1922 года народы РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказья на совместном съезде решили объединиться в Союз Советских Социалистических Республик. У колыбели этого великого государства стояли Ленин и Сталин.

Неразрывны узы братства, скрепляющие РСФСР с остальными пятнадцатью союзными республиками.

Единство и целостность Союза — залог преуспевания всех советских народов. Только объединившись в одну семью, народы нашей страны могли отстоять завоевания Октября, построить социалистическое общество, одержать победу над сильным и коварным врагом в Великой отечественной войне.

Двадцать пятого октября 1917 года русский народ открыл новую эру. Он первым вышел на путь, о котором мечтали лучшие умы всех времен и народов. Он шел навстречу гигантским трудностям, подавляя ярость недобитых врагов и покушения чужеземцев. Но русский народ не убоился труда, а врагов победил. Не убоился и победил потому, что издавна почитал труд, благоговел перед созданием искусных рук человеческих и даже героизм солдата называл ратным трудом. Не убоился и победил потому, что кормчими его были Ленин и Сталин. Третью веку назад, на заре советской власти, Ленин писал: «У нас есть материал и в природ-

ных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь»¹. «...в России есть все, — говорил Ленин: — и железо и нефть и хлеб, одним словом все, что необходимо для того, чтобы жить по-человечески. Если удастся победить эксплуататоров, то Советская власть и хозяйничанье установится на Руси, — и так будет»².

«И так будет», сказал Ленин.

«И так есть», может сегодня сказать советский народ. Свершилась тысячелетняя мечта его о счастье, которую он, как скатерть-самобранку, веками носил за пазухой. Руководимый большевистской партией, Сталиным, советский народ совершил то, что казалось немислимым: за короткий срок превратил огромную, ранее отсталую страну в одну из сильнейших на земном шаре. Великая стройка охватила и Российскую федерацию как часть Советского Союза. Именно РСФСР была передовиком в этой стройке, преобразовавшей всю нашу страну.

Перед Великой отечественной войной продукция крупной промышленности РСФСР превысила дореволюционный уровень в 12 раз. На каждую тонну чугуна, произведенного в 1913 году в границах нынешней Российской федерации, в 1940 году производилось 4,3 тонны, на каждую тонну стали — 5,3 тонны, на каждую тонну добытого угля добывалось почти 13 тонн.

Промышленная мощь Российской федерации, созданная за годы сталинских пятилеток под руководством большевистской партии, позволила русскому народу в союзе с народами братских республик совершить то, что было бы не под силу старой, дореволюционной России. — позволила сокрушить гигантскую военную машину Гитлера, обломать зубы врага и водрузить знамя победы над Берлином.

До войны РСФСР давала свыше двух третей промышленной продукции Советского Союза. В годы Великой отечественной войны Российская федерация сыграла решающую роль в снабжении нашей армии танками и самолетами, оружием и боеприпасами. Свыше 80 процентов всей промышленной продукции давали в те тяжелые для нашей родины годы предприятия РСФСР.

Новый пятилетний план Российской федерации является важнейшей составной частью сталинской пятилетки, оставляя за РСФСР ведущее место среди республик Советского Союза. Вот несколько цифр, показывающих величие нового плана: на каждую тонну чугуна, выданного доменщиками в 1940 году, в РСФСР в 1950 году будет производиться 1,66 тонны, на тонну выплавленной стали — 1,67 тонны, на тонну добытого угля — около 2 тонн. В 1950 году предприятия Российской федерации будут выпускать 457 тысяч автомобилей, 82 тысячи тракторов, 28,5 тысячи металлорежущих станков, огромное количество самого разнообразного металлургического оборудования, свыше 4 миллиардов метров хлопчатобумажных тканей, более 150 миллионов пар кожаной обуви, сотни тысяч тонн мяса, масла, сахара и других продуктов.

80,4 миллиона тонн зерна, — иными словами, почти две трети всего валового сбора зерна по Советскому Союзу, — соберут колхозы и совхозы РСФСР. На 33 процента вырастет поголовье крупного рогатого скота.

План предусматривает постройку огромного количества жилищ. За пять лет города федерации получат около 50 миллионов квадратных метров жилой площади. В селах будет построено 1 270 тысяч жилых домов. Из этого числа 712 тысяч домов уже готово и заселено. 18 миллионов школьников будут учиться в 114 тысячах школ республики.

Для того чтобы влить энергию в огромную новую промышленность — плавить металл, двинуть тысячи станков, осветить жилые дома, больницы, школы, театры, — электростанции республики в 1950 году дадут 57,2 миллиарда киловатт-часов электроэнергии.

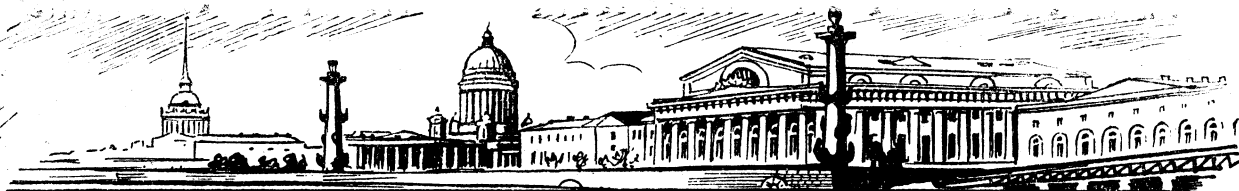
Общий объем капитальных работ Российской федерации потребует за пятилетку 145 миллиардов рублей.

Велика наша родина и велики наши планы. Вчера они были только цифрами и чертежами, сегодня они становятся реальными творениями великого народа, сулящими нашей родине еще больший расцвет ее силы, красоты и могущества.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 376, изд. 3-е.

² Там же, стр. 242.

После тягчайшей войны, после огромных разрушений, причиненных гитлеровскими оккупантами народному хозяйству Российской Федерации, пройдет всего пять лет, и республика в целом не только вернет свою прежнюю мощь, но и значительно увеличит ее на более высокой, чем раньше, технической основе. Только советский народ способен осуществлять такие дела!

★

300 лет исполнится в нынешнем году нашей столице. Но хоть и восемь веков пронеслось над Москвой, а с каждым годом молодеет Москва, зреет Москва, цветет Москва. Москва — сердце нашей родины, сердце России, сердце дружбы наших народов; лучами разума и надежды светят миру рубиновые звезды кремлевских башен.

Была Москва на заре своей избяной, стала зваться потом Белокаменной, а ныне волей, мудростью, трудом народа сдвигается в гранит, бетон и мрамор. Окончилась война — и опять Москва в строительных лесах. Три миллиона квадратных метров жилой площади прибавит Москве новая пятилетка. Это значит, что москвичи получат еще один горд, состоящий примерно из тысячи многоквартирных домов с четырьмя-пятью комнатами в каждой квартире, из новых школ, театров, больниц. Быстро наращиваются мощности московских электростанций. Москва строит, достраивает и надстраивает. В землю ложатся разнокалиберные трубы газопровода и водопровода. Подача газа увеличится в 1950 году по сравнению с 1940 годом в 10 раз. Электрики и связисты сматывают с огромных барабанов и укладывают электрические и телефонные кабели, подвешивают провода для новых троллейбусных линий. Гул трудового дня не смолкает и под землей. Участок за участком прокладывают щиты трассы новой кольцевой линии метро.

★

Характернейшей особенностью послевоенной пятилетки является планомерное развитие всех районов, великое обновление всего лица советской земли. Еще недавно, лет тридцать назад, Москву отоплял донецкий уголь. В нашем социалистическом хозяйстве нашли свое применение и донецкий уголь и уголь Подмосковья.

Новые шахты Подмосковья дадут тысячи тонн угля. Возрастет мощность липецких и тульских рудников.

Ожнее, поперек всей земли курской, под рощами, полями и балками, словно закопан сундук с железом, властно отклоняющий стрелку компаса от земных полюсов. Богатейшие залежи железных руд разведаны здесь. Возрождается жизнь на Курской магнитной аномалии. Первую руду дал Коробковский рудник, не за горами начало работ на богатейшем Лебедянском участке.

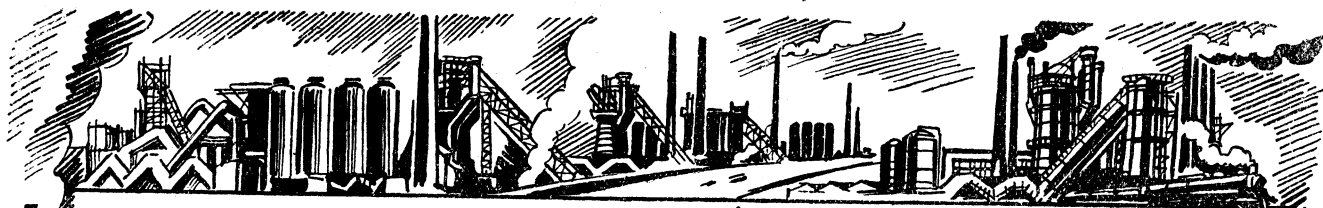
Оживает земля Смоленщины и Орловщины. Из руин и пепла встает Воронеж, вступают в строй хлопчатобумажные фабрики Калининской области, мощные кирпичные заводы в Подмосковье, меловые заводы под Курском и Воронежем. Возрождаются большие и малые предприятия местной промышленности и промкооперации. Пустеют землянки — горький приют проклятой поры немецкой оккупации, и тысячи людей справляют новоселье в новых, благоустроенных домах.

★

В дни, когда немцы с Вороньей горы еще осыпали великий город Ленина фугасными снарядами, когда в тучах пыли рушились дворцы и на улицах падали ослабевшие от голода люди, — уже тогда началось восстановление города: на чертежах и кальках ленинградских архитекторов восставали из руин дома и дворцы, водворялись на место львы и грифоны, расширялись площади. Ныне уже не только на чертежах, но и на деле полным ходом восстанавливают ленинградцы свой любимый город. Ускоренными темпами идет строительство ленинградского метро. Возрождается слава Ленинграда как крупнейшего промышленного центра страны. За 22 дня до срока выполнила промышленность города план первого года сталинской пятилетки. Обновляются цехи Кировского завода, — скоро он снова станет индустриальным гигантом.

Машиностроение — гордость Ленинграда. До войны оно потребляло около 10 процентов всего производившегося в Союзе проката. За тысячи километров везли его сюда — с Украины, Урала и Западной Сибири. В новой пятилетке Ленинград

будет получать сталь с нового мощного металлургического завода на базе недавно разведанных кольских руд и хорошо коксующегося угля Печоры.

Вдоль Октябрьской магистрали березы и осины еще скорбно простирают к полотну уцелевшие от обстрела ветви, рядом еще ржавеют в канавах гробоподобные остовы танков, но в положенный час стремительно пронесется экспресс «Красная стрела», один за другим пролетают, грохоча, эшелоны леса, кирпича, цемента.

В развалинах Волхов, но уже выдал первый алюминий восстанавливаемый знаменитый завод. Вдоль шоссе Ленинград — Нарва укладывают трубы газопровода, по которому пойдет в Ленинград газ, добытый из сланцев Эстонии. Отстраиваются фарфоровые заводы в Новгородской земле, мебельные фабрики Псковщины, возрождаются древние русские города. В Новгороде уже сданы в эксплуатацию жилые дома общей площадью около 50 тысяч квадратных метров. Лучшие советские архитекторы реставрируют знаменитые памятники водчества в Новгороде и Пскове.

★

Несколько лет тому назад среди ледяного безмолвия полярной ночи вырос молодой город Воркута. Там, где только северное сияние кропило снега колдовским снегом, ныне сверкают огни горняцких поселков, школ и клубов. Новенькие коттеджи выстроились на улицах Ухты — в них живут самые северные в мире нефтяники.

На Кольском полуострове еще в начале второй пятилетки велись поисковые и разведочные работы. Советским геологам удалось обнаружить крупные месторождения железной руды. Ныне здесь будет создана мощная железорудная база для металлургии. Новая гидроэлектростанция, строящаяся на реке Ниве, снабдит возрожденную промышленность Севера дешевой электроэнергией. Возрождаются города советского Заполярья — Мурманск и город никеля Мончегорск. На возвращенной родине печенгской земле комбинат «Печенгоникель» также скоро даст промышленности этот ценнейший металл.

★

От Калинина до Астрахани на всем громадном протяжении великой русской реки растут старые и создаются новые промышленные центры. Ныне Волга не только транспортная артерия — это район крупной и многообразной промышленности, это горьковские и ярославские автомобили, это саратовский газ и куйбышевская нефть.

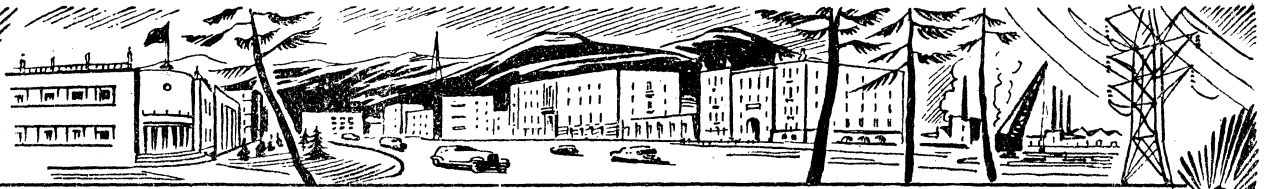
Заново перестраивается автозавод в Ярославле. Он даст стране мощные 5—7-тонные грузовики с дизельмоторами. Намного возрастет производственная мощь Гурьевского автозавода имени Мологова. Его 2—2½-тонные грузовики и теперь уже можно видеть на улицах наших городов. На очереди — выпуск красивой и удобной легковой автомашины «Победа». Грузовики легких типов вскоре сойдут с конвейера Ульяновского завода.

Еще недавно в учебниках было сказано: «Поволжье не имеет собственных энергетических ресурсов и получает топливо извне».

Ныне огромный район между Уралом и Волгой благодаря работам советских геологов стал известен своими богатейшими нефтяными залежами. Этот район превращается в крупнейшую базу жидкого топлива, так что его, по справедливости, называют «Вторым Баку». Большой победой советских геологов явилось открытие нефти в девонских отложениях на глубине 1 600—2 000 метров, предсказанное еще покойным академиком И. М. Губкиным. Девонские пласты здесь исключительно богаты нефтью: несмотря на то, что пробурено еще очень мало скважин, нефть девона составляет уже 40 процентов всей добычи «Второго Баку». Пятилетний план предусматривает дальнейший подъем добычи волжской нефти.

В районе Самарской луки сооружается нефтепровод. Трасса его пересечет жигулевские озера, пройдет по дну Волги. Другой нефтепровод в Башкирии соединит Туймазу с Уфой. Уже и теперь на своем волжском мазуте ходят волжские теплоходы и пароходы, и свой волжский бензин и лигроин движет автомобили и тракторы в поволжских степях.

Много лет тому назад один крестьянин из глухой деревушки Елшанки, затерянной под Саратовом, полез в погреб с фонарем. Страшный взрыв внезапно разметал избу и ранил крестьянина. Молва приписала взрыв «козням нечистого». Теперь «нечистый» разоблачен и опознан. Это знакомый любому школьнику природный, или болотный, газ — метан. Сегодня елшанский газ послушно греет, жарит и варит в кухнях многих московских квартир, куда он поступает по 850-километровому газопроводу. И, наконец, новой четвертой гидроэлектростанцией будет пополнено энергетическое хозяйство великой русской реки.

Встает из руин Сталинград. В великодушных архитектурных ансамблях и памятниках, где каждый камень будет говорить о бессмертном подвиге советских людей — защитников города, родины и мира, оживут его площади, улицы и парки.

Братская поддержка русского народа поднимает к небывалому расцвету промышленность, хозяйство и культуру приволжских национальных автономных республик.

Мало кто знал в былые времена о Царевкокшайске — городишке, затерянном в лесах и болотах. Это была самая что ни на есть глухомань, «медвежий угол».

Между тем нынешняя столица Марийской автономной республики — Йошкар-Ола — в прошлом и есть Царевкокшайск. Неузнаваем стал этот небольшой городок. В нем два высших учебных заведения, два научно-исследовательских института, музыкальный техникум и музей. Крупный современный завод, изготовляющий сложные приборы, свидетельствует о большой технической культуре, достигнутой рабочими и интеллигенцией республики. В городе хорошая библиотека, есть театр и кино. Таких городов, как Йошкар-Ола, пробужденных от векового сна и застоя, многие и многие десятки на бескрайних просторах нашей социалистической родины.

★

Людно сейчас на угольных шахтах Ростовской области. Спорят о методах скоростного строительства инженеры и стахановцы, и жены шахтеров с цветами встречают героев-забойщиков. Возрождается былая мощь нефтяных промыслов Грозного и Майкопа. Вдвойне дорого стало теперь народу кровное его добро, его земля и города, его шахты и промыслы, все его богатства, которые он кровью и геройством сынов своих отстоял от захвата и вечного порабощения.

На берегу Керченского пролива восстанавливается Камышбурунский железорудный комбинат, разрушенный гитлеровцами.

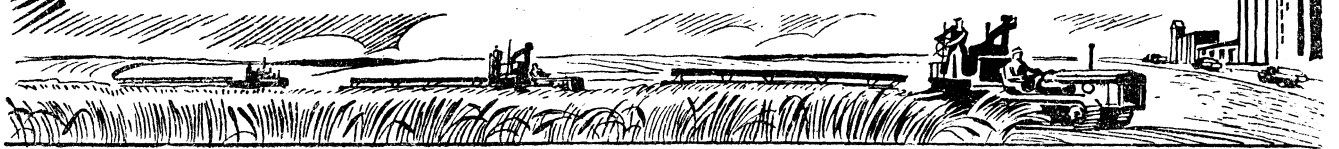
Везде и всюду — на цементных заводах Новороссийска, на многочисленных предприятиях пищевкусовой промышленности Ставрополя, Краснодара и Ростова, на Прикаспийской железнодорожной магистрали и на курортах Крыма и Кавказа — кипит работа, растет творческое нетерпение восстановителей.

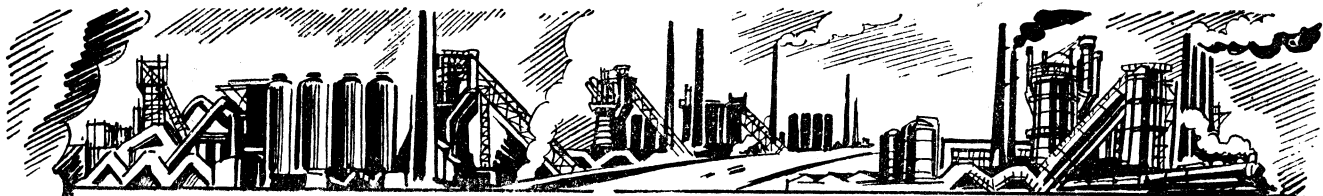
★

В дни Отечественной войны советский народ не случайно назвал Урал арсеналом победы. Нет, пожалуй, ни одного вида военной продукции, которой бы не выпускал Урал или которая хотя бы частично не происходила с Урала. За годы сталинских пятилеток, по мысли Сталина, была создана наша вторая, восточная угольно-металлургическая база — Урало-Квзнецкий комбинат. Гордость советской металлургии — Магнитогорский завод — не имеет равных себе в Европе.

Новая сталинская пятилетка почти утроит индустриальную мощь Урала. К 1950 году выпуск чугуна возрастет в 2,5 раза, добыча угля — в 2,7 раза, нефти — в 3,2 раза по сравнению с 1940 годом. Увеличат свою мощь металлургические комбинаты в Челябинске и Нижнем Тагиле. Уже сняты леса с огромного здания новой теплоэлектростанции в Березниках, на Севере вступают в строй новые шахты и бокситовые рудники. Ширится город у подножия горы Магнитной.

Все гуще покрывается Урал сетью железных дорог. Часть железнодорожных линий Урала электрифицируется. Так же как всю уральскую промышленность, их обеспечат миллионами киловатт-часов электроэнергии новые тепловые и гидроэлектростанции, которыми обогатится Урал к 1950 году. Одна из них, Молотовская гидроэлектростанция на Каме, лишь немногим уступит в мощи Днепродзержинской.

Уверенно догоняет Урал советская Сибирь: чугун и сталь, цинк, свинец и алюминий, уголь и синтетическое горючее, автомобили Новосибирского завода, — вот далеко не полный промышленный ассортимент одной лишь Западной Сибири в ближайшем будущем.

Богатейшие залежи руды в Горной Шории значительно сократят привоз руды с далекой Магнитки.

А в тайге поют пилы, с треском баяются столетние деревья, широкая просека прорубает тайгу; на свежую насыпь строители укладывают тусклые, не тронутые еще колесами локомотива рельсы, — здесь пройдет крупнейшая железнодорожная магистраль пятилетки — Южносибирская дорога.

Не прошло и полутора десятка лет с тех пор, как среди шумящей тайги на берегу Амура возник город, построенный руками комсомольцев. Молодая индустрия Комсомольска — гордость Дальнего Востока. Здесь уже есть металлургический и нефтеперерабатывающий заводы, судостроительные верфи и рыбокомбинаты.

За бурным Татарским проливом — остров Сахалин. Еще два года назад его рыбоподобные очертания на картах пополам пересекала красная пограничная линия. Разгромив Японию, Советская Армия вернула родине ее исконную землю. Пятилетний план придает особое значение росту нефтедобычи на Дальнем Востоке, а сахалинская нефть широко известна своими исключительно высокими качествами. К 1950 году Сахалин станет крупным поставщиком нефти, угля, леса, бумаги, рыбы и других продуктов не только для Дальнего Востока, но и для всего Союза.

Гордо реет советский флаг и на Курильских островах. Хозяйственной рукой из дерева, кирпича и камня ставят здесь самые восточные жители нашей родины добротные русские жилища.

Таков этот далеко неполный обзор великой стройки. Задумано и творится великое народное дело. Народ наш знает: нелегко будет поднять из развалин города и села, пожженные и растоптанные немцами, увеличить промышленную продукцию республики на 56 процентов по сравнению с 1940 годом. Но народ наш не боится труда. Ибо труд для него не проклятие, но творчество.

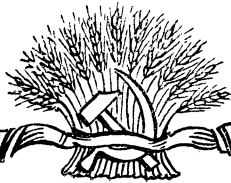
Радостно и уверенно смотрит наш народ в будущее.

В 1945 году русский народ удостоился великой похвалы, великого признания его достоинств, его заслуг перед историей, перед родиной и перед миром. На приеме в Кремле в честь командующих войсками Советской Армии товарищ Сталин поднял бокал за здоровье русского народа, как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны, потому что русский народ, указал товарищ Сталин, обладает ясным умом, стойким характером и терпением.

Русскому народу бесконечно дороги эти благородные слова, выразившие мысли миллионов людей во всем мире. Выбирая лучших своих представителей в Верховный Совет РСФСР, все народы Российской Федерации вместе с великим русским народом еще раз единодушно подтверждают свое беспредельное доверие советскому правительству, свою любовь к великому Сталину.

Выборы в Верховный Совет Российской Федерации и в Верховные Советы союзных и автономных республик — новое торжество советской демократии.

Под испытанным руководством большевистской партии, руководимые своим мудрым вождем, товарищем Сталиным, народы Российской Федерации выполняют величественные предначертания пятилетнего плана. В союзе с братскими народами Советского Союза они перепашут бескрайние земли, отвоят неистощимые земные недра, возведут могучие заводы и фабрики, проложат широкую дорогу навстречу счастью и изобилию.

на земле КАЛЕВАЛЫ

ГЕННАДИЙ ФИШ

В июле—августе сорок первого года не раз доводилось нам по лесной дороге на Крошно-озеро, где наши малочисленные подразделения героически сдерживали намного превосходившие их количеством силы противника, рвавшегося на Петрозаводск, проезжать мимо деревни Маньга.

В пути нам приходилось то и дело останавливать машину, пропуская медленно бредущие на восток стада эвакуированного скота.

И вот сейчас мы снова проезжаем мимо Маньги. Но совсем другие мысли и чувства наполняют нас. Километрах в двух от деревни водитель наш, белокурая и веселая Инга, останавливает машину. По еле приметной тропе, проложенной по лесному топкому болоту, пробираемся к буровой вышке. Огромные бревна — береза, сосна — повалены на болото, как рельсы-катки. По ним местное население — маньгинцы и пряжинцы — протаскило в глубь леса огромные тяжести: двигатель пердачи, буровую машину, бревна для вышки. Это было нелегко, потому что даже без всякого груза, опираясь свободными руками на посохи, и то трудно добраться сюда, не завязнув по пути в трясины.

Вышка вся дрожит от работы мотора: фундамент ее — на болоте. Лица работающих обвязаны платками, только глаза поблескивают. Но ничто не может уберечь от безжалостных кровососов — болотного и лесного гнуса и комаров; колеб-

60 тысяч квадратных километров карельской земли обследовали с воздуха при помощи аэромагнитометров разведчицы горных недр — студентки-дипломантки Ленинградского горного института. Установив местонахождение новых магнитных аномалий, разведчицы бросали вниз вымпелы с их точными координатами. На снимке: одна из воздушных разведчиц — Елена Херувимова.

люющимися столбами, тучами поднимаются они над землей.

Казалось бы, на болоте бурить легко.

Но нет, уже на двух-трех метрах глубины буры натываются на огромные каменные валуны — остатки работы великих ледников. И для того чтобы дойти до пластов, до железной руды, — а именно ее сейчас здесь ищут, — надо пробурить, пробиться через десятки метров таких разбросанных и скрытых под болотами валунов. Вот то, что замедляет темп работы и делает ее еще труднее.

Фото А. Музис

— У нас дела ничего, идут понемногу, — говорит начальник партии, — но доберитесь-ка до Гимол: там у них все нагляднее. И, конечно, железа не в пример больше.

Гимолы.

С самолета эти места кажутся совершенно безлюдными. Куда только достигнет глаз, видны зеленые вершины бескрайних лесов, сливающихся у дальнего горизонта в синеватое ровное поле. И сколько ни летит самолет, все те же под крыльями вершины, все так же вдали синеют хвойные, прекрасные леса. О том, что самолет перемещается в пространстве, а не висит неподвижно в воздухе, можно почувствовать лишь по изменению формы синевато-стальных и голубых пятен, которые то и дело появляются под крылом и поблескивают в солнечных лучах впереди и позади самолета. Они то маленькие, то огромные, круглые, продолговатые, причудливой формы. Это бесчисленные озера Карелии. Берега их скаймлены золотистой полоской песчаных пляжей, к прозрачным водам других вплотную подступают высокие матовые сосны. Лишь изредка на каменистом мыске — наволоке — промелькнет несколько деревянных деревенских домов.

Здесь, пожалуй, понятнее, чем где бы то ни было, происхождение слова «деревня». Место, отвоеванное, вырванное из-под дерева; из дерева срублена и вся постройка. Но

вот мелькнула деревушка, и уже нет ее. И снова безлюдные леса и пустынные озера: настоящий «край нехоженых троп и непуганых птиц».

Тот, кто приходит сюда не впервые, кто бродил по этим лесам, зоревал на озерах, кто зимою на лыжах, а летом на лодках и на машинах по новым дорогам пересекал тут лесные чащобы,—тот в этих, казалось бы, глухих местах, в этих редких деревнях с просторными избами, украшенными резьбой, всем сердцем может ощутить ход истории, ее движение и биение пульса народной жизни.

Гимолы. Гимольское озеро.

Какие воспоминания возникают при этом названии — Гимолы!

В этой деревне сжигали себя раскольники, не пожелавшие сменить древнее благочестие, древние предассудки на казенную синодскую веру.

Здесь, в этой деревне, знаменитый поэт и ученый Эллиас Ленрот записывал руны, из которых создал бессмертную поэму, эпос карело-финского народа — «Калевалу». «На протяжении сотен веков индивидуальное творчество не создало ничего равного Илиаде или Калевале», говорил Максим Горький.

Внук прославленного сказителя, слепого старика Пертунена, из уст которого записаны лучшие руны, тоже Пертунен, коренастый и краснощекий, неповоротливый с виду храбрец, в дни Отечественной войны вдоль и поперек исходил эти леса в партизанском отряде. Он был комиссаром отряда.

Мы бывали здесь в холодные и снежные дни, дни войны с Финляндией. И подвиг шофера Койды, ворвавшегося на тракторе в расположение финских войск и шесть часов ведшего неповторимый и единственный бой, навсегда остался в памяти. Анатолий Койда был первым человеком в нашей армии, получившим звание Героя Советского Союза.

И в суровые и тяжкие дни октября сорок первого года нам довелось проходить по этим лесам вместе со стрелковым полком, которым тогда командовал майор Вальтер Валли. Это был прославленный на нашем фронте полк. Он героически удерживал целую дорогу, сражаясь с врагом, в десять раз более сильным.

Осенним вечером мы стояли на холме над Порос-озером и видели огромное зарево дальнего пожара. Горел районный центр — Спасская Губа. И этот холодный и ветренный осенний вечер, пламенеющее зарево, свежие могилы на песчаном холме над черным озером, горькое чувство, неизбежно возникающее при отступлении мне вспоминаются всегда, когда я думаю о Петровском районе, о Порос-озере, о деревне Гимолы.

Пилот А. Попов и старший магнитолог Карело-Финской аэромагнитной экспедиции З. Макарова, открывшие Костомужское железное месторождение.

Чем же снова влечет меня к себе этот глухой лесной угол нашей страны — Гимолы? Почему сегодня, так недавно сбросив с плеч военную шинель, снова устремляюсь я сюда? Нет, не для военных воспоминаний, не для путешествия по сожженным и памятным местам!

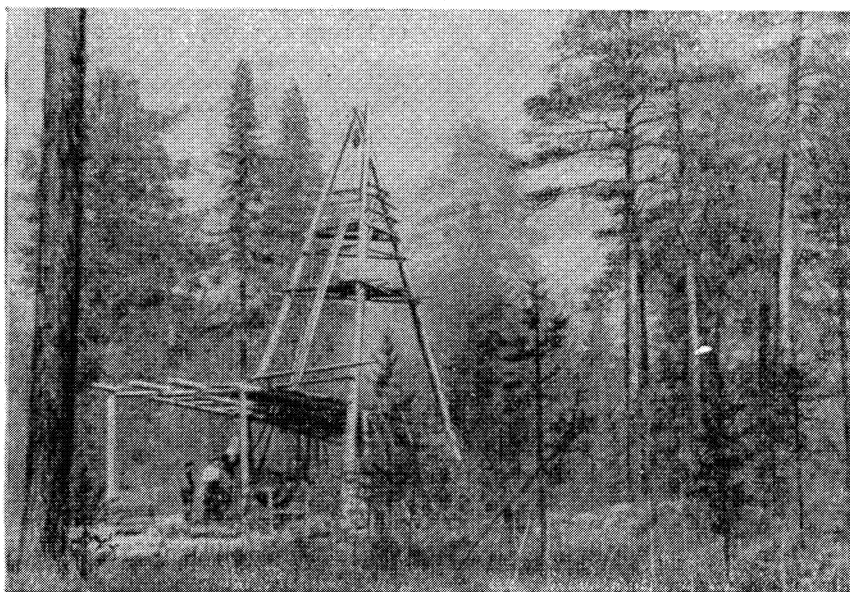
Сюда влекут меня дела первой послевоенной сталинской пятилетки.

В пятилетнем плане предусмотрено строительство на северо-западе Советского Союза металлургического завода-гиганта. Чугун и сталь этого завода должны стать базой для машиностроения, металлургической и судостроительной промышленности Ленинграда и всего Ленинградско-

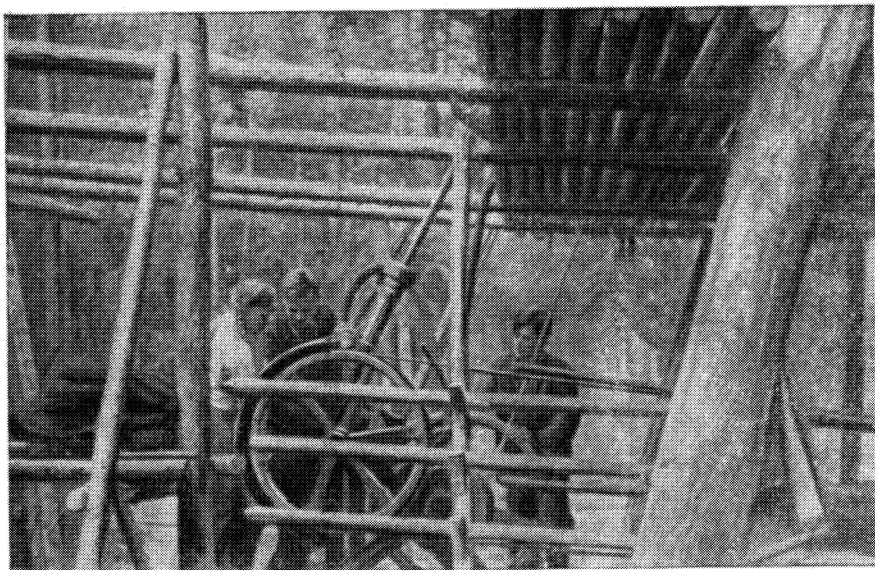
го промышленного района. В его домнах должны повенчаться железные руды Кольского полуострова с каменным углем Печоры. Но место их встречи, точное место, где должны вырасти красавицы-домны этого самого северного в мире гиганта металлургии, планом еще не предусмотрены.

Где-то здесь, на северо-западе. Недалеко от Ленинграда. На скрещении путей от Печоры с путями из Колы. И вот тут-то и начинаются споры: где строить?

Тихвин? Петрокрепость (бывший Шлиссельбург)? Возможно, что и тут.

Вышка вся трясется от работы мотора: фундамент ее на болоте.

Внутреннее оборудование буровой вышки. Маньинцы и пряжинцы протащали по болотам в глубь леса огромные тяжести: двигатель, передачу, буровую машину, бревна для вышки. Это было нелегко.

Череповец, новый областной центр, тоже добивается чести стать родиной северного чугуна.

Пути от Колы идут через Петрозаводск. Уголь из Печоры во время навигации может поступать сюда по Бедоморско-Балтийскому каналу, а зимой — по железнодорожной ветке.

А сколько в Карелии гидроэнергии! Сколько лесу здесь же, на месте, чтобы рядом с металлургическим построить впоследствии и вагоностроительный завод. Мечта эта все больше и больше волнует сердца и умы партийных и советских работников Карелии, ее интеллигентов, патриотов советского Севера.

И вот по всему северу Карелии разбрелись партии геологоразведчиков, посланные Ленинградским геологическим управлением.

Зимой сорок пятого года аэромагнитной разведкой Министерства геологии СССР были открыты в районе деревни и озера Гимолы магнитные аномалии.

В апреле сорок шестого года в Гимолы уже отправилась горнобуровая разведывательная партия Я. Еселева.

Таял снег. На дорогах уже стояли лужи, на полях чернели проталины. Шла дружная весна. Она не радовала геологов. Им надо было по плохим дорогам протащить оборудование буровой вышки, буры, двигатель, горючее, продукты так, чтобы до распутицы успеть добраться до места, отстоявшего более чем на сто восемьдесят километров от железной дороги. Распутица, разливы могли задержать начало работ месяца на полтора.

В путь тронулось сорок подвод. Дорога портилась на глазах. Лошади то и дело проваливались по грудь в воду, выбивались из сил.

Ослабевшим лошадям помогали тянуть груз люди.

Двадцатого апреля партия прибыла в Гимолы уже под проливным дождем.

С геологами шел фронтовик-радиотехник Кочнев. Он, как на фронте, сразу же развернул свою рацию и «с места боя» дал в Петрозаводск и Ленинград первую радиограмму:

«20-го благополучно прибыли в Гимолы. Груз 15 тонн доставлен полностью. Приступаем к заброске оборудования на аномалию».

О том, как забрасывалось оборудование на аномалию, какого труда стоила эта короткая бревенчатая дорога по болоту, можно написать повесть.

Местное население, крестьяне из колхозов «Красная звезда» и «Красный пограничник», пришло на помощь разведчикам.

Колхозы не только помогли им протащить грузы по лесной чащобе и установить буровые вышки, — они дали и лодки для передвижения по озерам и сети для рыбной ловли. Но зато потом, в период уборочной страды, работники горнобуровой партии пришли на помощь колхозам и помогли им во время закончить сенокос и убрать хлеб.

Меньше чем через неделю были построены вышки, и уже 30 апреля на Гимольском месторождении началось бурение первой скважины.

Этой же весной в деревне Кудомгуба, избы которой тянутся на берегу Гимольского озера, километрах в двадцати пяти от деревни Гимолы, приземлился одномоторный самолет «Г-175» молодой летчицы Рай Юшиной. Цельными днями этот белый легкий самолет стоял на берегу озера. И около него весь день толпились деревенские ребятки, которым,

впрочем, как и большинству обитателей Кудомгубы, довелось в своей жизни увидеть самолет раньше, чем поезд и автомобиль.

По ночам Рай Юшина уходила в полет. Она была мастером ночных полетов, и полк, в котором она служила в годы войны, работающий на «У-2», прославился тем, что по ночам обрушивал бомбовые удары по вражеским частям.

Еще учась в десятилетке, Рай посещала Московский аэроклуб, а боевую свою жизнь она начала в полку, организованном Героем Советского Союза Мариной Расковой. Летала Рай в Крым на поддержку десанта, высаживавшегося в Керчи. Во время прорыва немецкой обороны на реке Нарев (Польша) за одну только ночь Рай Юшина совершила семнадцать боевых вылетов. Последний же ее вылет был уже на 2-м Белорусском фронте — ночной полет на Берлин. Эта невысокая, светлокудрая, стройная девушка награждена двумя орденами Красного Знамени и орденом Отечественной войны 1-й степени.

Когда окончилась война, Юшина думала сначала, что в мирной жизни ей не удастся использовать свой боевой опыт. Но вот теперь, в белые весенние северные ночи, она снова вылетела на свою, уже мирную, но такую же горячую работу. Она водила самолет ровными, параллельными курсами. А это лучше всего делать ночью, когда в воздухе меньше «болтанки», которая может помешать точности работы прибора, установленного на самолете. Прибор этот (аэромагнитометр системы А. А. Логачева) напоминает по своему принципу компас. Главная его часть — намагниченная стрелка, которая должна неизменно указывать на север.

Так это было и здесь. Из полета в полет стрелка глядела на север. Но вдруг она как бы приклеилась к одному месту, и освободить ее от этого влечения не было никакой возможности. Компас тоже отказывался работать. Такое поведение стрелки означало, что здесь магнитная аномалия — залежи железной руды. И если бы летчик и штурман не знали этих мест наизусть, они непременно заблудились бы.

Но штурманом на самолете Рай Юшиной был герой Отечественной войны, заслуженный штурман Иван Цыбульский. Он воевал на Западном фронте, часто летал в тыл противника, и в один из таких полетов над Ржевом самолет его был подбит. Тяжело раненный, он выпрыгнул с парашютом из горящего самолета и упал в двух километрах от линии фронта. Окровавленный, с вытекшим правым глазом, с раздробленным левым плечом и множеством мелких ранений и ожогов, Цыбульский под огнем врага дополз до своих.

После долгого лечения в госпитале он демобилизовался, но, несмотря

ря на инвалидность, не бросил любимого дела. Преподавал в школах военных летчиков самолетовождение, бомбометание, штурманское дело. А затем, перейдя на гражданскую службу, начал снова летать, стал штурманом в эскадрилье магнитной разведки. И вот теперь, вместе со своими новыми друзьями, штурман Иван Цыбульский снова активно участвует в борьбе за победу коммунизма.

А полеты в Гимолах трудные: им мешают низкая облачность, частые туманы, однообразие лесов и озер. Особенно трудны здесь полеты зимой, когда видимых ориентиров нет никаких. Самолет же нужно вести точно на параллельных курсах, не допуская отклонений: по сторонам — более ста метров, по высоте — до десяти метров, а по скорости — более трех километров в час. Таковы условия аэромагнитной разведки.

Производя с самолета с помощью аэромагнитометров исследования магнитного поля на различных высотах, геофизики установили такую закономерность. Снижение высоты полета резко увеличивает значение магнитного поля там, где действительно есть руда. В тех же местах, где руды нет, величина магнитного поля остается прежней. Это различие является очень существенным при определении перспективных участков и их границ.

За приборами наблюдала двадцатичетырехлетняя девушка, участница обороны Ленинграда, студентка-дипломантка Ленинградского горного института Татьяна Сироткина. Теперь она инженер.

Уже второй год она проводит здесь практику. До Карелии Сироткина работала по разведке графита в Саянских горах. Ее не пугали ни вьюга, ни метель, во время которой ей приходилось проделывать верхом чуть ли не по триста километров по узким горным тропинкам, поднимаясь на скалы высотой в три с половиной тысячи метров.

«У нее за плечами уже две аномалии», с уважением говорит о Татьяне Елена Херувимова, студентка этого же института, приехавшая в Гимолы помогать Сироткиной. И действительно, это ей, Татьяне Сироткиной, выпала честь в снежные, холодные дни карельской зимы здесь, в Гимолах, открыть первую магнитную аномалию — высококачественную железную руду.

Воздушные разведчицы бросали вниз товарищам по работе вымпелы с точными координатами новой аномалии. Кроме самолета Юшиной, в этом году здесь работало еще два самолета, и все вместе они обследовали свыше 60 тысяч квадратных километров карельской территории.

Словно в сказке, с воздуха открывалось то, что таилось в недрах земли.

Так, в прошлом году ими были открыты аномалии в Маньге (где сей-

час работает уже упомянутая нами буровая партия) и здесь, в Гимолах.

В некоторых местах открытых аномалий руда выходила на самую поверхность.

Анализ установил высокую ценность этих железистых кварцитов для металлургии.

Разведкой было найдено много мелких аномалий, а наряду с ними к концу лета 1946 года удалось установить и несколько необычайно мощных, огромных залежей железной руды. Открыты были месторождения Гимолы-II, Лебединая, Костомукша и аномалии вблизи Тикш-озера и Кимас-озера.

В Гимолах-II к осени уже было вскрыто канавами три месторождения, обещающих дать не менее сотни миллионов тонн железной руды. Магнитная аномалия, открытая в районе озера Костомукское, в несколько раз превышает по площади оба Гимольских месторождения, вместе взятые. Это месторождение открыто экипажем самолета, в котором старший магнитолог З. Макарова, пилот А. Попов и старший штурман С. Верещагина. Аномалия эта простирается на шестнадцать километров, причем на протяжении семи километров интенсивность магнитного поля настолько велика, что измерять ее существующими приборами оказалось невозможным.

Говорить о точных цифрах запасов всего рудного района еще преждевременно. Но уже несомненно, что запасы эти будут исчисляться сотнями миллионов тонн.

Когда Рая Юшина рассказала мне о том, как боевой опыт пригодился ей в мирной работе, я вспомнил, что когда-то уже слышал о странном поведении компаса именно в этих же местах. Говорил мне об этом коман-

дир легендарного рейда на Кимас-озеро Тойво Антикайнен.

Его курсанты проходили здесь в январе 1922 года, и магнитная аномалия чуть не заставила их сбиться с пути. Я рассказал об этом случае в своей повести «Падение Кимас-озера». Но геологи, улыбаясь, говорят, что, читая повесть, они мне не верили — им это казалось вымыслом автора, придуманным для того, чтобы заставить героев преодолеть еще одно непредвиденное препятствие.

Теперь, когда Карелия предлагает, чтобы новый металлургический завод был построен в районе Петрозаводска, ее желание подкрепляется и таким полновесным аргументом, как миллионы тонн карельской железной руды. И еще примечательно то, что этот новый, только что открытый железорудный район, словно по заказу, вытянут вдоль трассы западно-карельской железной дороги, которая должна быть построена в эту пятилетку.

Будущая трасса была записана в Закон о пятилетнем плане, когда еще неведомы были запасы находящейся здесь железной руды, и предназначалась главным образом для перевозки леса.

Будет ли построен новый завод в Петрозаводске или в каком-нибудь другом близлежащем городе, еще не известно. Но ясно одно: задание правительства и партии — «приблизить рудную базу массового металла к Ленинграду, главному потребителю металла на северо-западе СССР», выполнено.

И это связывается в моем сознании с именем Гимол, наполняя его новым содержанием.

Вот почему влечет меня снова туда, где идет новый бой. Туда, откуда начальник горнобуровой партии товарищ Еселев пишет:

Тот, кто открыл первую Гимолу: инженер-магнитолог тов. Ларионов за магнитометром.

«Сейчас окрестности Гимол преображаются. На буровых вышках стучат двигатели, то и дело раздаются олушительные взрывы. Канавы и шурфы по всем направлениям пересекают месторождение. Отовсюду тянутся линии водопроводных труб, подающих воду на вышки. Ходят со своими приборами геофизики и топографы. На озере пыхтят моторы лодок, перевозящих грузы из Кудомгубы. Заложены буровые скважины №№ 5 и 6. Жизнь бьет ключом».

Я читаю это письмо и вспоминаю, что ведь и в тот печальный час, когда с вершины холма, ночью, мы смотрели на дальнее зарево горящей Спасской Губы, мы мечтали о том, что когда-нибудь обязательно прочитаем такое письмо из заброшенной в необъятные леса деревни Гимолы, приоткрывшейся на скалистом берегу прозрачного озера...

* * *

Население Карелии добывало железо из озерных и болотных руд еще до Петра. Это отразилось и в народном творчестве. В одном из вариантов рун «Калевалы», например, пелось:

*Волк бежит через болото,
Через бор медведь проходит.
Пар от волчьих лап поднялся,
Мох от лап медвежьих падал.
Признаки руды железной
На следах остались волчьих,
На следах от лап медвежьих.
Тут кузнец наш Ильмаринен
На следы набрал медвежьих,
Снял куски руды железной
Со следов огромных волчьих,
Со следов от лап медвежьих.
И кует кузнец прилежно,
Ударяет в наковальню.
В кузнице, где и дверей нет,
Где и окон не бывало,
Меч он выковал отменный,
Лучший щит он в кузне сделал.*

Гимолы. Гимольское озеро. С самолета эти места кажутся совершенно безлюдными.

Особенно развилось железоделание в Карелии в Петровскую эпоху.

Здесь, в Карелии, где так много леса для горючего и руды в болотах и на дне озер, было выстроено много небольших металлургических заводов.

Сорок тысяч орудий для российского флота было изготовлено здесь на петровских заводах. Якоря, ядра, ружья.

Имя столицы Карелии — Петрозаводск — несет в себе историю северной металлургии.

Сестрорецкий ружейный завод — сын Петрозаводского. Кронштадтский механический — тоже.

Но затем, с развитием Урала, все падает и падает роль Карелии, пока, наконец, совсем не прекращается здесь железоделание. Только циклопические развалины петровского металлургического завода на берегу Конч-озера, рядом со зданием новенькой колхозной электростанции, спущенной в этом году, напоминают сейчас о былой славе здешней старинной металлургии.

Уже в XIX веке прочно укоренилось убеждение, что здесь, в Карелии, нет настоящей промышленной руды, кроме небольших россыпей озерной да болотной, годной лишь для кустарного производства. Да еще известны были пудожгорские титано-магнетиты. «А больше здесь искать нечего», говорили в былые времена.

И вот теперь, когда работами и открытиями первого года послевоенной сталинской пятилетки разбита эта теория, мы еще раз вспоминаем слова великого пролетарского трибуна Сергея Мироновича Кирова:

«Этот край еще недавно назывался краем «непуганных птиц». Мы теперь должны так трянуть эту старую землю... что бы установить все, что в ней содержится».

Лет 15—20 тому назад, по мере отступления ледника, обнажились могильники и городища древних скандинавских обитателей Гренландии, которые поселились здесь еще в конце X века, когда климат острова был, повидимому, теплее. Это один из многих признаков общего потепления климата нашей планеты. За последние 30—40 лет площадь вечной мерзлоты у нас в Сибири и в Северной Америке несколько сократилась. Воды теплого атлантического течения Гольфстрем теперь дальше проникают на восток, чем проникали раньше. Облегчились и условия для плавания судов в арктических и антарктических водах. Такие изменения климата в сторону потепления или похолодания происходили и прежде. Они связаны с колебаниями активности Солнца.

* * *

Город Якутск стоит вблизи реки Лены — одной из величайших в Советском Союзе. Но, как ни странно, в самом городе часто нехватает воды. Дело в том, что «протока» Лены, на которой стоит Якутск, заносится песком и часто пересыхает. В начале каждой зимы жители Якутска рубят речной и озерный лед и складывают его штабелями, как дрова, возле своих домов. По мере необходимости его оттаивают и эту «ледовую» воду пьют. Недавно советские ученые нашли в районе Якутска мощные источники пресных подземных вод. Эта находка имеет большое значение не только для жителей Якутска, но и для всей центральной Якутии, так как потребность в воде непрерывно возрастает с освоением огромных просторств северо-востока нашей страны.

* * *

В 1945 году исполнилось двести лет со дня выхода «Атласа Российского», изданного Академией наук. Это первое в России картографическое издание было задумано еще Петром I, но только в 1745 году, после двадцати лет работы, составители могли поднести Академии законченный атлас. В пояснительных примечаниях к атласу составители писали, что их труд должен помочь правительству «познавать, где какую перемену к истинной пользе подданных учинить, где крепости строить, каналы копать, фабрики, мануфактуры, рудопольные места заводить и как разные земные произращения от одного места в другое наилучшим образом перевозить должно».

Д. РОМАНЕНКО

Рис. Д. Рубинштейна

У «ШАМАНСКОГО КАМНЯ»

Бурным натиском одолевая подводную каменную грядку, стремительно вырывается из седого Байкала в пробитое ею ущелье река Ангара.

Только ей, Ангаре, Байкал отдает все свои воды. Ангара — самая необыкновенная, прекрасная и самобытная река. Она впадает в Енисей в 2500 километрах справа от его устья, отличается многоводностью и быстротой течения и достигает 1853 километров в длину.

Место у истока Ангара называется взморьем. Отсюда открывается вид на гладкую поверхность байкальских вод, окаймленных высокими горами. В ясную погоду эти скалистые горы тонут в беловатой дали, искрятся только снежные вершины их, похожие на облака.

Здесь, у истока могучей реки, высится прославленный в народных сказаниях «Шаманский камень». Ангара беснуется, злобно толкает камень, обдаёт его брызгами, покрывает пеной — точно хочет увлечь с собой, расширить себе выход. Но крепко стоит камень и упрямо борется с водой. В старину эта гранитная скала почиталась бурят-монгольскими шаманами как обиталище незримого и непобедимого белого божества. Клятва, данная бурятом на камне, считалась самой торжественной клятвой. Сюда на поклонение ему съезжались бурят-монголы за триста-четырееста километров.

Но сейчас, в наши дни, буряты уже не верят в свое «белое божество». Советская наука разоблачила его, развеяла суеверия, и у «Шаманского камня» стоит скромный зодомерный пост, регулярно отмечающий повышения и понижения уровня байкальской воды.

А недавно, по поручению краеведческого общества, профессор Петри произвел на берегах реки у «Шаманского камня» археологические раскопки и обнаружил здесь две стоянки доисторического человека, расположенные одна над другой. Нижняя стоянка — эпохи палеолита, периода, когда человек пользовался не обработанными каменными орудиями. Верхняя — эпохи неолита, периода полированных орудий.

В обеих стоянках найдено большое количество различных каменных орудий и предметов быта первых людей. Особенно интересны каменные рыболовные

крючки. Эта находка, по словам ученых, дает основание думать, что в незамерзающем истоке Ангара доисторические люди круглый год ловили рыбу.

Берега Ангара в этих местах исключительно красивы. К ним спускаются высокие крутые горы, поросшие сосной и лиственницей. Весной они кажутся розовыми от цветущего на скалах богульника. На острых камнях и в расщелинах скал растет бадан. У него кроваво-красные, похожие на кожу листья, лиловато-розовые цветы и длинные мясистые стебли.

ПРИЧУДЫ АНГАРЫ

Всю осень, пока Ангара не замерзнет, над нею и ее берегами клубится густой, почти непроницаемый морозный туман. Когда река покроется льдом, воздух становится чистым и здоровым, а небо ясным, синим и безоблачным.

Особенно хороша Ангара у истока в зимнюю лунную ночь. Торосистый лед переливается всеми цветами радуги. Преобладают синие, голубые и зеленоватые тона. На льдинах белеют серебристые пятна снега, искрятся, как при солнечном свете. Покрытые снежными блестками, вставшие дыбом льдины кажутся бирюзовыми. На небосклоне, залитом серебристым блеском луны, темными массами чернеют в лиловатой дымке зубчатые горы и скалы. Внизу, на утесах и на камнях, покрытых инеем, виднеются одинокие березы, ели и сосны. Все это вдруг заволакивается густым белым туманом. Туман клубится и носится над рекой и в ущельях гор. Затем, так же внезапно, как и появился, он испаряется, тает, — и снова все искрится и блестит.

Эта игра лунного света с туманом, эти зимние ночные картины долго волнуют воображение: их забыть невозможно.

Замерзает Ангара в середине декабря, иногда даже в январе, а вскрывается в конце апреля, большее время оставаясь свободной от льда. Самый сильный разлив реки бывает не весной, как обычно на других реках, а поздней осенью и даже зимой, во время ледостава. В мае и апреле уровень воды наименьший. В июле — августе, когда в горах начинает таять снег, вода поднимается.

Лед на Ангаре образуется не на поверхности реки, а на дне: это ее особенность.

Образуется глубинный лед вследствие неровностей каменистого, скалистого дна. Быстрое течение реки заставляет холодные верхние слои воды опускаться на дно. Задерживаясь в его неровностях, они превращаются в лед, большими массами примерзающий ко дну. По мере того как мороз крепчает, глубинный лед начинает всплывать. Начинается ледоход. Лед идет густой, по местному его называют «шуга». Льдин бывает так много, что, скопясь, они образуют плотины, или заторы. Вода быстро поднимается и затопляет берега и селения. Есть на Ангаре места, где она не замерзает всю зиму, несмотря на самые сильные морозы.

Вода Ангары прозрачна и всегда холодна: в ней нельзя купаться даже в самые жаркие дни. На дне реки видны камни и рыба, плавающая на большой глубине. Можно различить не только форму, но и цвет камней на глубине до шести метров. Но после впадения притоков Иркутка и Китоя Ангара утрачивает свою прозрачность и холодную свежесть. Сине-зеленый цвет воды переходит в зелено-серый, а затем и в серо-зеленый.

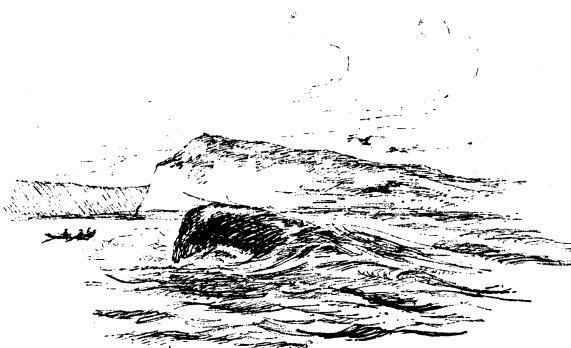
На Ангаре более 430 островов. Они тянутся непрерывной цепью один за другим. Особенно много островов между Иркутском и селом Большой Мамыр. Как правило, все острова наносного происхождения, но встречаются и постоянные, скалистые.

Протекает Ангара среди дикой тайги, в зелени сибирских лесов, лишь изредка выбираясь на простор широких долин. Вначале она прокладывает себе путь между прибайкальскими хребтами, а пройдя 160 километров на северо-запад, поворачивает на север, а затем снова на запад, пересекает Енисейский гранитный кряж и возле старинного села Стрелка, в 90 километрах выше города Енисейска, впадает в Енисей. В месте слияния Енисей круто поворачивает на запад, подчиняя свое течение и свои берега направлению Ангары.

ПЕРВЫЙ МОСТ ЧЕРЕЗ АНГАРУ

В досоветское время существовало мнение, что постройка мостов через Ангару невозможна. Десятки лет население северной части Восточно-Сибирского края и жители Иркутска были отрезаны рекой от станции Сибирской железнодорожной магистрали, проходящей по левому берегу реки. Сообщение между городом и станцией поддерживалось посредством повтонного моста, который часто сносило течением.

Советские люди опровергли ложное мнение. В 1936 году в Иркутске было закончено строительство городского четырехпролетного моста через Ангару. Но условия стройки действительно были нелегкими. В этом

Устье реки Ангары. В центре — порог «Шаманский камень».

месте скорость течения Ангары достигает трех с половиной метров в секунду. Обосноваться для забивки свай и устройства помостей на середине капризной реки почти не представлялось возможным: Ангара сносила все сооружения. И все же наши строители сумели обуздать непокорную реку.

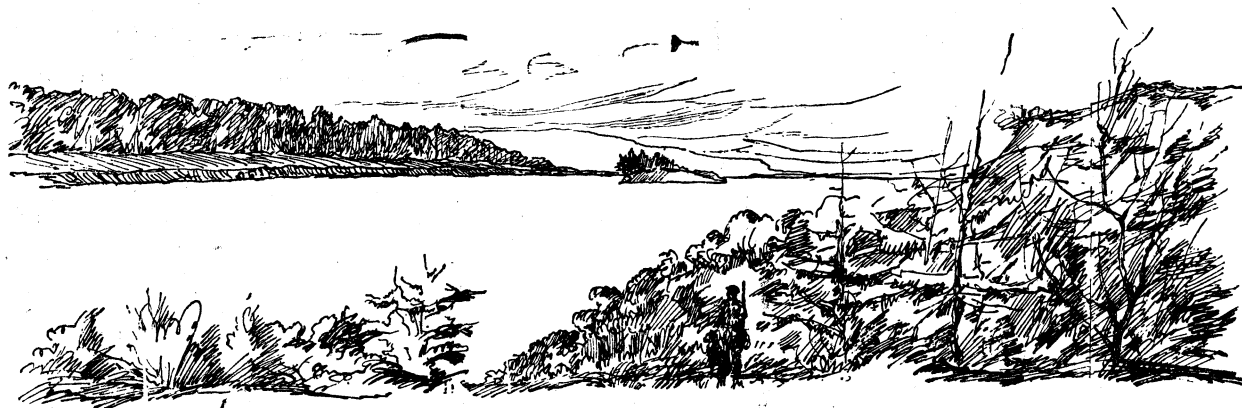
Мост начинается с правого берега Ангары огромной земляной насыпью, по которой автомобили, автобусы и трамваи въезжают на 144-метровую железобетонную эстакаду. Эстакада примыкает к полотну моста, построенному по переброшенным через реку железобетонным аркам. Арки покоятся на огромных быках, облицованных гранитом. Ангара здесь кипит и пенится, разбиваясь о могучие устои из бетона, железа и гранита.

Мост был закончен к XIX годовщине Великой Октябрьской революции. Он связал всю северную часть Восточной Сибири с железнодорожной магистралью и в то же время соединил разделенные Ангарой кварталы Иркутска.

АНГАРСКИЕ ПОРОГИ

Ангара — самая порожистая река. О ее порогах издавна сложилась худая слава. Много на них пролито было слез и пота.

Кроме порогов, на Ангаре есть еще и много других лютых врагов путешественника. Первые русские землепроходцы называли их «шиверами», «быками», «зарубами», «наплывами» и «кармангулами». «Шиверы» — это перекаты, водяная россыль, где стрель беспрепятственно изменяется, обнажая каменистое дно. Это мелкие места во всю ширину реки по твердому дну, плитняку, с быстрым скатом воды. Они порой извилисты, но с меньшим падением, чем пороги. «Быки» — каменные гряды, которые тянутся на некотором расстоянии от рассыпавшихся на мелкие части побережных скал. «Кармангулы» — каменные россыпи, продолжение скал в воде в виде гребня.

Близ деревни Зверово.

Правый берег Ангары ниже села Усть-Куды.

Всех порогов на Ангаре — 8, «шиверов» — 32, «быков» — 16, «кармангулов» — 4, мелей — 23, «заруб» — 79, а всех опасностей и неприятностей — 166. Пороги расположены на среднем участке Ангары — от устья Оки до Илима — на протяжении свыше 300 километров. Наиболее значительны пороги Стрелочный, Мурский, Шаманский, Аплинский и Падунский.

Порог Стрелочный находится в шести километрах от впадения Ангары в Енисей. Вода течет здесь со скоростью 15 километров в час. Все особенности порожистого дна нашли верное отражение в народных названиях. Эти названия определяют не только внешний, наружный облик камней, но и роль, которую они выполняют, препятствуя плаванию на судах. Вот «кочки», «лпатки», «черные камни». Вот «беляки», «плиты», «языки». Вот «лебеди», «щелчки», «конькамни». Тут и «сливная плита», на которую жмет боковое течение. Оно относит лодку в сторону и может посадить на камни. Тут и «отбойные камни», от которых пловцы получают щелчки. Есть тут и «бойцы» — самые опасные, острые камни, выскочившие из воды, чтобы вступить в драку с плывущими по реке лодками. По сторонам разбросаны плиты и гряды. Они предупреждают о скрытой опасности. В этом месте не зевай — отворачиваясь, а то будет поздно: выбросит на камни!

Шаманский порог характерен тем, что здесь осенью в течение дня бывает до восемнадцати порывов ветра, дующего с разных сторон. Черные утесы высятся по сторонам белых порогов. Река дико беснуется среди мрачных островов и скал. Вода падает тут с уступа в 14 метров.

Порог Аплинский менее свиреп и жесток, но он страшен своим «быком», угол которого далеко выдался в бушующую реку. Самый страшный ангарский порог — Падунский, или, по-другому, Грозный. Он находится в 35 километрах ниже Братска. Падение воды здесь свыше 15 метров. Приближаясь к порогу, Ангара круто поворачивает к западу. Здесь поперек реки залег наискось гребень горы, прорванный и размытый во всю ширину реки. Гребень преграждает течение, и вода, поднявшись на него, низвергается затем вниз по семи широким уступам.

Падунгом прозвали порог потому, что в старые годы здесь много было разбито дощаников. Вода на этом пороге никогда не замерзает.

В 1935 году шестеро отважных советских гребцов под начальством Василия Губина совершили замечательный поход из Байкала в Москву на байдарках. Они проплыли около 10 тысяч километров через пятнадцать рек, соединяющих Байкал с рекой Москвой, но из всех рек самой трудной оказалась Ангара. 25 мая 1935 года Василий Губин записал в своем дневнике: «Впереди страшный порог Падун. Огромные скалы, как быки, преграждают путь реке. Видны только гребни валов, как будто бы многотысячные стаи белых гусей машут крыльями. Пристаем и, пробираясь вдоль прибрежных скал, осматриваем порог. Три мощных залавка, подводных уступа — Косой, Кузьма и Мельник — преграждают путь Ангаре. Рев Падун за-

глушает все. Идем, а кое-где и ползем вдоль порога, осматривая каждый камень, каждую струйку. Пройдем!».

Крикнув команде: «Смотрите, куда я пойду и следуйте за мной!» — сажусь в байдарку.

Подойдя к самому сливу Косого, еще раз отгребся назад, поправил сиденье и, разогнав байдарку, врезался в огромный гребень волны. Что-то оглушило, надавило на барабанные перепонки, вода пробирается в рот, нос, глаза, но это только одно мгновение. Помня, что слева тихая заводь, гребу правым веслом.

Оглянувшись назад, вижу, как шедший за мной Овсянников стремительно несется со слива, скрывается под волной, показывается, снова ныряет под вторую, третью волну, так же заребает правой лопастью, и его байдарка становится рядом с моей.

Так все, один за другим, прошли через холодный ангарский душ.

Рочовым оказался последний залавок — Мельник. Шедший четвертым Евдокимов, не рассчитав немного поворот, наскочил на камень. Байдарку подбросило вверх. Евдокимов вылетел из нее и скрылся под водой. Бросаясь на помощь, бегу по камням с веревкой, но вижу, что помощь моя не нужна. Искусный пловец уже уцепился за тот же предательский камень и вытаскивает байдарку.

Из аварии вышли благополучно, потопив только сахар. Наводящий страх легендарный Падун пройден...»

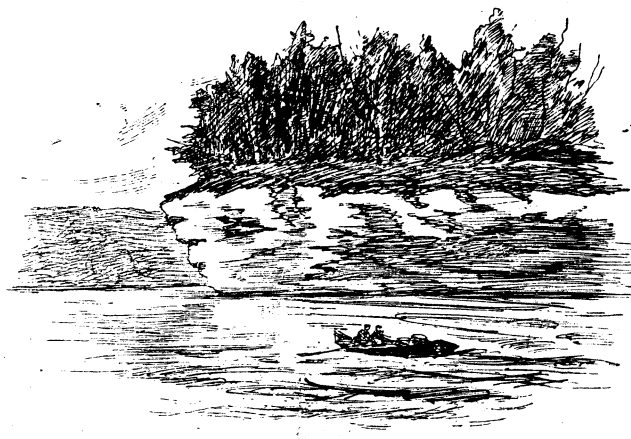
Не меньше опасностей для гребцов таил в себе и другой порог — Дубинский. Этот порог окружен скалами высотой в 200 метров. На протяжении семи километров дно реки здесь загромождено подводными камнями и ямами, создающими лабиринт водоворотов. Огромное дерево, попав в такой водоворот, через секунду превращается в щепки. Байдарки пронеслись через этот семикилометровый порог за шестнадцать минут.

Отважные советские спортсмены проплыли Ангару за девятнадцать ходовых дней.

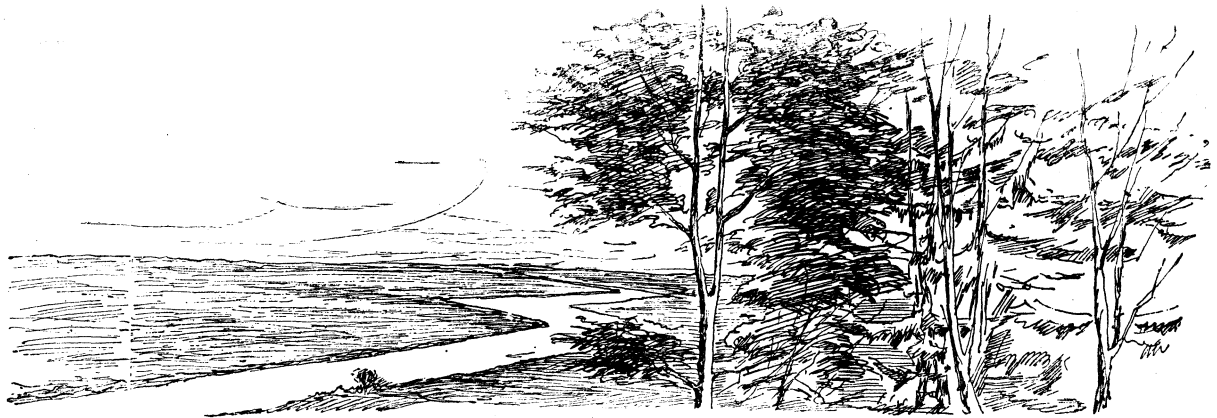
ПУТЬ ИЗ ЕВРОПЫ В АЗИЮ

В течение столетий, до проведения Сибирской железной дороги, Ангара была единственным путем, по которому проходили переселенцы. Она справедливо была названа мостом из Европы в Азию. По этому мосту отважные и мужественные русские люди прошли на север и восток — на Лену и Амур, на Чукотку и Камчатку, к берегам Тихого океана, содействуя трудами своими прогрессу и цивилизации огромного края.

Впервые победил ангарские пороги атаман Бекетов в 1627 году. Через три года после него по Ангаре на

Скалистый островок на Ангаре.

Долина Ангары в зоне лесостепи.

Лену пробирались казаки во главе с атманом Галкиным. Воевода Афанасий Пашков вез по Ангаре в даурскую ссылку известного ревнителя старой веры протопопа Аввакума. Было с ними шестьсот человек казаков и пашенных людей. На одном из порогов наскочили на гряды, дощаник запрыгал с одной на другую и, подгоняемый ветром, скакал до тех пор, пока не попал на такую россыпь, что прыгать было некуда. Дощаник начал наливаться водой, парус изорвало ветром.

В 1631 году возле устья Оки казак Перфирьев построил первый на Ангаре острог, названный Братским, — «за то, что выстроен был против мужиков братских», нынешних бурят-монголов, причинявших казакам немало хлопот. Этот острог прикрывал также тыл казацких отрядов, ушедших на Лену. Еще и до сих пор сохранились башни этой мощной по тому времени крепости. В одной из них, по преданию, был заключен протопоп Аввакум.

В 1652 году в устье Иркутка было построено Иркутское зимовье, нынешний город Иркутск. Следом за острогами и зимовьями на Ангаре возникают многочисленные русские поселения.

Впервые описал Ангару и ее пороги переводчик Польского приказа Николай Гаврилович Спафарий, посланный из Москвы в Китай весной 1675 года для вручения посольских грамот богдыхану и обстоятельного описания стран, граничивших с Сибирью. Путь от Москвы до Пекина и обратно Спафарий проделал по рекам Западной и Восточной Сибири за три года. После трудного и крайне опасного путешествия Спафарий представил царю подробное описание и чертеж пройденных местностей. Это описание не утратило своего значения и для нашего времени.

Во время путешествия Спафария на берегах Ангары было уже много поселений, особенно густо были заселены берега между Братским острогом и Балаганском.

СКАЗАНИЯ ОБ АНГАРЕ

Громадное протяжение Ангары, величественность и красота ее берегов, мощь порогов послужили основой для интересных сказаний. По этим народным сказаниям Байкал представляется, как старый и грозный колдун, который варит какое-то злое зелье на своих черных скалах, а его молодая жена Ангара во время тумана бежит к могучему и гордому красавцу Енисею. Однако Байкал заметил убегающую жену и швырнул ей вдогонку скалу, но не попал. Ангара убежала к Енисею, а скала и до сих пор торчит из воды при выходе Ангары из Байкала.

По другому сказанию Байкал — любящий и заботливый отец, которого разорвет красавица-дочь. И как

ни стараются сыновья Байкала, как ни сносят ему со всех сторон добытые ими богатства, но все растрчивает мотовка Ангары, а потому не может дальше богатеть и старик Байкал.

Есть и еще легенда, пытающаяся объяснить тайну происхождения Байкала и Ангары.

«В незапамятные времена, — говорится в этой легенде, — на месте Байкала была цветущая долина. На ней жил древний народ — мунгалы. Жили они богато и весело. Всего у них было много, все, что только хотели, тут же находили и брали. Ведя беспечную и разгульную жизнь, мунгалы забыли своих богов, перестали почитать их и поклоняться. За это боги их жестоко наказали, послав злых духов. По всей долине началось сильное землетрясение. Вся Мунгальская страна обратилась в пожарище, загоревшись от Огня, пробившегося из-под земли по щелям. Огонь бушевал, пожирая все на своем пути. Мунгалы, напуганные, опомнились и стали слезно просить своих богов о прощении грехов, о спасении.

Добрые боги вняли просьбам мунгалов. Они прогнали злых духов. Вода хлынула из-за хребтов Хамар-Дабанских гор и бросилась на Огонь. Завязался беспощадный поединок. Воды оказалось больше, и она была сильнее. Победивший Огонь вновь ушел под Землю. Огромный провал заполнился водой, и на его месте образовалось озеро Байкал. Но Вода пришла с Севера. Стесненная крутыми горами, она скучала о больших просторах. Вода стала искать выход, чтобы вернуться в свои родные края. В одном месте, где горы низко спускались к Байкалу, она промыла в них мягкие породы и потекла широкой и бурной рекой Ангарой к Северному морю. Озлобленный Огонь не мог простить Ангаре своего поражения. Настал час мести. Огонь снова сильно потряс Землю, и громадная каменная глыба, поднявшись из недр, упала в истоке, загорюбив Воде путь. Но Вода и тут не растерялась. Она обошла скалу и побежала своим путем. А скала и сейчас лежит по середине реки у самого Байкала, и зовут ее «Шаманский камень».

ЗАГАДКА АНГАРЫ

По вопросу об образовании Ангары среди ученых и до сих пор ведутся споры.

Длина Енисея — 3807 километров. Ангара впадает в Енисей в 2500 километрах от его устья. Таким образом, Ангара до места впадения длиннее, чем Енисей до того же места. Это дало основание некоторым ученым считать Ангару вполне самостоятельной рекой, а не притоком Енисея. По мнению известного геолога-байкаловедов М. М. Тетяева, Ангара использовала древнюю, уже разработанную долину с прежним сто-

Тувинец — охотник из селения Шугур-Аксы

Автолитография художника И. Брюлина

В такой одежде, сшитой из волчьей шкуры, охотник подкрадывается к сидящему у своей норы сурку-тарбагану. Не подпускающий к себе людей, сурок принимает охотника за волка и с любопытством наблюдает за ним, давая время охотнику подойти на близкое расстояние.

ком общего бассейна к Байкалу, который представлял собой внутренний бассейн среди нагорной страны. Ангара — это сочетание древней долины с более молодой артерией.

Специальная экспедиция Института физической географии Академии наук СССР, под руководством Каманина занимавшаяся этим вопросом, считает, что Ангара с древних времен является стоком Байкала. По мнению этой экспедиции, Ангара никогда не текла в озеро, — наоборот, избыток вод Байкала искал себе выхода и, прорвав кольцо окружающих озеро гор, устремился в этот прорыв, образовав мощный поток.

Материалы Каманина более доказательны, но и они полностью не раскрывают тайну. Образование Ангара все еще является сложной загадкой.

«КЛАДОВАЯ МИНЕРАЛОВ»

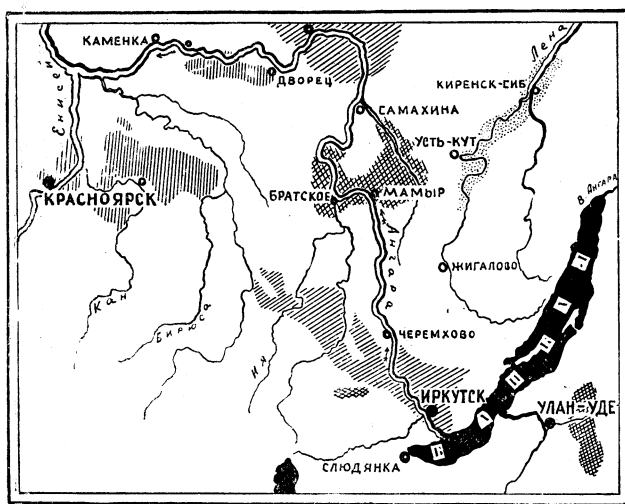
Берега Ангара и ее притоков таят в себе неисчислимые минеральные богатства. Это кладовая соли, угля и железа. Во многих местах соленосные ключи пробиваются на поверхность. Добыча соли ведется здесь с XVII века. В 1923 году в районе Усоля, на глубине 630 метров, был обнаружен пласт каменной соли толщиной до 55 метров, а в 34 километрах от Усоля, на глубине 590 метров, — соляной пласт толщиной уже в 100 метров. Запасы каменной соли только одного Усольского района достигают миллиарда тонн.

Ангарские солевые заводы являются главными поставщиками соли для всей Сибири.

В Черемховском, Канском и Тунгусском бассейнах находятся богатейшие месторождения каменного угля. Черемховские угли, разработка которых ведется уже давно, оказались не только прекрасным топливом, но и сырьем для получения как кокса, так и бензина, керосина и других видов жидкого топлива.

Но самым главным богатством Ангара является железная руда. До недавнего времени были известны месторождения, расположенные в среднем течении реки и ее правого притока, Илима, — это Ангаро-Илимский железорудный район. За последние годы советскими учеными разведаны месторождения железа в Нижне-Ангарском бассейне.

В одном лишь Ангаро-Илимском районе насчитывается 11 месторождений. Самым богатым по запасам руды и ее качеству местом является Рудная гора. Здесь руда выходит прямо на поверхность и ее можно добывать открытым способом. В 80—100 километрах расположен Тунгусский угленосный бассейн. Ангаро-

Природные богатства района Ангара. Заштрихованы участки каменного и бурого угля и железной руды.

На участке «Большой Мамыр».

Илим находится в районе вечной мерзлоты, имеющей островное распространение, но на Рудной горе мерзлоты нет. Все это дает право говорить о возможности создания здесь второй после Кузбасса, крупнейшей на востоке угольно-металлургической базы.

Леса Ангара и Байкала равняются одной пятой всех лесных богатств Советского Союза. До 80 процентов этих лесов состоят из таких ценных пород, как сосна, лиственница и кедр.

РЕКА БУДУЩЕГО

В порогах Ангара наши предки не видели ничего другого, как непреодолимое препятствие для судоходства. Людям наших дней эти пороги, в силу громадной мощности их стока и его постоянства в течение года, дадут самое дешевое в мире электричество.

По запасам водной энергии Ангара со своими притоками не имеет себе соперниц. Мощность всей Ангара, до впадения ее в Енисей, определяется в 15 миллионов лошадиных сил. Если исходить из расчета, что одна лошадиная сила равна двигательной силе десяти человек, то на производство такой энергии понадобилось бы 150 миллионов человек.

Ученые и гидротехники нашей Советской страны решили обуздать ангарские пороги, заставить их служить человечеству.

В основу этой гигантской стройки положен опыт всей мировой науки и техники. Сегодня это еще пока крылатая мечта, выраженная в проектах, завтра она станет былью. Для превращения этой гордой мечты в действительность потребуется десять-пятнадцать лет.

В первую очередь энергией Ангара предполагается воспользоваться в местах, наиболее благоприятных и доступных. На двух участках Ангара обладает такой двигательной силой, что для получения ее на паросиловых установках нужно было бы сжечь свыше 20 миллионов тонн каменного угля.

В порожистой части реки суженое русло ее в нескольких местах пролегает среди отвесных, скалистых берегов. Для подъема воды и устройства плотин наиболее удобны три пункта, дающие возможность почти полностью использовать падение воды на протяжении всего порожистого участка с высоты в 82 метра.

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА

Водная энергия Ангара будет самой дешевой энергией. Если стоимость одного киловатт-часа на тепловых станциях составляет по меньшей мере семь копеек, то ангарские станции в условиях нормальной

НА РЕКЕ АВАЧА

Фотоэтид
Д. Дебабова

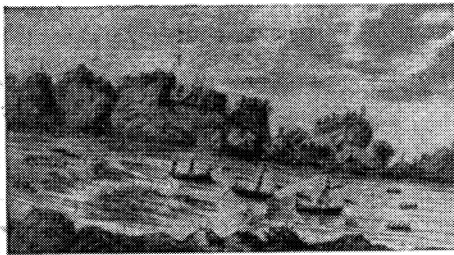
работы дадут энергию стоимостью в половину и даже четверть копейки за киловатт-час. Это почти в десять раз дешевле энергии тепловых станций.

С помощью только одного киловатт-часа энергии можно выполнить часовую работу 14 взрослых людей, добыть 70 килограммов угля, изготовить 2 пары обуви, соткать 10 метров ткани...

Теперь попробуйте перевести возможную электроэнергию ангарских гидростанций на этот практический язык, и вы будете иметь полное представление о мощности Ангары и ее значении в народном хозяйстве нашей родины.

Арифметика получилась как будто сухая, но она таит в себе поэзию жизни. Ангарострой означает не только систему гидростанций на Ангаре. Проблема Ангаростроя — это проблема электрификации всей Восточной Сибири.

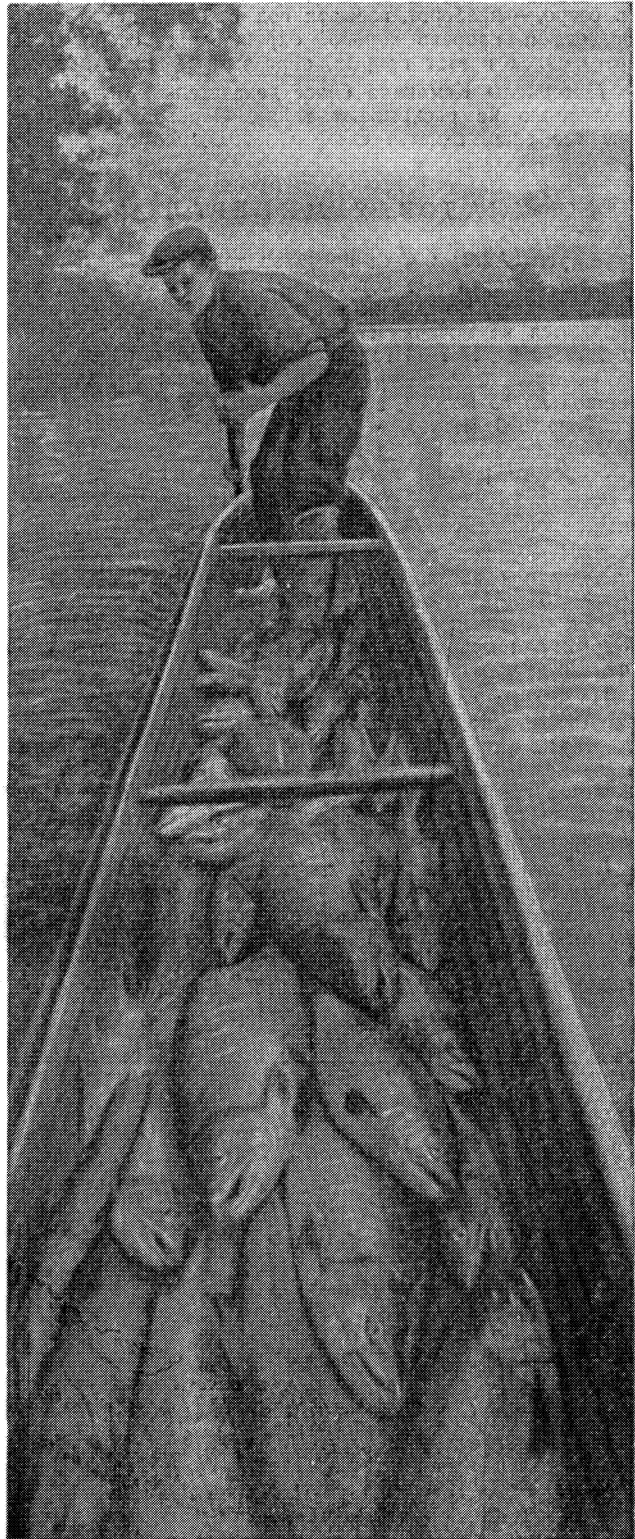
Ангарские пороги в том недостоверном виде, как изобразил их голландский художник XVII века по литературному только описанию, данному в рассказе о путешествии из России в Китай

Исбранта Идеса, напечатанном в Амстердаме в 1704 году. Исбрانت Идес, или, как его называли в Москве, «Елизарий Елизарьевич, сын Исбрант», был голландским купцом, с 1677 года торговавшим с Россией.

Весь обширный район от Черемхова к Иркутску и далее по южному берегу Байкала покроется сплошной линией электропередач. В крае появятся новые большие и благоустроенные промышленные города, создавая первоклассных заводов. С устройством плотин и шлюзов в порожистой части Ангары установится сплошное водное сообщение из Монголии в Европу (по Селенге, Байкалу, Ангаре, Енисею и Северному морскому пути). Иркутск станет крупнейшим байкальским портом.

В прошлом река горя и слез, служившая мостом из Европы в Азию, станет рекой счастья, центром самой дешевой и мощной энергетики. В наше время Ангара может быть справедливо названа рекой будущего, рекой крылатой мечты.

Камчатка. Лов рыбы кеты на реке Авача. Подобно другим лососевым, кета живет в море, а когда приходит пора размножения, входит плотными косяками в реки, где ее легко и вылавливают.

НА ДНЕ ИСЧЕЗНУВШИХ ВОДОЕМОВ

В пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР записано: «Расширить мощности тульских и липецких рудников и ввести в действие рудники Курской магнитной аномалии».

Эти месторождения, отмеченные в Законе о пятилетнем плане, имеют осадочное происхождение. Они отложились при участии железобактерий на дне болотных, когда-то существовавших здесь водоемов.

Советскими разведчиками недр обнаружены обширные запасы железных руд также и в других районах СССР — в Карелии и в Западной Сибири. О замечательном будущем, раскрывающемся перед этими районами, рассказывают писатели Д. Романенко и Г. Фипс (см. очерки Д. Романенко «Река крылатой мечты» и Г. Фипс «На земле Калевалы», помещенные в этом номере журнала «Вокруг света»).

Статья члена-корреспондента Академии наук СССР А. Вологодина знакомит наших читателей с новыми работами советских ученых, позволяющими проникнуть в отдаленное прошлое Земли, проследить за работой бактерий, создавших огромные запасы железной руды, и установить законы, по которым происходит накопление осадочных руд в земной коре.

РУДА ИЗ-ПОД ВОДЫ

В далекие времена, когда Господин Великий Новгород стоял у истоков торговых путей, уходивших в зарубежные страны, наши предки усиленно искали железные руды внутри страны. Для защиты славянских земель от алчных немецких псов-рыцарей, варившихся на богатую Русь, было необходимо железо.

Железная руда нашлась в таком месте, где ее легко было добывать. В наше время железную руду ищут в недрах земли. Но новгородцы добывали руду не из-под земли, а... из-под воды.

Руда, из которой плавляли железо, скапливалась толстыми слоями на дне озер и болот. Потому-то ее и называли «озерной» или «болотной» рудой. Старатели, добывавшие эту руду, наблюдали довольно странное явление: через пятнадцать-двадцать лет после того, как они очищали дно водоема от бурого железняка, там снова накапливался довольно толстый слой его. Казалось, руда росла...

Ленинградская область и Карельская республика славятся озерами, богатыми железной осадочной рудой. По приказу Петра I в районе этих озер были построены железоплавильные заводы. Отсюда и название теперешней столицы Советской Карельской республики — Петрозаводск.

Некоторые небольшие металлургические заводы перерабатывали эту руду незадолго до Великой Октябрьской революции. Озер, в которых продолжается процесс образования железных руд, у нас очень много. В нашей стране они имеются не только в Ленинградской области и Карельской республике, но и в Западной Сибири.

Как же выглядит озерная или болотная руда?

Руда, добытая на дне водоемов, имеет вид бусин, горошин, бобов или монет. Она очень хрупкая, легко разламывается и растирается между пальцами в порошок бурого цвета, напоминающий ржавчину.

Осадочная руда появляется в результате деятельности микроскопических организмов — железобактерий.

В естественных водоемах железобактерии «селятся» колониями с многомиллионным населением. Каждая колония представляет собой пленочку бурого цвета, составленную из тесно переплетенных нитей толщиной всего в одну тысячную миллиметра каждая.

Под микроскопом такая пленочка напоминает клочок войлока. Сходство усиливается бурой окраской нитей. Эти нити по существу представляют собой миниатюрные трубочки — это внешняя оболочка, в которой и живут бактерии. Внутри этой оболочки свободно проникает вода. Она приносит с собой растворенные в ней соединения железа и кислорода. Клетки железобактерий получают таким образом необходимые для жизни вещества. Используя свою тепловую энергию, бактерии окисляют железо. Оно оседает на внутренних стенках трубочек-чехликов в виде нерастворимых в воде окислов. Постепенно окислы железа покрывают внутренние стенки студенистого чехлика и даже закупоривают выходы. Так студенистые нити становятся железистыми. Они устилают дно водоемов, где накапливается слой железистого осадка. — в сущности, железной руды, часто толщиной в несколько метров.

Сейчас руду из-под воды не добывают. Советские геологи разведали

крупнейшие месторождения железных руд, которые находятся в недрах земли. У нас имеются мощные механизмы и орудия, которые позволяют вскрывать оболочку земли. Но, несмотря на это, наши ученые и исследователи все же изучают многие вопросы, связанные с поисками железных и марганцевых осадочных руд.

Недавно советские исследователи открыли крупные залежи осадочных железных руд также и в Западной Сибири.

Новое месторождение железной руды, найденное в Красноярском крае, получило название Нижне-Ангарского железорудного бассейна. Когда-то (это было 500—450 миллионов лет назад) над местом, где скопились и найдены сейчас железорудные слои, простиралась водная гладь. Микроскопические организмы, железобактерии, создали здесь огромные запасы железной руды в виде пластов толщиной в несколько десятков метров. Эти руды представляют большую ценность для народного хозяйства.

ПОД ЛИНЗАМИ МИКРОСКОПА

Надо думать, что микроскопические организмы существовали на земле задолго до того, как на ней появились видимые простым глазом живые существа. Вот почему в мельчайших частичках руды глаз ученого, вооруженный микроскопом, различает окаменевшие тельца организмов, увеличенные в 1500—2000 раз. Эти организмы жили на земле сотни миллионов лет назад.

Как же можно рассмотреть под микроскопом крошечные тельца отмерших бактерий? Ведь они скрыты в плотной и твердой массе, которая претерпевала различные химические преобразования в течение прошлых геологических периодов.

Ученый-палеонтолог рассматривает под микроскопом не кусочки руды, а тоненькую пластинку, изготовленную из нее и приклеенную к специально обработанному стеклу прозрачной смолой — канадским бальзамом. Однако не каждая, даже самая тоненькая, пластинка так прозрачна, как это нужно. Поэтому ее осторожно шлифуют, пока она не становится прозрачной папиросной бумаги. Такая пластинка называется шлифом. Рассматривая под микроскопом шлиф, палеонтолог видит, из чего сложилось мельчайшие крупинки вещества.

Если взглянуть на пластинку невооруженным глазом, увидишь только светлое прозрачное пятно. Но вот пластинку кладут под микроскоп. Теперь глаз ясно различает тонкий и сложный рисунок, напоминающий кружево. В некоторых местах рисунок не видно. Вместо него — сплошные темные пятна. Это окислы железа, целиком состоящие из железистых нитей. А рядом с темными пятнами заметны светлые. Они испещрены какими-то темными черточками и закорючками. Светлые пятна — это нерудные минералы, которые оказались по соседству с окаменевшими тельцами железобактерий. Прозрачная пластинка железной руды как бы налита мельчайшими окаменевшими тельцами — мумиями железобактерий, которые иногда отлично сохраняют свой вид.

Такие шлифы были сделаны в нашей лаборатории из образцов железных руд, найденных в Красноярском крае. В них также были обнаружены окаменевшие клетки микроскопических организмов.

НА ПОИСКИ АНГАРСКОЙ РУДЫ

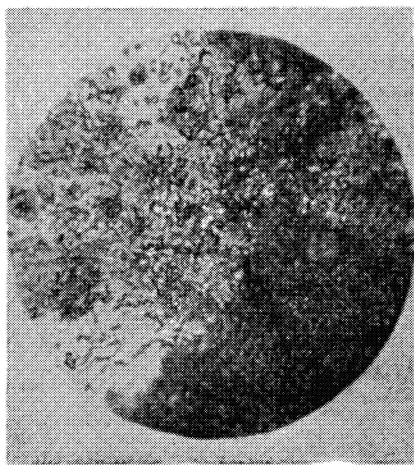
До 1946 года в Красноярском крае были известны лишь такие имеющие практическое значение месторождения железных руд, как Абаканское, Тайское, Ирбинское и некоторые другие. Правда, еще в прежние годы были замечены выходы красных железистых песчаников и окисленных темных руд — гематитов, найденных в районе называемой реки Ангары. Железные руды были

пидисны и в бассейнах правых притоков Ангары. Но им же придавали существенного значения, — выходы руд были обнаружены в мало изученных районах, покрытых сплошной тайгой.

Летом 1946 года геолог В. И. Медведков открыл в дзювьях Ангары крупное месторождение железных руд, до сих пор в этом краю не встречавшихся.

В глухой тайге Медведкову удалось уже проследить рудную полосу на протяжении тринадцати километров, когда в поисковую партию прибыл и автор этого очерка.

Мы шли вперед, прослеживая рудные пласты, определяя их мощность и условия залегания. Приходилось пробираться по мало изученному району, еще не нанесенному на топографическую карту: мы составляли ее на глазомер. Такая карта грешит некоторыми неточностями, но на первое время хорошо было и это. На бумагу наносились прихотливо извивающиеся линии безымянных ручьев, отмечались долины, ручьи, горы. Мы придумывали им названия. Так появились на карте ключи Ольховый и Глухариный, впадающие в реку Дашку с запада. Долины этих ключей

Темные нитевидные тела — железные клетки ископаемых железобактерий. (Увеличено в 1350 раз.)

пересекают рудную полосу на пяти километрах ее длины. Изученная нами толща оказалась совершенно особенной, сформировавшейся в необычных условиях. На это указывало присутствие своеобразных руд — гематитов, представлявших собой скопление окислов железа с бобовой структурой. Подобным строением отличаются бобовые и гороховые руды и в Карелии, слои которых отлагаются в озерных условиях. Можно считать доказанным, что ангарские руды тоже образовались при участии железобактерий.

Весь этот минеральный материал, по видимому, около 500—450 миллионов лет назад был принесен реками и ручьями с суши, расположенной, по нынешним нашим представлениям, по соседству с современным Нижне-Ангарским железорудным бассейном. Частью этой суши был тот складчатый горный край, где в настоящее время расположен Енисейский край. Эти места издавна известны как золотосные районы.

Конечно, наша геолого-поисковая партия сделала далеко не все. Впереди еще много работы. Многие слои и горизонты еще не вскрыты. Однако полезные наблюдения позволили нам отметить весьма большую площадь, длина которой должна превышать пятьдесят километров. Ширина ее, пока намеченная лишь условно, также измеряется многими километрами. Таким образом, общая площадь рудоносной толщи, вероятно,

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ЭТИ НАЗВАНИЯ

ПОЧЕМУ АМЕРИКА НАЗВАНА АМЕРИКОЙ?

Казалось, Новый Свет должны были бы назвать в честь человека, который его открыл, Колумбий. Между тем новый материк получил название в честь Америго Веспуччи — малоизвестного флорентийского торговца.

Веспуччи родился в 1451 году. Около сорока лет прожил он в родном городе. Он служил в торговом доме Медичи, посвящая досуг свой собиранию географических карт. Около 1490 года Медичи послали Америго в Испанию в качестве доверенного. Веспуччи поселился в Севилье и занялся прибыльным делом: снаряжал, по поручению правительства, корабли для дальних плаваний. Но тяга к заморским плаваниям, стремление к новым открытиям, жажда легкого обогащения, охватившие портовые города Испании после открытия Нового Света, не миновали и флорентийского торговца. Америго сам отправился за море и совершил несколько плаваний на испанских и португальских кораблях.

Ученые, однако, до сих пор спорят о том, где побывал и что открыл предприимчивый флорентинец. Дело в том, что почти все, что мы знаем об открытиях Америго, основано на его письмах итальянским друзьям. Если верить Америго, он исследовал все побережье Северной и Южной Америки от залива Чесапик (в США) до 50° южной широты. Но проверить его сведения чрезвычайно трудно.

Все же письма Веспуччи очень заинтересовали современников. В то время, когда Колумб, плавая у берегов Нового Света, грезил об Азии и среди открытых им островов тщательно искал Японию

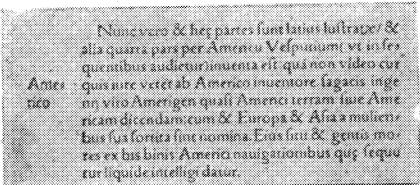
превзойдет тысячу квадратных километров. Найденные нами руды удобно вскрывать, удобно разведывать, добывать и эксплуатировать.

Запасы железных руд в новом бассейне огромны. По своим богатствам Нижне-Ангарский железорудный бассейн претендует на первое место в Союзе. Район распространения железных руд по правобережью Ангары, возможно, не ограничится известными нам теперь местами. Рудоносные отложения, может быть, удастся обнаружить и далее на север, вдоль восточной окраины Енисейского края, в сторону низовьев реки Подкаменной Тунгуски.

и Китай. Америго писал о Новом Свете. Он рассказывал об его огромных реках, о диких животных и растеньях, о невиданных племенах, населяющих его прибрежные земли.

Письма Америго Веспуччи расхлестились во многих копиях, их переводили на латинский и французский языки и выпускали отдельными изданиями.

25 апреля 1507 года ученый-географ Мартин Вальдземюллер опубликовал небольшую книгу: «Введение в космографию». Он писал в этой книге о том, что прежде были известны три части света: Европа, Азия и Африка, и прибавлял: «Но теперь эти части исследованы подробнее и открыта Америго Веспуччи четвертая часть (что будет видно из нижеследующего), поэтому я не вижу, что может нам помешать назвать ее Америго или Америкой, то есть страной Америго, по имени открывшего ее Америго...»

Страничка из «Введения в космографию» 1507 года.

Так появилось на свет название Америки.

Судя по всему, Вальдземюллер считал, что Антильские острова, открытые Колумбом, относятся к Азии, а Америкой он назвал южноамериканский материк.

Сам Вальдземюллер не настаивал на своем предложении. Но придуманное им слово быстро привилось, и вскоре Америкой стали называть весь Новый Свет.

Меньше всего повинен в том, что Америка получила свое теперешнее название, сам Америго Веспуччи.

В 1508 году испанское правительство назначило Америго Веспуччи главным кормчим, надзирающим за подготовкой судов к заморским плаваниям. Через четыре года, в 1512 году, флорентийский купец, невольно давший свое имя Новому Свету, скончался в Севилье.

К. Нунин

Кроме железных руд, в бассейне имеются и другие полезные ископаемые, например, каменный уголь, магнетиты, известняки, плотные массы кварца, так называемые кварциты, различные глины и т. д. Недалеко то время, когда на берегу Ангары будет создан новый мощный металлургический комбинат. Здесь будут выплавлять чугун и сталь из осадочных железных руд, созданных невидимыми друзьями человека — железобактериями.

Член-корреспондент Академии наук СССР

А. Володин
Г. Рафалова

Тайна

Юлия- Грви

НИКОЛАЙ БОГДАНОВ

Рис. Е. Борисова

Рассказ

Мы приехали на аэродром, чтобы вылететь из Печенги в Москву рано утром. Впрочем, с таким же успехом мы могли вылететь поздно вечером. Стояла полярная ночь, и все эти понятия были относительными. Только часы указывали нам время, когда рано и когда поздно, когда нужно обедать и ложиться спать.

Полярная ночь — это не мрак, это — серебристо-серый волшебный полусвет. Все кажется таинственным и нереальным. Предметы не имеют тени. И если бы не огни новостроек заполярной пятiletки, заливающие здесь на следующий день после войны, этот край мог бы показаться заснувшим навеки.

Билета на самолет мне не досталось. Воздушный корабль был уже укомплектован офицерами морского флота, улетающими в отпуск, инженерами, вызванными в министерства с докладами, и работниками рыбной промышленности.

Мне нужно было отыскать командира корабля, который мог принять одного пассажира сверх комплекта.

Серебристо-алюминиевая машина стояла на глади ледяного аэродрома, раскинув свои крылья, словно огромная полярная сова. На ее моторы были наброшены капоты. Двери запечатаны. Безмолвие. Ни одной живой души. Мы уже собрались уезжать, когда заметили вспыхнувший костерок. Один человек зажег налитый в лунку бензин и стал греть руки, а другой выбирал из проруби какую-то снасть: нам показалось, что он, пробив лунку, ловит рыбу.

На наш вопрос об успехах неизвестный засмеялся и, откинув из-под шлема прядь волос, ответил:

— Нет, что вы, я проверяла состояние льда.

Девушка, которую мы приняли за рыбака, взялась проводить нас в гостиницу, где находится командир корабля и ночуют пассажиры.

— Эти озера очень капризны, — сказала она, складывая какие-то приборы. — Они еще во время войны доставляли нам много хлопот. То из них убывает вода и лед начинает садиться. То вода вдруг прибует, выступит на поверхность и в одну ночь образуются наледи, в которые влипнут все наши самолеты, как мухи в мед...

Она так быстро скользнула на лыжах, что мы едва успели за нею на машине.

Маленькая деревянная гостиница сверкала огнями. В ее салоне, повидимому, проходил вечер самодея-

тельности. Доносились музыка и пение. Когда мы вошли, то захватили только концовку какой-то песни:

*Так погибла злая Импи —
Дикий выродок из рода.
Вы скорей летите, птицы,
Прилетите, тьму развейте
Над страню Калевалы!..*

Седобородый старец ударил по струнам и умолк. Мы услышали аплодисменты. Затем старика провели мимо нас под руки, как слепого. Подмышкой он держал кантеле. От старика и от его песни на нас повеяло северной сказкой.

— Кто это такой?

— А это наш известный сказитель, — шопотом ответили нам и назвали фамилию.

Пришлось лишь пожалеть, что мы не послушали знаменитого сказителя рун.

Не застали мы и командира корабля. Он уехал в Печенгу по каким-то делам, но скоро обещал вернуться.

Видя наше огорчение, девушка, проверявшая лед, приняла в нас сердечное участие. Скоро мы сидели в ее комнате, увешанной мехами и коврами и ели апельсинки, снимая с них кожуру и золотыми звездами складывая ее на ободок кафельной печки.

— То, о чем поет старик, считается уже легендой: теперь мне и самой не верится, что я участница этого события. А произошло оно совсем недавно, когда здесь шла война, — сказала наша хозяйка.

На ее курточке виднелись разноцветные ленточки, свидетельствуя о том, что девушка награждена несколькими орденами и медалями.

— Если хотите, я вам расскажу историю, которая послужила сказителю для создания новой северной рун. Вот послушайте.

Во время войны я работала в этих местах, летала на передовые, возила туда консервированную кровь и почту. Однажды мне приказали отвезти авиационного командира, Владимира Петровича Шереметьева, посмотреть новый аэродром, на котором должен был сесть полк бомбардировщиков, чтобы отсюда нанести удар по базе немецких самолетов в Киркинесе.

Аэродром для «подскока», где самолеты снабжались бомбами и горючим, был приготовлен на озере Юля-ярви, куда я не раз летала, но я не легко нашла его среди сотен других, разбросанных здесь между холмов и скал.

Озера эти очень похожи одно на другое и по виду и по названиям. Тут все «ярви». И Юля, и Бюля, и Лава — ярви. Новый человек может и с картой запутаться. Я угадывала их по контурам, по неповторимому рисунку берегов.

Мы быстро нашли аэродром. Шереметьев убедился, что укатано озеро плотно, лед надежный, все сделано отлично, и тут же по радио сообщил, что полк может спокойно садиться. Ему самому хотелось привести сюда свой боевой самолет, оставленный на нашем базовом аэродроме, и мы быстро снялись и полетели обратно.

Но природа здесь коварна. Соседство Великого Ледовитого океана приносит много неожиданностей. Вылетишь в ясную погоду, а через час попадешь в туман. С утра тихо, а в полдень вдруг закружит метель, да какая — целый снежный ураган. Тут уж садись немедленно, как делают все птицы на Севере.

На такой случай в самолете у меня были лыжи, автомат, пара гранат и сухой спирт для разведения костра.

Вот такой внезапный ураган и застал нас на обратном пути.

Я немедленно повернула на озеро Юля-ярви, но аэродром был уже закрыт. Земля и небо скрылись в белесом мраке, и я посадила машину на ледяную гладь озера вслепую, по чутью.

Когда лыжи покатались по ровной поверхности, я невольно откинулась на спинку сиденья с блаженным сознанием, что мы спасены.

Но приключение только начиналось. Не зная, в какую сторону подрулить самолет, я подождала минут десять, не выключая мотора. Затем дала несколько ракет, выстрелила из пистолета. Никто не подошел к самолету.

Ураганные порывы ветра прекратились, и снег теперь сыпался крупный, сухой, как нарезанный из бумаги. Его подвижной занавес скрывал от нас весь мир и нас скрывал от мира. Включив мотор, мы долго слушали тяжелый шелест снежинок. Что же делать?

Посоветовались и решили искать жилье аэродромной команды.

Я достала две пары лыж, прикрыла самолет чехлом, слила воду и масло, и мы отправились.

Заблудиться было трудно. Стоило итти по кромке озера, и где-нибудь нам попадутся катки, тракторы и склады аэродрома.

Однако на деле это оказалось не так просто. Нам стало жарко в меховых комбинезонах. Казалось, мы прошли уже десятки километров, а никаких людских следов не было. Особенно тяжело было Шереметьеву. Он хуже меня ходил на лыжах и не раз сваливался в снег. Вначале это было смешно, потом очень грустно.

Мы уже начали терять надежду, как вдруг навстречу потянуло дымком. Какой это чудесный запах для каждого полярника!

Все, кто живал за Полярным кругом, кто зимовал в сумраке вечной ночи, тот знает, как может обрадовать этот щекоющий в нос запах. Значит, где-то горит огонь и у огня люди. Там тепло и пища. Человек Севера, почуяв дымком, уже считает себя спасенным.

И я безошибочно пошла по дымку к людскому жилью.

Нам пришлось войти в какой-то залив или протоку между невысоких скал. Труден был этот путь на ощупь, в белесом мраке снегопада. Мы совсем уже выбились из сил, когда наткнулись на бревенчатый дом. И вот, тяжело дыша, распаренные в своих комбинезонах, мы с удовольствием скинули лыжи с утов и постучались в дверь. Нам долго не открывали, хотя из трубы продолжал итти дым.

Мы совсем уже выбились из сил, когда наткнулись на бревенчатый дом.

Наконец дверь открылась, и на пороге появилась женщина. У нее были золотистые косы, а лицо смуглое, маленькое, овальное, невыразительное.

Но странные у нее были глаза. Какого-то янтарного цвета, и зрачки то расширялись, то суживались, как у кошки. Казалось, в темноте они должны светиться. Незнакомка жестом пригласила нас в дом, и мы вошли. Мне показалось, что в ту же секунду как-то тень мелькнула прочь от крыльца. Возможно, это была собака. Но я тут же забыла об этом, увидев жарко пылающую печь и старика-карела, чинившего старые сети. С удовольствием сбросив тяжелый комбинезон, я потянулась к огню.

— Здравствуйте! — сказал Шереметьев.

Старик уронил сеть и встал.

— Русские? — спросил он и прислушался к звуку своего голоса. — Русские в нашем доме?

— А кого вы ждали? — спросила я.

Вместо ответа старик протянул руки, как лунатик, и вдруг ощупал меня пальцами. И тут я поняла, что он слепой.

— А где же наши? — спросил Шереметьев.

— Вы пришли с озера Бюля-ярви, а ваши поселились на озере Юля-ярви, — ответила девушка по-русски.

Шереметьев достал карту, и мы убедились, что немного промахнулись и сели на соседнее озеро, километрах в тридцати от аэродрома.

— Русские, — заговорил снова старик, — давно вас не было. Четверть века я не певал вам своих рун. Последним был у нас профессор, большшй, лысый, с черной бородой. Он записывал мои руны на нотной бумаге... Угощал меня водкой, желтой, как чай, и подарил мне самовар. Импи, где наш самовар?

— Вас зовут Импи? — сразу уловил Шереметьев. — Красивое имя...

— По-христиански она звалась Марья. Это они сделали ее Импи.

— Кто это они?

— Те же, кто лишил меня глаз, кто лишил меня сына, опоры старости...

Странные признания старика заставили Владимира Петровича отложить в сторону карту.

— А что с твоим сыном, дед?

— Его смерть и сейчас перед моими глазами, как последняя картина, которую я видел в этом мире. Он стоял без шапки, смотря прямо на дула их ружей. Он был самый смелый охотник и никого не боялся. После заппа он еще удержался на ногах. А потом рухнул лицом в снег. Они схватили его за волосы; и тут я крикнул: «Не смейте беспокоить мертвого!» Убийцы рассмеялись мне в лицо...

— Кто они были?

— Это были белые финны, они гнались за красными финнами, которые уходили от них в Россию. Кровь стекала у красных с повязок, они едва держались на лыжах и просили помощи. Никогда не отказывал в помощи, в несчастии наш род, и Никола проводил красных в Россию тайной тропой. Преследо-

ватели упустили добычу и ярость свою обрушили на нас...

— Отец мой был плохой человек! Довольно об этом, — сказала девушка. — Мать моя была настоящая финка!

При этих словах Шереметьев вспыхнул.

— Плохим человеком могли считать вашего отца только финские мясники и лавочники... лахтари!

— Да, да, — отозвался старик, — в лавках нам не продавали ни спичек, ни соли... Потом закрыли нашу мельницу...

Я поняла, что это старая история времен восемнадцатого года, когда Финская советская республика была задушена белогвардейцами при помощи немецких оккупационных войск и оголтелая реакция начала зверски преследовать все левые элементы.

— Нельзя отягощать гостей своими заботами. Поставь-ка самовар, Импи, и дай мне кантеле, русские любят песни, — сказал старик.

— Я не умею ставить самовара, — сухо отозвалась Импи.

Мечтая о горячем чае, я сама отыскала самовар и занялась нехитрой стряпней, предварительно завесив окошко, чтобы не послужить мишенью для какого-нибудь бродячего диверсанта.

Ничего не оставалось делать, как переждать метель в этом одиноком доме.

Жилье старого карела было построено в давние времена и во всем носило следы русской поморской культуры. В черной горнице широко располагалась русская печка — большая, с высоким челом и жаркими печурками. А в чистой горнице величаво возвышалась изящная голландская печь, облицованная изразцами с картинками. Она приплыла откуда-то из Гаарлема или Амстердама еще в те времена, когда там плотничал Петр Первый; ее привезли поморы, слав улов трески или королевского палтуса и накупив заморских диоквинов.

Тут же на столике, накрытом вязаной скатертью, напминающей рыбацкие сети, стоял, поблескивая червонной медью, тульский самовар, теперь изрядно потускневший, и грудкой были сложены сундуки старинной петрозаводской работы, окованные цветной жестью.

— Карелы испокон веков дружили с Русью, — продолжал старик. — Когда нарушалась эта дружба, мрак наступал вокруг нас. Я обрадовался, когда внучку взял на воспитание пастор. Но плохо воспитали ее: взяли у меня ребенка, а вернули женщину, не почитающую родителей.

— Подлая работа финских нацистов. Неужели вы, Импи, не понимаете? Вы же взрослая? — сказал Шереметьев.

Я увидела, что он принял близко к сердцу эту старую драму.

Когда я поставила на стол вскипевший самовар, он достал из полевой сумки консервы, шоколад и печенье.

— Импи, где вы прячетесь, словно одичавшая кошка? Идите же к людям, — позвал он.

Шереметьев вырос на Волге и, как всякий русский человек с открытой душой, был доброжелателен. В Импи он увидел жертву и от всего сердца хотел ей помочь.

Он почти насильно усадил ее за стол и стал спрашивать подробности. Что же с ней случилось?

Действительно, белофинны, захватившие этот край, стремились искоренить здесь все русское, все симпатичное к русским. У старого карела отняли его рыболовные угодья, объявили бойкот его мельнице. А девочку, поскольку мать ее была финкой, отдали на воспитание пастору.

Ей внушили, что она должна искупить «грех» своего отца трудом и послушанием. Род ее стал считаться здесь позорным, и ни один парень не решался посвящаться к Импи.

— Вот проклятые изуверы, лахтари! — возмущался Шереметьев. — Ну, теперь все это кончилось. Эта земля была и снова будет русской. Эти старинные новгородские владения в давние времена закрепил за собой Печенгский монастырь. Все хорошее здесь создано поморами. Держитесь за нас, Импи, — и снова сживет ваш род. И жених найдется.

Говоря это, Шереметьев смотрел на девушку уже иными глазами. Теперь перед ним была не просто карелка с желтыми волосами и смуглым лицом, а действующее лицо темной драмы. И все это не на сцене и не в романе — в настоящей жизни. Я поняла, что он готов вмешаться в ее судьбу.

Надо вам сказать, что я знала Шереметьева с детства. Мы вместе учились в школе, а затем и в аэроклубе, где и начали летать.

Признаться, с детства я была к нему неравнодушна. Но сверстники так много нас дразнили женихом и невестой, что оттолкнули друг от друга. Мы стали стыдиться нашей дружбы, и она вылилась в какую-то постоянную пикировку. Наши шуточные ссоры перешли в привычку. Хотя прошло много лет и никто из нас еще не нашел себе друга жизни, все же мы при встрече отталкивались, словно две частицы, заряженные отрицательным электричеством.

Я воспиталась самостоятельной, не требующей ничьей помощи и поддержки. Была слишком горда, чтобы самой попытаться вызвать к себе какие-то чувства, подобные жалости. А у нас на Волге даже любовные частушки называются «страдания», — часто девушки вместо «люблю» говорят «жалею».

И теперь вдруг я увидела, что, вызвав к себе чувство жалости у нашего волжского богатыря, эта желтоволосая девица очень много приобрела.

Володя Шереметьев оживился, достал флягу с коньяком и апельсины. Их полк перелетел сюда из Закавказья, где он формировался, и карманы летчиков были набиты цитрусовыми плодами.

— Вот, Импи, когда будете нашей, советской, я часто буду угощать вас «золотыми яблоками». После войны я буду водить сюда самолеты на трассе — от моря полуденного до моря полуночного. Тогда жизнь здесь пойдет иная. Все старые бредни исчезнут.

И он предложил выпить коньяку за новую жизнь. Импи выпила безучастно.

Я посмотрела на нее и подумала: играет она или все это получается у нее естественно?

Выпив чарку коньяка, старик почмокал губами и вспомнил, что подобным напитком угощал его тот самый профессор, который подарил ему самовар. Очевидно, это и был тот собиратель фольклора, о котором говорил старик.

После второй чарки коньяка старик взял в руки кантеле и решил повеселить нас шуточной руной.

— Я спою вам песню про наших водяных, как они зимой играют в карты.

И старик запел хриповатым голосом какую-то странную мелодию. Чем дольше он пел, тем внимательней я прислушивалась. Это была необыкновенная песня. Я ее записала целиком:

*Жили два соседа, жили два хозяина:
Водяной Бюля, водяной Юля.
Каждый имел озеро, хорошее озеро,
Полное окуней, и налимов, и линей,
А ершишек-плутишек без счета имел.
Скучно длинною зимою под покровом ледяным —
Скучает Бюля, скучает Юля.
И надумали соседи в карты поиграть!
Вот засели водяные: от зари и до зари
Играют на линей, на глазастых окуней,
На лососей серебристых, на икрянистых щуцих,
А ершишки-плутишки в размен идут!
И продулся Юля водяному Бюле.
И щук проиграл, и лососей проиграл,
И не только линей — всех глазастых окуней,
А ершишек-плутишек до мелочи спустил!
Вот восходит солнце, зиме поворот,*

Счастливец Бюля выигрыш берет.
 У бедного Юли уплыли все щуки,
 Лососи, налимы, окуни нарядные...
 А ершишки-плутышки никак не плывут!
 Рассердился Бюля: «Ты обманщик, Юля,
 Ершей своих прячешь, отдавать не хочешь.
 Я не зря в карты играл: я их с водой зыблю!»
 Приложился Бюля к озеру Юли,
 Да и всех его ершей вместе с водой выпил.
 Так Бюля напился, что и сам упился,
 Распух, да и лопнул, водой подавился!
 А бедного Юлю без воды оставил.
 Сидит голый водяной на мокром камешке.
 Под ледяным куполом холодно Юле,
 По синей по коже мурашки идут!
 Заплакал тут Юля, к чорту обратился:
 «Лучше б я подох, лучше б утопился!»
 Чорт про то услышал, толкнул зайца,
 Заяц в озеро скакнул, топнул о купол.
 Лед обвалился, водяной убился...
 С тех пор водяных нет в озерах этих...
 Водяные, водяные, не играйте в карты,
 В карты не играйте, лучше водку пейте,
 Лучше водку пейте, сказку разумеете!

И старик снова потянулся к фляжке с коньяком, хотя и был слепой.

— Повторите-ка мне эту песню, — попросила я.

— Глупая сказка! Все глупое у карелов, — сказала Импи.

— И ничего сна не глупая, — обратился к нам старик. — Это было у нас. Мой дед рассказывал. Он сам гнался за этим зайцем и потом сочинил песню.

— Нехорошо возражать старшим, — шутиливо предостерег Импи Шереметьев, и я увидела, что он взял ее смуглую руку в свои ладони.

«Стараясь расположить к нам эту девушку, он, кажется, увлекся больше, чем она. Опасное занятие: желая людям добра, мы невольно начинаем их любить. И часто без достаточных причин», подумала я.

Мы обменялись с Импи быстрыми и мало дружескими взглядами, словно две соперницы.

Песня старика навела меня на такие тревожные мысли, что, помимо всего прочего, мне показалось, будто мы попали прямо в гнездо разбойников, в котором эта желтоволосая девушка за хозяйку. Немцы могли избрать ее для такой роли именно за революционную биографию ее семьи, чтобы лучше отвести нам глаза. А в песне мне почудилась такая загадка, что сердце мое забилось от страха.

Импи встала и, зевнув, сказала:

— Пора готовить вам постели. Надо согреть перины. Они хранятся у нас на чеплаке. Пойдемте помогите их принести, — сказала она Шереметьеву.

И пошла вперед, потягиваясь, как залежавшаяся кошка. У дверей вдруг обернулась, чтобы поглядеть: пошел ли он? Взгляд девушки заставил меня вздрогнуть. В ее зевке, в ее движениях, показалось мне, было много притворства. Трудно было определить, сколько ей лет, — иногда она мне казалась очень молодой, иногда жесткой и сухой старой девой.

Когда они поднялись на чердак, я стала раздумывать о зерне истины в фантастической песне про водяных.

Вдруг что-то загрохотало вниз по лестнице.

Я мгновенно очутилась в сенях и увидела Шереметьева под грудой перин.

— Что случилось? — бросилась к нему я.

— Ничего, — зло ответил весьма смущенный Володя.

Импи лукаво сказала:

— Это не летчик упал, это его комбинезон по лестнице стучал...

Мне было не до шуток. Догадка, мелькнувшая у меня в связи с услышанной песней, теперь превратилась в уверенность, что мы над пропастью.

Я открыла дверь, и сени наполнились каким-то пережарившимся сиянием.

— Володя, — обратилась я, — метель прошла, на небе сполохи!

И, затолкав злополучные перины в избу, я увлекла моего друга на улицу смотреть северное сияние.

Наконец мы остались одни. Природа удачно переменяла декорации. Вместо подвижного занавеса — снеговая — теперь перед нашими глазами небо переливалось и играло всеми цветами радуги. Северная природа словно показывала свои тайные волшебные богатства. Несколько секунд в вышине висела кружевная, огненная кайма, такая гигантская и неправдоподобная, что природа поторопилась убрать ее, но той же щедрой рукой вместо нее развесила по краям неба несколько зеленых полотнищ. Затем их сменили оранжевые, синие, лиловые полосы, и вдруг они превратились в тонкие огненные нити. Глаз не успевал следить за этой игрой. Словно давая ему отдохнуть, в безбрежном воздушном океане стали перекачиваться спокойные, сияющие волны света.

И они исчезли. Возникли огненные столбы и распались на причудливые ярусы, сложенные из всех оттенков красного цвета.

И внезапно вселенная, показав свои богатства, вдруг опустила на землю перламутровые, серебристые шторы. Эти шторы вселенной колыхались над землей, пропуская сквозь себя то фиолетовые, то голубые, то розовые лучи.

Если бы это продолжалось долго, человеческий глаз мог не выдержать. Но вдруг вспыхнул фосфоресцирующий свет, и все исчезло. Повеяло пустотой и холодом стратосферы.

На миг и я забыла все земное и, схватив Шереметьева за руку, прошептала:

— Как это волшебю. Ни с чем несравнимо!

— А мне это напоминает большой воздушный налет на Ленинград. Только здесь это беззвучно и в каком-то гигантском масштабе, — ответил Шереметьев.

Я не стала спорить и приступила к главному:

— Нам нужно немедленно действовать. Мне кажется, что нашему полку угрожает гибель на озере Юля-ярви — судя по песне старика. В основу ее положен действительно случай.

— Значит, мы сядем на озеро, где водяные играют в карты?..

— Да, представь себе, что все ваши самолеты спокойно стоят на озере, а в это время соседний водяной выпьет из него воду? Тогда лед повиснет без поддержки, как гигантский купол. Он рухнет и похоронит ваш полк в одну минуту.

— Что ты говоришь? Как это возможно? Куда же денется вода? — встревожился Шереметьев.

— Делай вид, что мы разговариваем о красотах северного сияния, за нами следят, — предупредила я, увидев, что в окне отогнулся край занавеси.

— Это фантастично, — усомнился мой друг.

— Но я рассказала ему, что Лава-ярви, Юля-ярви, Бюля-ярви и другие составляют цепь озер. Они соединены ручьями и расположены каскадом — одно озеро выше другого — и переливаются из своих каменных чаш излишки воды друг другу. Стоит нарушить этот режим, прекратить отток или приток воды, и начнутся эти «чудеса», которые поражали фантазию карельских охотников.

В одном озере излишки воды пойдут поверх льда, образуя наледи, а в другом ушедшая из-под льда вода образует зловещую пустоту.

И тут действительно стоит скакнуть зайцу, как весь лед рухнет с потрясающим эффектом.

— Да, но почему должны произойти все эти изменения? — все еще не желая верить опасности, спросил Володя.

— Это было однажды по воле случая, а теперь может произойти по чьей-то злой воле.

Мы оба задумались. Было решено, что Володя, поскольку он хуже меня ходит на лыжах, останется караулить Импи и старика, а я побегу на аэродром. Наши инженеры должны проверить еще раз надежность Юля-ярви, а разведчики — проверить странных хозяев одинокого дома. До Юля-ярви отсюда было гораздо ближе, чем до Бюля-ярви, где я посадила самолет.

— Неужели ты думаешь, что она диверсантка? — спросил Шереметьев. — Настоящая диверсантка должна бы лстыть, чтобы усыпить бдительность, а она какая-то угловатая, непосредственная...

— Не знаю, может быть, это такой прием. Во всяком случае, мы не должны рисковать. Если мы ошибемся в лучшую сторону — нам будет пища для шуток, и только. Но если мы ошибемся в худшую — последствия будут страшными.

Войдя в дом, я начала собираться в путь, делая вид, что иду к своему самолету сообщить по радио о нашей вынужденной посадке. Импи была равнодушна или казалась такой.

Мне хотелось еще раз предупредить Володю, чтобы он был с ней настороже, но, признаться, я постеснялась: он мог подумать, что я ревную... Если бы я была мужчиной, я бы ему сказала крепче.

Короткий, но обильный буран много прибавил сугробов. В долине ручья снег был такой глубокий и пышный, что лыжи тонули в нем и шаг приходилось делать мелкий. Это был не бег, а тяжелая работа по прокладке первой лыжни. Зная, что у ручья и в падах снег глубже, я выбрала путь гористей. Сюда мы пришли с юга, с озера Бюля-ярви, — я держала путь на север, на Юля-ярви. Мороз крепчал. В ночной тиши гулко трескались скалы и хрустел лед в озерах. Вначале комбинезон показался мне легким, а затем превратился в непомерную тяжесть. Даже автомат казался лишним, а пара гранат — совершенно свинцовыми.

Но тревога за судьбу бомбардировщиков, которые должны были появиться с наступлением хорошей погоды, гнала меня вперед.

Взяв направление по компасу, я стала забирать напрямик и скоро вышла на увал, с которого оглядела местность.

Снова заиграли сполохи северного сияния и местность озарилась причудливым светом. По одну сторону увала темнел незамерзающий ручей, бегущий, повидимому, в Юля-ярви, а по эту сторону — ручей, бегущий из Юля-ярви. Значит, я вышла на гребень водораздела, и если буду идти по нему, то скоро приду на озеро и найду жилье аэродромной команды.

Я присела на валун в тени корявой карликовой сосны и стала смотреть в ту сторону, откуда пришла, где оставила Володю. Мне как-то было тревожно за него, словно томило предчувствие.

И вдруг среди снегов я различила движущийся предмет. Вначале я испугалась, что это волк, а потом испугалась еще больше, увидев, что это человек и он идет по моему следу. Ему не надо прокладывать лыжни, и как бы я ни старалась, он все равно нагонит меня. Кто он, что ему надо? Сердце тревожно забило. Мне помогло знание таежных и северных правил. Нельзя подставлять незнакомым спину, лучше на них взглянуть со спины...

Я быстро прошла вперед, круто повернула, сделала полкруг и приблизилась к своему следу со стороны.

Выбрав каменную россыпь, я легла и затаилась среди валунов. Преследователь, идя по лыжне, неизбежно пройдет мимо и подставит свой бок и спину моим глазам и моему оружию на выбор.

Так преследователь сам превращается в дичь. Это старый охотничий прием.

Неизвестный шел так быстро, что не успела я затаиться, как он уже выскочил на бугор и, пригнувшись, стал озираться. Он был в белом, но измятом и грязном халате. Я увидела его темное лицо. Не заметив мешающего человека, очевидно, решил, что я ушла далеко вперед. Вот он остановился среди валунов, седых от инея, и стал поглядывать вниз, на ручей. Затем он взял толстую палку, а может быть, это был лом, и начал копать среди камней, пытаясь стронуть их с места. Небольшой валун, шурша, покатился вниз. Неизвестный прислушался. Раздался негромкий плеск. Выждав минуту и снова внимательно оглядевшись, он принялся за ту же работу. И новый камень скатился с горы в ручей.

Всего ожидала я от своего неизвестного преследова-

теля, только не катания камней с гор! Что за мальчишеская забава?

Кто он и для чего этим занимается?..

Конечно, не для собственного удовольствия он катает камни в ручей и не случайно, если взял с собой ломик. Что будет, если он завалит ручей этими камнями, сизыми от мороза? Как только они попадут в воду, на них образуется наледь, они все слипнутся, смерзнутся между собой и создадут перемышку. Так вот что делает этот незнакомец: он прекращает доступ воды в озеро Юля-ярви... Так, значит, и он разгадал его тайну?..

Неужели это совпадение?.. Я догадалась о такой возможности по шуточной песне старика, а в это время диверсанты уже осуществляют эту сказку наяву, очевидно, проведая, что завтра, в хорошую погоду, на лед озера прилетят наши самолеты. А может быть, он побывал в доме, где я оставила Володю? Мой друг погиб, а Импи направила его на эту работу? И пока он здесь прекращает доступ воды под лед озера Юля-ярви, где-то другие диверсанты, наверное, открывают путь водам из-под льда? Старик говорил о мельнице. Вероятно, плотина ее поддерживает уровень воды в озере. Значит, кто-то должен быть и там. Что же делать? В эти страшные минуты я совершенно не думала о себе. Мозг работал быстро и ярко, как в минуты смертельной опасности.

Внезапно возникла такая мысль: «Если можно камнями закрыть приток воды в озеро Юля-ярви, то также можно закрыть и отток воды». И я вдруг ясно представила рождение всей сказочной песни старого карела. Здесь всегда чередуются морозы и оттепели. Вода, попадая в трещины скал, когда замерзает, рвет их, как динамит. В мороз можно слышать, как лопаются и трещат глыбы гранита. Они падают, сваливаются в ручьи и создают эти перемышки, нарушающие режим озера... Где-то у выхода ручья из Юля-ярви должны быть такие скалы...

Я уже знала, что мне делать!

Я тихонько приподнялась, оттолкнулась и помчалась вниз с горы в долину ручья, бегущего из Юля-ярви.

А неизвестный диверсант продолжал работу по скатыванию камней до тех пор, пока убедился, что накалал их вполне достаточно.

Сделав это, мой враг двинулся в погоню за мной. Опытный лыжник, он отлично знал, как трудно прокладывать путь в глубоком снегу, и был уверен, что, идя по моей лыжне, быстро нагонит меня. И спас меня только охотничий маневр.

Когда мой след привел его к каменной россыпи и он обнаружил, что я здесь лежала, повидимому, наблюдая его работу, и затем быстро умчалась с горы, — преследователь потерял свою уверенность.

Этим маневром я задала ему большую задачу! Поныня, что обнаружен, он уже не мог преследовать меня так просто. Можно нарваться и на гранату, оставленную мной на лыжне, можно получить и хорошую пор-

И вдруг среди снегов я различила движущийся предмет. Вначале я испугалась, что это волк, а потом испугалась еще больше, увидев, что это человек и он идет по моему следу.

Вот он остановился среди валунов, седых от инея, и стал поглядывать вниз, на ручей.

цию пуль, нарвавшись на мою засаду. Враг мой остановился, сошел с моей лыжни и пошел параллельно, попадая в глубокий снег. Теперь преследователь шел со всеми предосторожностями, и там, где я скатилась с горы во весь дух, он принужден был все время притормаживать лыжи.

Когда он спустился вниз, то увидел, что след мой привел к старой мельнице, засыпанной снегом, с мельничным колесом, причудливо заросшим сталактитами льда. Он мог думать, что я прошла мимо, не заметив ее, потом повернула немного влево и стала подниматься снова в гору, вверх по течению ручья. Он не знал, что я залегла там и наблюдаю за ним.

Наш поединок происходил в великом безмолвии полярной ночи, прежде всего — как поединок мысли. Победил тот, кто отгадывал намерения врага.

Итак, о чем думал мой враг? Что решил он, когда свернул к мельнице? Мозг мой горел от напряжения. Нужно было найти одну верную отгадку ко всем загадкам. Неверная — уже смерть, гибель всего.

Если ему дано задание завалить ручей, впадающий в Юля-ярви, камнями и, допустим, поднять вешняки мельничной плотины, поддерживающей уровень воды в ручье, вытекающем из озера, то зачем ему гнаться за лыжницей, рискуя подорваться на гранате или получить порцию пуль из автомата? Зачем этот излишний риск? Всякий диверсант дорожит своей шкурой.

Не проше ли ему дожидаться прилета самолетов и, завидев их, открыть шлюзы? Вода уйдет так быстро, что катастрофа неминуема. Даже если на аэродроме увидят опасность, будет уже поздно, самолетам надо будет садиться. У них будет на исходе горячее. На остальных озерах посадка невозможна, снег не укатан, там можно посадить самолет только на фюзеляж. Это все равно выведет их из строя...

Сделав это, он уже будет вознагражден и останется жив! Расчетливее сделать так.

Очевидно, именно так и думал мой враг. Он подошел к мельнице, сел и закурил.

Того, что придумала я, он не учел.

Постепенно угасло, свернуло свои причудливые узорные занавеси, пляшущие голубые столбы и игривые радуги северное сияние. Наступили серые сумерки, а он все сидел и покуривал, дожидаясь прилета наших самолетов.

Ничего другого не мог он дожидаться на этой старой мельнице. Я уверилась, что по его действиям разгадала его намерения, и смело стала принимать свои меры.

Пройдя вверх по ручью, я в конце концов вышла к тому месту, где он вытекал из озера Юля-ярви. И

чуть не вскрикнула от радости, увидев седые скалы, потрескавшиеся от мороза, угрюмо нависшие над ручьем.

Я попробовала, пошатала отдельные глыбы и убедилась, что на морозе гранит может быть хрупким, как стекло. Вода, проникающая в его щели, режет его, как алмаз.

Эта истина, о которой я знала раньше из школьных учебников, обрадовала меня в натуре, как школьницу. Я принялась сдвигать наиболее податливые камни вниз, осторожно проколов причудливую корку звонкого льда над ручьем... Признаться, я пережила восторг человека, разгадавшего одну из тайн природы. Я так увлеклась этим замечательным, волшебным и в то же время простым решением задачи, что больше уже ни о чем не думала.

До аэродромной команды, на другой конец озера, было еще километров шесть-восемь. А время не ждало. Самолеты могли появиться каждую минуту, и шлюзы на мельнице могли открыться хоть сейчас.

Поставив на своей лыжне гранаты, настроенные в качестве мин, я принялась за дело. Острые камни разорвали мои рукавицы. Гранит был так охлажден морозом, что обжигал руки, но я не чувствовала боли. Я не замечала усталости до тех пор, пока ручеек вдруг не прекратил своего певучего говорка — словно в рот воды набрал.

Заглянув в него, я увидела, как на серых камнях возникает белый лед, вырастая со сказочной быстротой. Он рос со дна, создавая перемищку. Такой донный лед — бедствие всех северных гидростанций — знаком северянам.

Сколько я проработала, я даже не заметила. Но когда исполнила свой труд, не столь тяжкий, сколь титанический по результатам, я услышала вдали гул приближающихся самолетов. Я вскочила на ноги и увидела, как над аэродромом начали взлетать ракеты, приглашая стаю самолетов на посадку.

Сердце летчика всегда забьется при этом зрелище. Но вдруг я услышала позади себя, там, у мельницы, выстрел.

Если бы это был взрыв, обвал, я бы не испугалась. Но негромкий и сухой звук выстрела, раздавшийся у мельницы, потряс меня, как удар грома. Что там произошло? Что это за выстрел? И почему только один?

Я встала на лыжи, схватила гранаты и бросилась вниз по ручью. Безумная тревога за судьбу Шереметьева овладела мной как-то безотчетно. И я не ошиблась. Это стреляли там, у мельницы. Но как и почему?

Потом уже я выяснила, какая история произошла с Володей в мое отсутствие в уединенном домике.

После моего ухода Импи вела себя, как шелковая. Она была тиха, внимательна. Рассказывала Володе что-то из своего детства. Его поразило, что она никогда не видела, как растут яблоки, никогда не ела арбуза.

Он приглашал ее в гости к нам на Волгу после войны, и она шутливо соглашалась.

А потом грустно сказала, что едва ли она с дедом уцелеет: война еще не кончилась, и маленькие люди — игрушки в руках переменчивой военной судьбы.

— Ведь второй раз здесь война, — посетовала она. — За что страдает наш маленький народ?

— До тех пор, пока Финляндия будет игрушкой в чужих руках, не будет хорошего, — сказал Володя. — А ведь финны стойкий и храбрый народ и могли бы явиться на Севере настоящим стражем мира и безопасности.

— Но как, каким образом? — заинтересовалась Импи.

— Дружба с Россией, Импи, даст счастье и финнам и карелам.

Володе показалось, что его речи произвели впечатление на Импи. Она задумалась.

Разговаривая, она расплетала свои желтые косы и готовилась ко сну.

Она открыла сундук с музыкальным замком старинной петрозаводской работы и достала простыни гол-

ландского полотна и одеяло своеобразной мозаики из разноцветных кусочков ситца.

На Володю повеяло старой романтикой Севера.

— У вас даже не было жениха? — спросил он. — Так вас бойкотировали из-за отца?

— Да, — сказала она, вздохнув, и внимательно взглянула на него.

Володя смутился, вспомнив, почему он упал с лестницы. Тогда, нагрузив его охапкой перин, Импи неожиданно приблизила свои губы к его губам; он отстранился и потерял равновесие.

— Вы очень скромны, вы даже не поцеловали свою девушку, когда смотрели на северное сияние! — сказала она.

Володя смутился.

— Постойте, сейчас я уложу деда, вернусь, и мы договорим, — прошептала она и выскользнула в дверь.

Импи вышла в сени, не накинув на себя теплой одежды, в одних красных шерстяных носках, в которых разгуливала по крашеному полу чистой горницы. Володя не подумал, что она могла предпринять что-то плохое, и из вежливости не пошел за ней.

— Русский, друг мой, — позвал его с печки старик.

Володя подошел.

— Вы догадались о правде моей песни?

Шереметьев вздрогнул.

— Я недаром пел ее... Я хотел предупредить вас, но не мог этого иначе при Импи. Я пленник в ее руках и в руках ее Пекко!

— Какого Пекко? — воскликнул Володя.

— Вора и сына вора. Я запретил ей видеться с ним! Довольно ему ходить сюда и носить в стирку свои грязные халаты. От него пахнет кровью, хотя он не охотник. Зачем он скитается здесь, когда его родители бежали с немцами? Я сказал, чтобы его больше не было. Но Пекко пригрозил убить меня. Он хочет завладеть Импи и ее наследством, а она, глупая, рада, что он хочет на ней жениться... И это еще полбеды, если бы они разговаривали о любви и целовались. Нет, русский, они замышляют что-то против ваших самолетов. Этот Пекко служит немцам и заставляет помогать ему моему Импи. Спаси ее и меня от этого зверя, гость наш!

Не успел он это сказать, как дверь растворилась и вбежала Импи, очень взволнованная.

— Где вы были? Кто был здесь? — схватил ее за руку Володя.

— Вы наш добрый гость и должны спасти нас, — горячо заговорила Импи, обращаясь к Володе. — Ваша подруга почему-то ненавидит меня, и я боюсь ее, а

вы добры. Так знайте, когда я выходила на минутку, пользуясь вашей вежливостью, я действительно видела Пекко. Это мой жених. Он был единственным, кто однажды посватался за меня. Его отец совершил кражу на почте и его род так же позорен, как наш...

— Не сравнивай воров с нами, не смей! — крикнул старик.

— Так вот, — продолжала Импи, — я любила его за то, что он хотел жениться на мне. Он говорил, что этим краем завладеют немцы. Пекко решил работать на них. Ему была обещана наша земля, и озеро, и мельница. И он требовал, чтобы я помогала ему. Что он здесь делал — не знаю. Я только коптила для него рыбу и пекла хлеб, да во время метели, которая заносит следы, он приходил сюда сменить загрязнившийся белый халат на чистый, который неразличим в снегах.

— О чем вы говорили с ним?

— Я отвела ему глаза, чтобы спасти вас, мой гость! Пекко хотел меня вызвать и швырнуть сюда гранату... Вы были бы мертвым теперь. Он отчаянный, Пекко. Но я перехитрила его. Когда вы так прекрасно рассказывали о великой и чудесной вашей стране, я спросила у вас нечаянно, останетесь ли вы здесь, на Юля-ярви. И вы ответили, что да, возможно... Тогда я сказала: понимаю, сюда, на Юля-ярви, должна сесть ваша авиацать? Но вы сказали мне, что я ошиблась. А для чего же тогда ваши делают аэродром на озере? Я решила, что это ложный аэродром. Таких много делали и финны и немцы. И вот я сумела надуть Пекко. Я ему сказала, что сюда должны прилететь ваши самолеты, и напомнила старую сказку про водяных, играющих в карты. Им сразу овладела фантазия, что он может погубить ваши самолеты и заслужить от немцев большие награды, если спустит из озера воду и обрушит лед... Он не стал поднимать здесь стрельбу и шум из-за одного летчика и бросился к мельнице у Юля-ярви. Теперь он там старается, протак!

Все это она рассказала с удивительной наивностью.

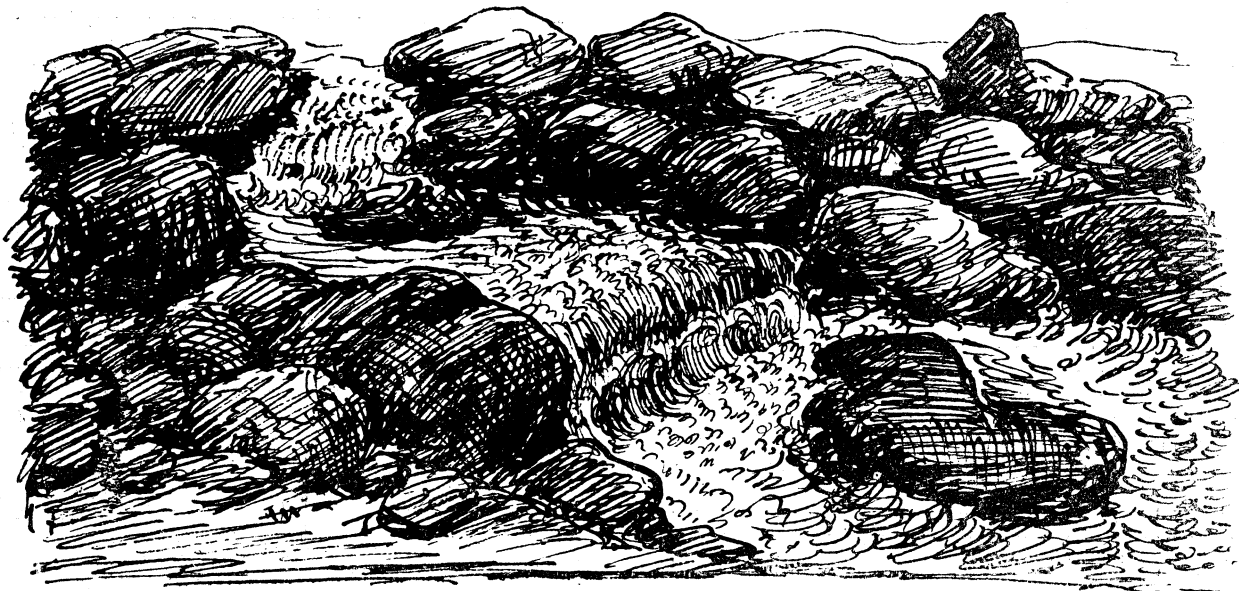
А Шереметьев то бледнел, то краснел.

Вначале рука его потянулась к пистолету.

— Убей меня, наш гость, смерть будет мне легче, чем мысль, что ты мне не веришь, — сказала Импи несколько театрально.

Володя опомнился.

— Одевайтесь! — приказал он. — Я вас отведу к нашим разведчикам, и там вы расскажете все подробнее! Живо. Одевайтесь и вы, дед!

Импи, взмахнув руками и дико крикнув, утала в бурный поток.

Шереметьев решил немедленно идти по своим следам. Он не мог оставаться в бездействии, узнав, куда пошел Пекко.

Когда хозяева Юля-ярви собрались, он приказал Импи идти впереди, а старику сзади. Тут Шереметьев стал жесток и связал им руки. Но Импи часто падала, а Володе хотелось идти скорей, и он подумал, что же это он, сильный, вооруженный мужчина, боится женщины и старика? Он разрезал бечевки и позволил им идти свободно, лишь бы шли быстрее. Ведь в руках его был надежный автомат.

Но стоит прстянуть чорту мизинец, как говорят карелы, так он тебя всего в омут утянет!

Вначале Импи сказала:

— Вы счастливый, вы сын великого народа, а мы несчастный, обреченный народец. Белофинны ненавидели нас и калечили за то, что мы дружили с русскими, а вы не простите нам, что мы стали приспосабливаться к ним и к немцам, к тому, кто пригибал нас здесь до земли, как траву. Но разве трава виновата, что она гнется туда, куда больше всего дует ветер?

Она заплакала, а Володя, желая ее утешить, стал говорить, что если она не виновата, никто ее не тронет.

Конечно, нам чужда мстительность и жестокость. Но в бою смягчать свое сердце не следует. А ведь это был бой во тьме!

Импи отвлекла его внимание. Когда же появились наши самолеты, он невольно отвлекся и тем, что делалось в небе. Она этим ловко воспользовалась. Илучи первой, быстро свернула к мельнице и, когда Володя спохватился, уже катилась с горы и кричала:

— Пекко!

Шереметьев сразу увидел того, кого так звали.

Внизу стояла крошечная водяная мельница, засыпанная снегом, а широкоплечий финн, вооружившись ломом, работал из всех сил, выколачивая вешняки плотины, окованные льдом. От его широкой спины залил пар. Усилия финна увенчались успехом, вода уже бурно шла в один створ, другой тоже начал отодвигаться.

— Пекко! — еще раз крикнула Импи, и финн оглянулся. Но предупреждение запоздало. Его оружие было далеко, а Володя мчался на него с горы, как лавина.

— Стой, руки вверх! — крикнул он. Но вместо того чтобы схватиться за оружие, не удержал лыж и с размаху сшиб финна с ног. Они оба покатались к потоку. На снежной площадке задержались. Вначале Володя оказался сверху и уложил Пекко на обе лопатки, но финн выскользнул, как змея, и сам очутился верхом на летчике. Володе мешали лыжи на ногах, и автомат на шее, и его тяжелый комбинезон. Финн был одет легко, и ноги его были свободны.

Завязалась отчаянная борьба. Володя был сильнее и больше финна, но финн оказался увертлив и жилист. Импи сверху смотрела на эту борьбу в каком-то оцепенении.

— Ах ты, бешеный волк, сдавайся!

— О, проклятый русский!

— Кусаешься? Врешь, не угрызешь, я крепкий!..

— О, мать божия, святой Георгий, дайте мне силу!

— Не помогут, я безбожник.

Ругательства и проклятия слышались на русском и финском языках.

Однажды пальцы финна так стиснули горло летчика, что Шереметьев прохрипел:

— На помощь!

В другой раз финн крикнул:

— Помоги, Импи!..

Тут она взяла снайперскую винтовку, оставленную Пекко у мельничного колеса, и стала целиться.

— Стреляй! — крикнул один по-русски.

— Стреляй! — крикнул по-фински другой.

Пекко и Володя еще несколько раз перевернули друг друга, приближаясь к ревущему потоку. И тут раздался выстрел. Летчик вдруг почувствовал, что железные пальцы, стиснувшие его горло, перестали давить. Он услышал хрип, вырвавшийся из груди финна:

— О, подлая, ты убила меня... Будь проклята!

Володя встал, отлепляя от себя цепкие руки Пекко.

— Что это? Я убила его!.. — воскликнула Импи.

— Да. Ты метко стреляешь. В такой свалке не трудно и промахнуться. Спасибо, Импи... ты спасла меня. Ну и зверь! Ну и когти! Я уже терял сознание...

Володя хватал снег, совал его в рот и прикладывал к кровоподтекам на горле, где были следы когтистых пальцев Пекко. Володя видел одно — он был на волосок от гибели, и Импи спасла его. Это факт. Вот он стоит живой, а ее бывший жених мертв, и убит ее рукой. Он лежал, рыжий, скуластый, с темным, каменистым лицом.

И сгорая Шереметьеву показалось, что девушка не то влюбилась в него, не то прозрела после его убедительных речей и теперь разделалась со своим тяжким прошлым.

— Ну, Импи, — сказал он, — за это вам много простится. Идемте со мной и ничего не бойтесь.

— Вода уходит из озера Юля-ярви, — сказала Импи, устремив взгляд на плотину.

— Показывайте мне дорогу к аэродрому, Импи. Скорей, скорей! — торопил Шереметьев, встревоженный не на шутку слишком бурным потоком воды. Он не знал, что это выбегает только та вода, что находилась между плотиной и истоком ручья.

Импи медленно подошла к лыжам, стала застегивать ремни.

Володя нагнулся и стал прилаживать лыжные ремни к своим унтам. Импи осторожно вынула из-за пазухи финский нож, медленно подняла, прицелилась и, прыгнув, как кошка, с силой опустила его на широкую спину Шереметьева. Пронзив комбинезон, лезвие хладко вошло под левой лопаткой в разгоряченное тело Володи.

Он упал лицом на холодные ботинки Импи. Девушка выдернула ноги, и голова Володи осталась на снегу. Он не повернулся, не переменил позы. Он рухнул так быстро, что нож остался в его спине.

— Кто это сделал? — простонал Володя.

— Я! — ответила Импи. — Ты слышишь? Я!

Шереметьев только скрипнул зубами.

— Ты понял? Ну, теперь умирай!..

И она наступила толстой подошвой ботинка на рукоятку ножа, торчавшего из комбинезона.

Сквозь пролом в вешняках все сильнее и сильнее бежал и ревел ручей, и, заглушая его шум, в небе кружились и шли на посадку наши самолеты.

— Как жалко, что при мне нет фотоаппарата, — пробормотала Импи. Затем подошла к плотине и стала расширять пролом в вешняках. Напор воды помогал ее работе. Иногда она взглядывала на небо и считала самолеты, как свою добычу. Она совсем забыла про старика. Но старик не забыл про нее. Когда он подошел к Пекко, ощущал его лицо и убедился, что бандит мертв, старик улыбнулся.

— Ну, ты доволен? — спросила Импи. — Теперь ты не породнишься с вором и сыном вора. Да, он был сер и некрасив. И я лишь терпела его... Я попала в него нечаянно... Но все к лучшему. Он сделал свое дело и больше не нужен. Все плоды достанутся мне. Немцы оценят мою работу. Ты увидишь, дед, мне вернут все наши уголья, а под зеленой травой здесь скрыты такие минералы, такие руды, что я стану богачкой... И тогда отбою не будет от женихов!

Старик не отвечал. Он склонился над Володей, ощущая его лицо и заплакал.

— Дед, — позвала его Импи, — иди помоги мне перебраться на ту сторону. Я должна уходить.

Она принесла две длинные жерди и перебросила через поток. Потом перекинула на ту сторону лыжи, палки, оружие и мешок с продовольствием, оставшийся от Пекко. Она обыскала еще не остывшего Володю и забрала его документы. На Пекко она даже не взглядела больше.

Затем, приказав старику придерживать концы жердей, чтобы они не разъехались, Импи, балансируя, пошла через ручей.

— Остановись на середине, внучка! — сказал вдруг слепой.

— Зачем?

Вместо ответа он с силой раздвинул жерди, и Импи, взмахнув руками и не успев крикнуть, упала в бурный поток. Кипящая, рыжая вода несколько раз перевернула ее. Мелькнули руки, косы, ботинки и скрылись в пучине. Затем старик поджег мельницу, чтобы дымом пожара привлечь людей на помощь.

Когда я прибежала туда, то увидела, что слепой сказитель стоит у пылающей мельницы и, простирая руки к небу, шепчет, словно заклинание:

*Так погибла злая Импи —
Дикий выродок из рода.
Вы скорей летите, птицы,
Прилетайте, тьму развейте
Над страной Калевалы!..*

Так я первая слышала песню, что он пел здесь сегодня, песню, которую поет повсюду. Это только ее конец. Это большая руна, сложенная про тайну Оуляярви.

Девушка улыбнулась и взглянула вверх наших голов. И мы увидели в ее серых глазах чудесные лучи, озарившие лицо ласковым светом. Позади нас стоял только что вошедший в комнату летчик.

Увлеченные рассказом, мы и не заметили, как он мягко ступил за порог в своих меховых унтах.

Он молча снял тяжелый комбинезон, поглядывая на нас с усмешкой.

— Не правда ли, страшноватая история? — сказал он. — Попробуйте написать, — не поверят. А у нас еще сохранилось доказательство. Вот, посмотрите, это след финского ножа!

Мы увидели на спине его плотного комбинезона зашитый крепкими нитками прорез.

— Меня врачи вот так же заштопали. Рана была как раз напротив сердца. Чуть-чуть не достала!..

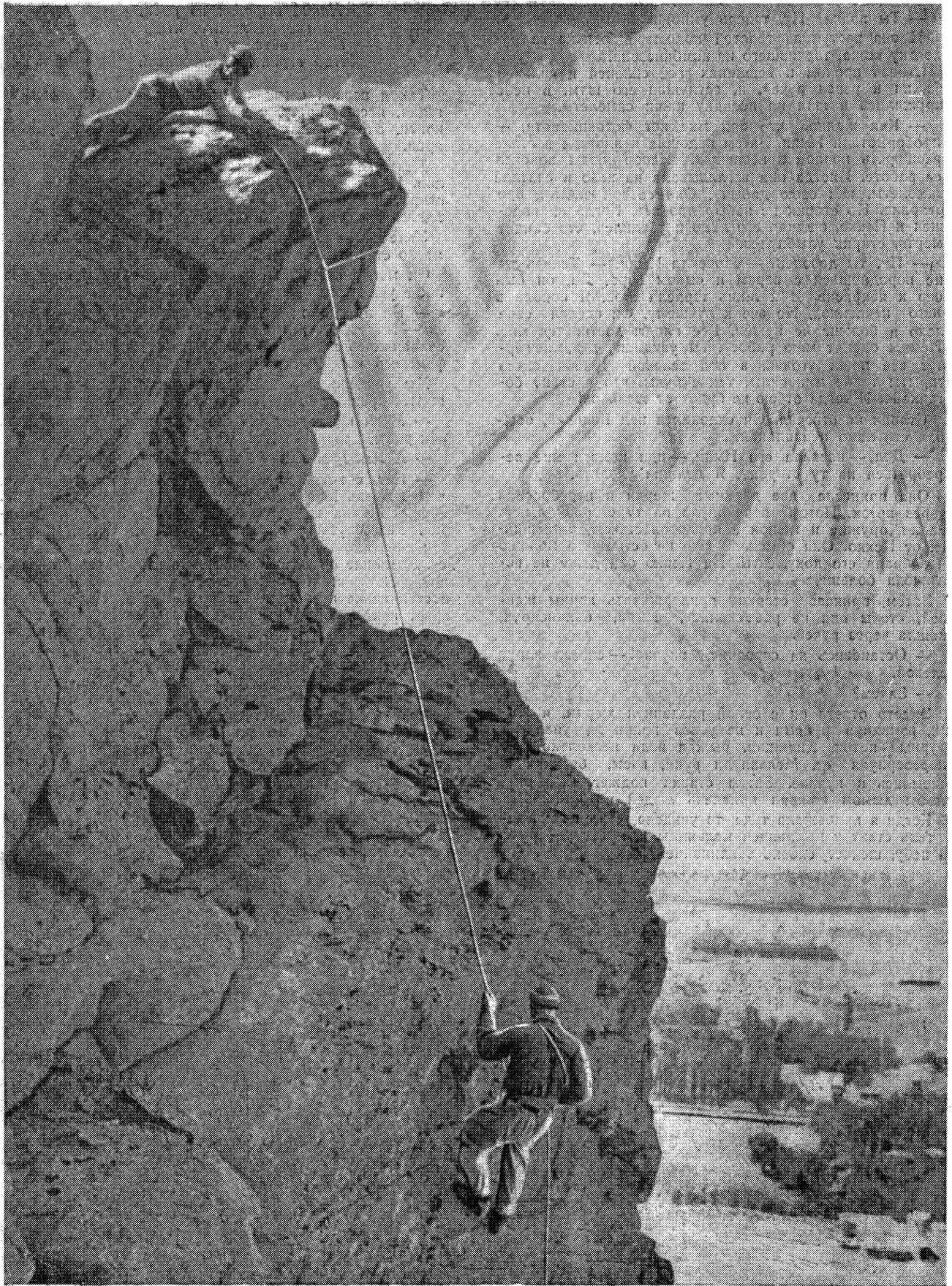
— А Импи, значит, утонула?

— Нет, в жизни с ней случилось несколько проще, чем в песне. Поток скоро кончился. Озеро было на заборе, сбегала вода только из ковша, и Импи, не успев захлебнуться, оказалась на мели. Импи, мокрую, так схватило морозом, что разведчики насилью стаяли ее. Дознание помогло нам вскрыть и обезвредить целую шайку диверсантов. Вот пройдет еще немного времени, и сталинские пятилетки так расцветят этот заполярный край, как и не снилось господам капиталистам, которые хотели его заграбастать и посылали дурачков таскать для них каштаны из огня. Уже сейчас звенят и грохочут новостройки. Все ожило. Вот на специальном самолете овощи и фрукты сюда возим. Нас тут все знают, как своих лучших друзей, и называют нашу машину «самолет Шереметьевых»..

— Дорого могли вы заплатить за свою доверчивость, когда подумали, что можно перевоспитать в одну ночь человека, которого воспитывали против нас годами, — сказал кто-то.

— Да, — прекратил разговор Шереметьев. — Но теперь я излечился от своей наивности на всю жизнь. Впрочем, это разговор долгий, пора в полет. Кто еще хочет лететь с нами до Москвы?..

Геологи на Памире.

Фотоэтиюд В. Шаховского,

АЛЕКСЕЙ КОЖЕВНИКОВ

Красноярские Столбы

Фото А. Сухомлинова

Город Красноярск стоит в узкой долине, проложенной Енисеем. На левом берегу реки, над самым городом, высится голый, с красно-бурыми осыпями, Красный яр. От него и пошло название города. На правом берегу — высокое лесистое плоскогорье, утыканное голыми утесами и скалами самых причудливых очертаний. Владимир Ильич Ленин, видевший эти места по дороге в Минусинскую ссылку, писал о них своим родным: «...Здесь окрестности города... напоминают не то Жигули, не то виды Швейцарии».

Одна группа скал, особенно причудливых по форме и своеобразных по геологическому происхождению, объявлена государственным заповедником. Это — Столбы.

Для очень многих красноярцев не существует вопросов: где проводить выходные дни, отпуск, как развлечься? Они идут на Столбы. Столбы наложили на город особую печать, придали ему, пожалуй, самую яркую, самую индивидуальную черту.

Небольшие группы уходят на Столбы ежедневно. Но под праздники бывает подлинное шествие. Сюда-то пошли под праздник и мы — я с новым моим приятелем, демобилизованным танкистом Леонидом Максимычем. С ним я познакомился по дороге в Красноярск, на пароходе. Сперва он назначил поход раньше, а потом вдруг пришел ко мне в гостиницу и отложил до субботы. Вид у него был странноватый, оборванный: вместо военного, аккуратного, как говорят, влитого костюма широкие грузчицкие шаровары, грубая, дерюжная рубаха и — прямо на босу ногу — калоши. В лице — смущение, в словах, в движениях — торопливость. Он даже не присел, а сказал только, что поход откладывается, и повернулся к двери.

— В субботу я все равно пойду. В субботу и для вас интересней. Ждите меня в шестнадцать ноль-ноль здесь.

— Есть ждать в шестнадцать

ноль-ноль, — в тон ему шуточно отозвался я.

В субботу после обеда на улицах города начали появляться странные фигуры. Прошел подросток в необъятных, видимо, батькиных шароварах, в заплатанной, старой рубашонке, в соломенной шляпе, большой, как зонт, и в калошах, хотя погода была жаркая, пыльная. Рубашонка на подростке была переюрана длинным, очень ярким кушаком.

Прошла группа девушек — тоже в шароварах и калошах на босу ногу. В резко противоречии этому будничному наряду на некоторых были яркие, праздничные блузки, на головах венки из живых цветов.

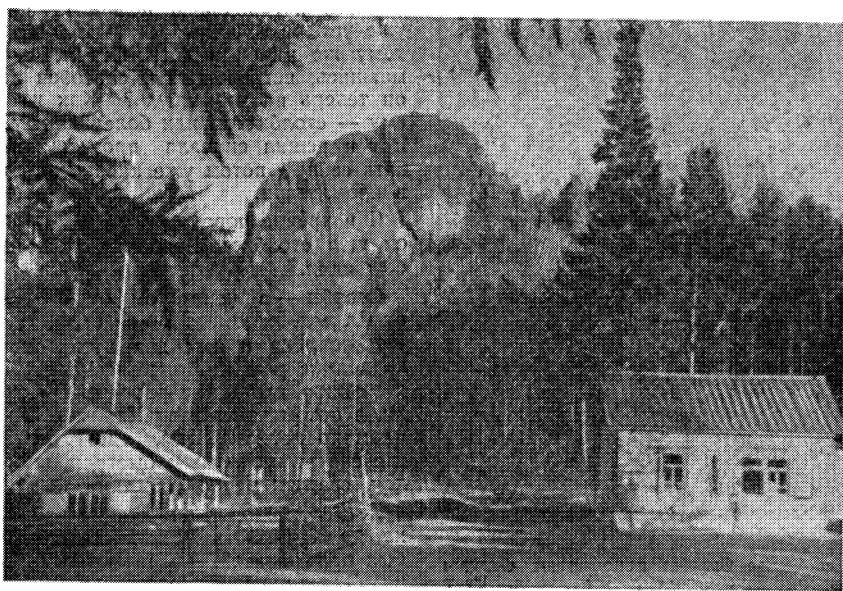
Леонид Максимыч явился за

мною аккуратно в назначенное время. На нем был тот же рабочий, грузчицкий костюм, с добавлением пестрого кушака и ковровой тубейки, которая вобрала под себя всю шевелюру, его довольно длинных и пышных волос.

Поздоровавшись, он поудобней уселся на диван и внимательно окинул меня глазами. Ни тени прежнего смущения и торопливости.

— А у вас нет другого костюмчика, похуже? — вдруг спросил он и, заметив, что мне его вопрос странен, продолжал: — До Столбов можно и в этом, а на Столбы лезть в нем и неудобно, и рвать жалко.

Я открыл перед ним свой чемодан. Леонид Максимыч облюбовал старенькие брючишки, ковбойку, сандалии. Я переоделся в них, и мы пошли к пристани. Туда со всех концов города веселыми толпами стекались люди, одетые на манер Леонида Максимыча. Это были завсегда

Туристская база — в некотором отдалении от Столбов. Ровная, прямоугольная поляна по краям оторочена рядами небольших светложелтых сосновых домиков.

Столбóв — «столбисты», как называют их в Красноярске. Около пристани их сгрудилось сотни три: большинство — молодые люди, лет от семнадцати до тридцати, мускулистые, ловкие, загорелые. Разделившись на группы, они где пели, где танцевали под гармошку, под гитару.

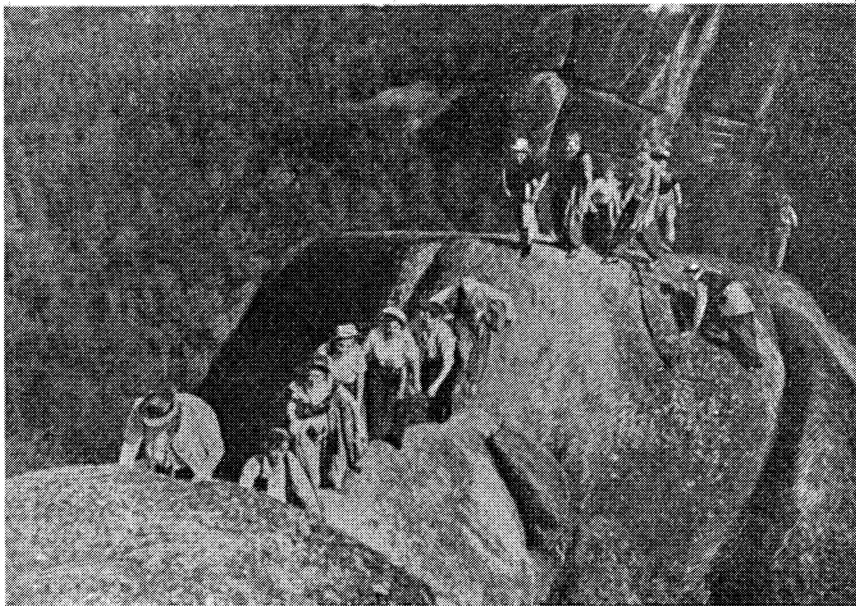
У Леонида Максимыча там оказалось много знакомых. Он был старым, известным столбистом.

Причалил большой, совершенно пустой пароход, а через несколько минут он был уже полон и, оглашаемый сразу пеньем, музыкой, смехом, поплыл к противоположному берегу.

Через час мы шагали по узенькой лесной тропинке в хвосте длинной вереницы людей к Столбам. Леониду Максимычу по ранению, а мне по летам было трудно поспевать за молодежью, к тому же и не хотелось спешить, и мы отставали да отставали помаленьку и, наконец, оказались одни.

— Успеем еще, — сказал мой спутник, — нам бы только до ночи к Столбам подойти, чтобы завтра на подъеме быть со свежими силами.

Тут я решил проверить одно свое подозрение и спросил Леонида Максимыча:

Тут и там замелькали на Столбах пестрые человеческие фигурки. Они то припадали к камню и ползали, цепляясь за каждый выступ, ощущая всякий бугорок, то вставали и шли в полный рост... На снимке: Второй Столб — самый высокий из всех: он возвышается на полкилометра над рекой.

— Вы побывали уже на Столбах?

— А почему вы так думаете?

— В прошлый раз вы приходили ко мне в этом же костюме — я и думаю, что вы тогда на Столбы шли.

— Да, на Столбы, — признался он неохотно, смутившись. — Вы хотите знать, почему я не взял вас?

Я сказал, что особенным любопытством не страдаю. Но Леонид Максимыч все-таки решил объясниться. Он с детства влюблен в Столбы. Взялся на них сотни раз. И свою специальность — преподавателя географии — выбрал под влиянием Столбов. Перед войной он считался одним из лучших столбистов. И когда приглашал на Столбы меня, то немного погорячился, позабыл, что уже четыре года не бывал на них, к тому же ранен в ногу. Потом, одумавшись, встревожился: способен ли он теперь на что-нибудь? Как идти ему — столбистом или болельщиком? Вот и решил сначала проэкзаменовать себя, а потом уже навязываться в проводники.

Я искренне порадовался за него: он шел столбистом — значит экзамен был сдан.

Столбы — в некотором отдалении от Енисея, километрах в семи. Из Красноярска к ним два пути: один по долине речки Лалетины, другой немножко вдоль устья речки Базаихи, а потом через гору Каштак. Мы идем по первому, там, где льется, где скачет по камням быстрая, шумная, светлая речка Лалетина.

Есть легенда, что в давние времена, до Кучума и Ермака, в Сибири был царь Енисей. А у него две дочери: Лалетина и Базаиха. Лалетина — младшая, любимица. И вот когда смотришь на эту капризно-извили-

стую речушку, вслушиваешься в ее неумолкающий шум, невольно представляешь себе озорную, балованную девчонку. Она распустила волосы. Вприпрыжку, со всякими выкрутасами, бежит с горы. Бежит, почти не касаясь земли. Ей некуда девать силы, резвости, и она по пути вырывает кустарник, сталкивает вниз камни. И кричит без всякого смысла, лишь бы кричать: «ла-ла-ла-ла-ла!»

Долина Лалетины довольно широкая. По склонам — лес: береза, осина, черемуха, иногда сосна и елка. Много лужаек. Трава не кошена, цветы не оборваны: здесь заповедник. Разморенные жарким июльским солнцем, цветы благоухают так, что голову охватывает хмель. Сладкий, блаженный хмель! Подъем не кругой. Но Леонид Максимыч то и дело приостанавливается: поглубже вздохнуть, склониться над цветком, проводить взглядом яркую порхающую бабочку. На суховатом, обычно настороженном лице его теперь простодушный, глуповатый покой.

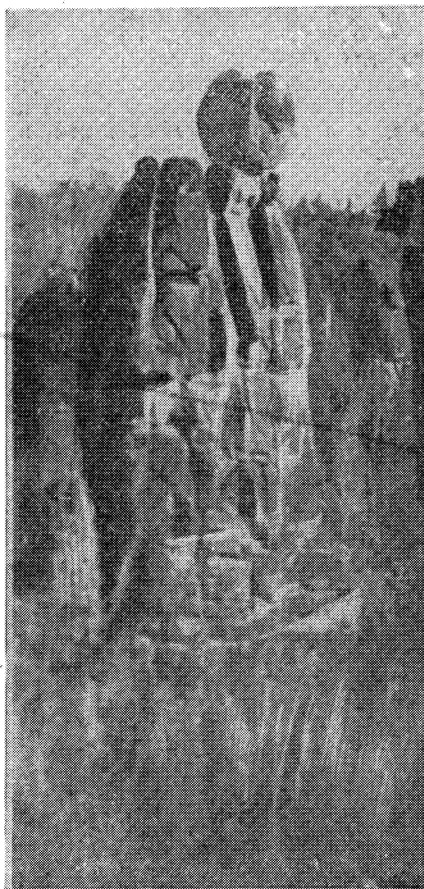
Идем уже довольно долго. Вольготная тропа сразу становится круче.

— Пыхтун, — скоро Столбы, — говорит Леонид Максимыч и объясняет: — Этот последний подъем называется Пыхтун. Он довольно крут.

Пыхтим. Впереди над лесом начинают выплывать буроватые камни, то гладкие, округлые, как лепешки, то угловатые.

— Столбы.

Прибавляем шаг, пыхтим сильней. Мы выше — и камни выше и больше. Они уже громадны. Еще несколько десятков шагов, и перед нами весь на виду Первый Столб. Он имеет форму двух зубов. Весь разорван трещинами на большие кубооб-

Некоторые Столбы напоминают фигуры испанских людей, животных. Этот Столб, похожий на женщину в одежде племени манси, столбисты в старые времена прозвали «Маньская баба».

„Перья“

Рис. художника Ц. Леонидова

«Здесь есть группа скал, таких причудливых по форме, своеобразных по геологическому происхождению, что их объявили государственным заповедником. Это — Столбы», читаем мы в очерке писателя Алексея Коженикова «Красноярские Столбы» (см. стр. 31 настоящего номера журнала «Вокруг света»). На рисунке изображена одна из наиболее характерных групп скал, описываемых в очерке. Эти скалы носят название «Перья» и действительно похожи на перья на гребешке какой-то исполинской птицы...

разные куски, изрыт впадинами, щербинами, торчит выступами. Можно подумать, что он никогда не был монолитом, который растрескался, а скорее наоборот — собран из отдельных кусков, но собран небрежно, без особой заботы о форме.

Недалеко от Первого — Второй Столб, самый высокий из всех: причудливое нагромождение камней, лабиринт трещин, впадин, выступов, которому не придумаешь ни имени, ни сравнения.

Дед — огромная каменная голова старика. Какая древность залегла в угловатом, морщинистом, нахмуренном лице, в глубоко запавших глазах! Около Деда — Внучка, Бабушка, Прадед — целое семейство. Прадед стоит в сторонке. Сгорблен, обомшел. К нему редко ходят. Забыт.

Перья — высокие гребни. Несмотря на свою каменную тяжесть, они кажутся легкими, воздушными.

По соседству — еще два Столба: Третий и Четвертый; оба, особенно Четвертый, — хаотическое нагромождение камней.

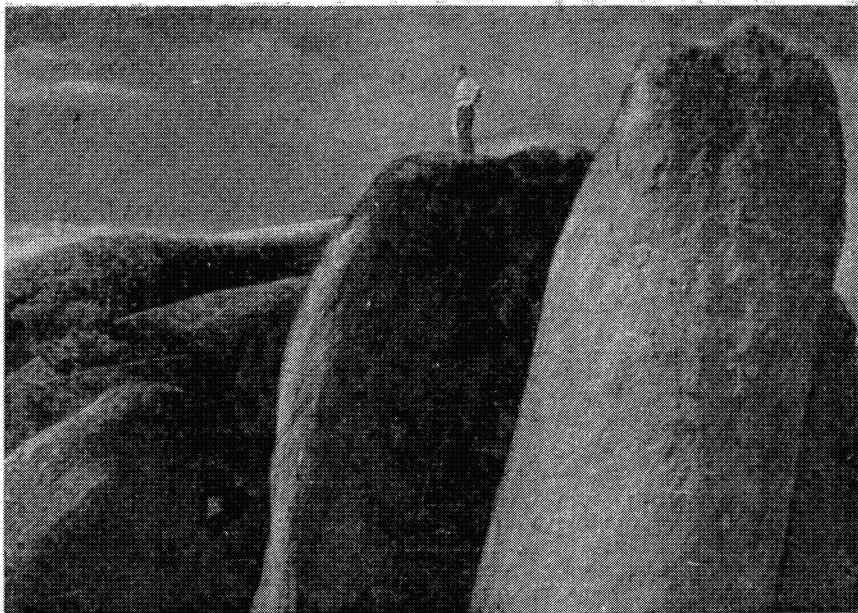
Все Столбы, даже такие разные по виду, как Дед и Перья, — родня друг другу. Все они обрывисты, все розовато-бурого цвета, все прихотливо расколото трещинами.

На ночлеге Леонид Максимыч рассказал мне историю этого камечного семейства.

Возникновение Столбов началось в конце силурийского периода, то есть около 450 миллионов лет тому назад. Тогда из глубины земли в ее кору начала подниматься расплавленная, огненно-жидкая, сиенитовая магма. Но прорвать кору и вылиться на поверхность она не смогла, только сильно приподняла ее, наделала в ней извилистых трещин, заполнила эти трещины и застыла в них. Получилась возвышенность с кровлей из песчаников, известняков и глинистых сланцев и с ядром из глыб сиенита. Дальше над этой возвышенностью начали свою работу жар, холод, вода, снег, ветер. Каждый миг, час, день — сотни миллионов лет — они разъедали, сверлили, грызли, точили и, наконец, раздели Столбы. Сорвав и рассеяв более мягкие наружные покровы, эти вечные, неутомимые камелотесы взялись обрабатывать твердое сиенитовое ядро. Оно было не сплошным, с более податливыми, чем сплошной сиенит, вкраплениями. Вкрапления постигла та же участь, что и покровы: Надо полагать, что за миллионы лет сильно изменился и первоначальный вид сиенитовых скал.

Так возникли Столбы — это каменное чудо, самая величая свита Енисея. Глава этой свиты — Второй Столб — возвышается на полкилометра над рекой.

Открыты Столбы недавно. Конечно, охотники, таежники из местных жителей знали их давно. Есть старинные легенды, где они упоминают-

С рассветом туристы пошли на Столбы встречать восход солнца. Каждый выбирал цель по своим силам и желаниям.

ся; но там они выступают еще не разделенными, не названными, а всей группой, под общим названием — Столбы.

Первым из ученых посетил Столбы геолог Чихачев в 1842 году. Он же сделал первое письменное сообщение о них.

Но широкая известность Столбов началась гораздо позднее и тесно связана с развитием революционного движения в Сибири. В девяностых годах прошлого века Столбы были облюбованы революционно настроенной молодежью Красноярска для своих сходок. Место для этого идеальное. Ни дорог туда, ни троп, а в причудливом хаосе камней — столько потайных уголков.

По началу сходки собирались под Козырьком. Так называется скала с большим навесом. Горит костер, кипит чайник, идет разговор о самом заветном, сокровенном, а Козырек надежно охраняет все это от непогоды, от чужого взора. Разговор сменяется подъемом на Столбы, поиском новых ходов. Постепенно вырабатывается целая своеобразная система скалолазанья. Столбам и ходам даются названия. Появляется словечко «столбист», то есть отважный скалолаз, мастер и в то же время революционно настроенный, протестующий человек.

Число столбистов быстро прибывало, сходки стали чаще, и в 1892 году столбисты построили для своих сходок избушку под Третьим Столбом. В 1906 году полиция сожгла избушку столбистов и не раз делала облавы. А сходки все равно продолжались.

После революции Столбы стали для красноярцев любимым местом отдыха, школой альпинизма, мужества.

С первых же дней установления в Сибири советской власти весь район Столбов был объявлен заповедником и строго оберегается. Запрещено рубить лес, ломать камни, охотиться, рыбачить, даже собирать грибы и ягоды. Человек здесь только гость и наблюдатель.

Мы ночевали на туристской базе: нам очень хотелось переночевать под Козырьком, но другие, жаждущие этого, остановились там раньше.

Туристская база — в некотором отдалении от Столбов. Ровная, прямоугольная поляна, заросшая невысокой кудреватой муравой, по краям оторочена рядами небольших светложелтых сосновых домиков. В одних живут и работают сотрудники заповедника, в других останавливаются туристы. Сразу же бросается в глаза на этой базе особенное, праздничное оживление. На поляне и в окрестном лесу всю ночь горят костры. У костров — песни, музыка. Столбисты — закаленные люди, влюблены в свежий воздух, в сильный ветер, в звездное небо, и только злая непогода может загнать их под крышу.

С рассветом туристы пошли на Столбы встречать восход солнца. Каждый выбирал цель по своим силам и желаниям.

Тут и там замелькали на Столбах пестрые человеческие фигурки. Они то припадали к камню и ползли, цепляясь за каждый выступ, ощупывая всякий бугорок, то вставали и шли в полный рост, делали прыжки, иногда подтягивали друг друга на кушаке, скрывались в пещерах, затем снова появлялись на узеньких карнизах, на выступах. Для нас, наблюдавших снизу, фигурки становились все меньше и меньше, будто

таили под солнцем, которде уже зделало вершины Столбов.

Подъеме, или, как говорят здесь, ходы, на Столбы так же разнообразны и прихотливы, как разнообразны и прихотливы сами Столбы. Существует несколько десятков таких ходов.

— Попробуйте, чем мы не герои, — сказал Леонид Максимыч.

Я согласился. Со стороны, как наблюдателю, мне казалось, что я справлюсь с подъемом не хуже других.

Новички обычно начинают с хода «Катушками» на Первом Столбе. Начали с него и мы. Я полез первым, Леонид Максимыч за мной, чтобы в трудных местах помочь мне — подставить колено, руку.

Ход «Катушками» — это ход по округлым, покатым плитам. Едва я сделал несколько шагов, как почувствовал, что мои ноги поползли вниз. Я встал на четвереньки, одолел одну «Катушку» (плиту). Чтобы перейти на следующую, нужно было сделать широкий шаг — одной ногой сильно оттолкнуться, а другой крепко зацепиться выше. Но, как я ни старался, у меня ничего не получалось: мои узкие, обычные ботинки не давали мне воли, а кожаные сандалии скользили. Тогда Леонид Максимыч предложил обменяться одеждой. Мы спустились, переоделись и снова полезли. Дело пошло лучше. Тут я оценил странноватое одяние столбистов: необъятные шаровары не стесняют движений, калоши крепко прилипают к камню.

Добрались до вершины Столба. Я присел на большой камень отды-

шаться. Леонид Максимыч зачем-то юркнул за камень. И вдруг камень покачнулся. У меня невольно вырвался крик: «Леонид Максимыч!» — и я кубарем скатился с камня.

— Я здесь. Что случилось?

— Камень падает!..

— Держите, — сказал он, рассмеявшись, затем похлопал меня по плечу и успокоил: — Не упадет, силой не столкнешь.

Камень был качающийся: им пугают новичков. Леонид Максимыч решил поугаать и меня на память о Столбах и незаметно раскачал камень.

Спускаться было труднее, чем подниматься. Больше почему-то скользили ноги, перед глазами была пропасть, и от этого кружилась голова. Несколько раз я останавливался, не решаясь дальше сделать шага. Тогда Леонид Максимыч спускал меня на кушаке.

Следующим он выбрал ход «Колоколом». Но я попросил себе передышки. Тогда он переоделся снова в свое и пошел один.

«Колокол» — глубокий узкий колодец. Если ударить по стенке ладонью — раздается протяжный, чистый, как у колокола, звон. У «Колокола» совершенно отвесные стены, ходят по нему врасклинку. Человек упирается руками и ногами в противоположные стены и затем осторожно переставляет то руку, то ногу.

От одного созерцания, как идут «Колоколом», меня бросило в пот.

Столбисты уверяли, что глядеть страшней, чем ходить, но у меня нехватило духу на «Колокол».

Чтобы не оказаться окончательным трусом и в своих и в чужих глазах, я сделал еще один ход — «Хомутиком». Это ход на скалу Деда. В одном месте скала выпирает уступом, похожим на ухо, в этом ухе есть дыра, будто для серьги. У великанов — все большое, и у великана Деда дырка для серьги такова, что в нее может пролезть человек. В эту дыру — «Хомутик» — и лезят. При этом человек повисает над каменным подножием Деда: самый трудный момент. В остальном ход напоминает ход «Катушками».

Одолев «Хомутик», я отвел от себя все подозрения в трусости и, признаюсь, с сердечным облегчением сделался только наблюдателем.

Труднейшими считаются ходы «Сарачевой», «Леушинский»: оба на Втором Столбе. Они идут по узким карнизам, по острым — петушиным — гребешкам, с прыжками через пропасти.

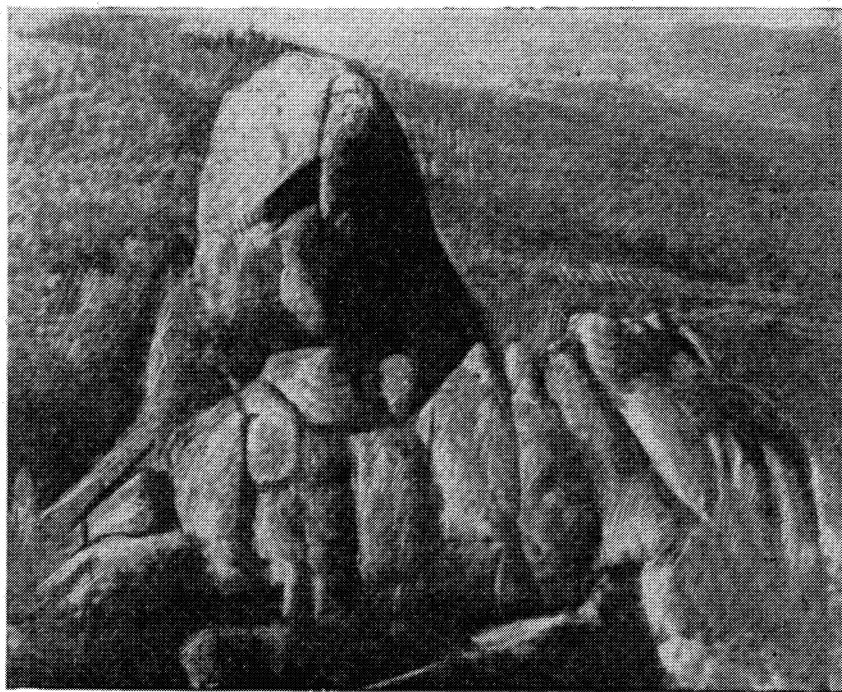
И самым трудным номером в подъемах на Столбы являются прыжки с Пера на Пера. С одного узенького гребня, где нельзя разбежаться, едва только можно стоять, человек делает двухметровый прыжок над глубокой пропастью. За пропастью его ждет такой же узенький гребень. Какую мужественную душу надо иметь, чтобы сделать такой прыжок вперье!..

К полудню Столбы начали пустеть. Люди устали. Накаленные солнцем скалы нестерпимо обжигали руки. Одни столбисты уходили прямо домой. Другие взбирались на небольшой, гладкий, как стол, камень и распластывались под солнцем — загорать. Этот камень называется у столбистов «Верхопуз».

Стоит еще упомянуть один ход — «Шкуродер». Каменный глубокий колодец, вроде «Колокола», но шириной меньше, как раз в корпус человека. Человек взбирается на вершину колодца и прыгает в него. Чтобы не разбиться о каменное дно, притормаживает локтями и коленками. От одежды летят клочья, ленты. Поистине «шкуродер»!..

Возвращались мы в город через Каштак. Когда идешь по Лалетине, Столбы очень скоро теряются из виду. А через Каштак на половине пути есть подъемчик, откуда еще раз видна вся величественная семья Столбов. Этот подъем для идущих через Каштак — место первого свидания со Столбами и последнего прощания. Называется он «Видовка».

Потом я много раз бывал на Столбах. Столбистом, правда, не сделался, но храню этот уголок в своей памяти, как один из драгоценнейших для меня.

Столб, прозванный «Митра», напоминает головной убор сказочного великана.

Эне-Хая

Н. МАКАРОВ

Рис. Б. Езинева

Вызванная к жизни освоением Северного морского пути, река Яна берет свое начало в отрогах Верхоянского хребта от слияния двух рек — Дулгалах и Сартап. Река круто падает с высокого хребта и вьется по узкому и глухому ущелью, то широко разливаясь, то обращаясь в почти незаметный ручеек, прикрытый с берегов тальником.

Медленно плывет по Яне «Сасыл-Сысы» — первый пароход, который видит эта река.

«Сасыл-Сысы» везет нашу геологическую экспедицию, едущую разведывать и подсчитывать неисчерпаемые богатства суровых Верхоянских гор. Из Москвы мы долетели на самолете до бухты Тикси, отсюда — через море Лаптевых — доехали на пароходе до мыса Буор-Хая, а здесь, за шестьдесят километров до устья Яны, пересели на наш маленький «Сасыл-Сысы». Мы привели его за собой на буксире с реки Лены.

В обе стороны раскинулись пади. Они уводят к тихим и задумчивым озерам и к тундре, где летний день курится сизым маревом.

Вечерами от озер ползут прозрачные космы тумана. Они простираются над кустарниками, сливаются с легким дымком жилья.

Кудрявится сочная зелень, пестрят цветы. Гуси и утки еще не вывели птенцов. Самки сидят на гнездах и опасно покрякивают.

На одной из остановок мы с начальником геологической экспедиции Дорозевым прошли в тундру.

Привлекательна жизнь в тундре в летнее время. Пестреют цветы, зеленеют кустарники, бархатными подушками лежат мхи. Полно уток. Непуганные, не видевшие еще человека, они вылетали из-под самых ног и снова мягко садились невдалеке.

Утром мы были в Усть-Янске.

До Октябрьской социалистической революции это был далекий, глухой угол. Всего несколько якутов и жило в Усть-Янске. Теперь здесь большой поселок, со школой, радиостанцией. Строятся пристань, складские помещения.

* * *

Из Усть-Янска наш «Сасыл-Сысы» пошел вверх. Через тридцать километров на правом берегу реки показался районный центр — Казачье.

Интересна история этого, триста лет назад заложеного поселка.

В 1633 году якутский казак Иван Ребров впервые вышел в море из устья Лены и, плывя вдоль берега к востоку, открыл устье реки Яны.

В 1640 году Ребров тем же путем вернулся в Якутск. В своей челобитной он писал: «Преж меня на тех тяжелых службах, на Янге (Яне) и на Соболей

(Индибирке) не бывал никто, проведая я те дальние службы».

Тогда же был здесь основан острог, получивший название «Казачье».

Вслед за казаками, обложившими якутов податью — ясаком, приехали торговцы.

С хребтов на поселок набегали лесные немолчные шумы, текли таежные запахи. С хребтов, из года в год, когда в запасе не оставалось ни горсти муки, ни щепотки чаю, якуты приезжали в Казачье.

Купец уже ждал якутов. Купец быстро наливал стакан и подносил:

— Пей, друг, пей...

Якут пил, в голове у него шумело, и он ничего не соображал. Крепок был мухоморный настой. И только уже у себя в юрте якут хватался, что купец многого недодал, насыпал горькой муки, сахар гихл и воняет керосином. Долго-долго якуты жили впроголодь.

За годы советской власти в жизни якутов на Яне произошли изменения неизмеримо большие, чем за триста с лишним лет, отделяющих нас от того дня, когда впервые прибыл сюда казак Ребров.

Советские люди заново открыли Яну. Пешком, на сленях, на собаках, на моторных катерах, на самолетах советские географы, геологи, картографы, ботаники, зоологи, экономисты, инженеры-исследователи обогнали, объездили, исследовали Яну. От узкой прибрежной полосы реки они продвинулись в неизведанную глубь района, где каждый шаг был открытием. Точно новый край возник перед глазами этих людей.

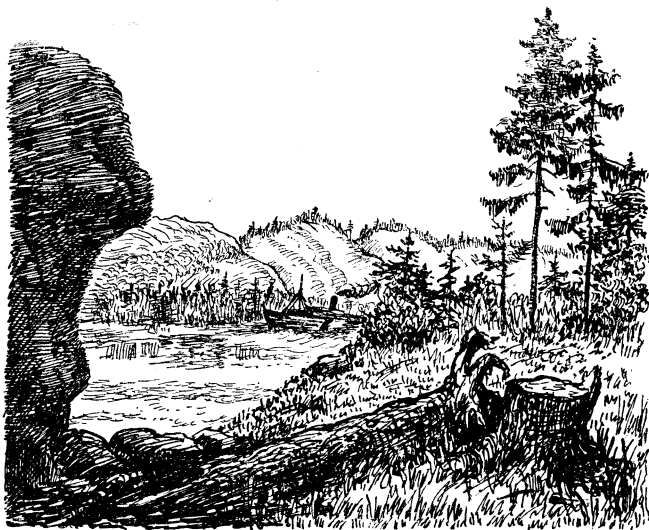
* * *

При царизме о якутах говорили, как о вымирающем племени. Советская власть вызвала к жизни одаренный талантами народ. Якуты имеют теперь свою письменность и свою литературу, им открыты пути к любой профессии, к любому занятию. Якутская молодежь, не владевшая раньше инструментом, более сложным, чем пила и топор, ныне уверенно управляет бурильными станками и моторами, умеет обращаться с ареометром, знает, что такое шахта, руда, удельный вес.

Говоря о Яне, об ее экономике, мы представляем себе пушнину, оленя. Охота и оленеводство — а сейчас основное занятие местного якутского населения.

Кто мог думать раньше, что на Яне имеется все, чтобы превратить этот отдаленный край в индустриальный район?

Старая литература говорила о Яне, как о нищем, бесплодном крае.

Но вот совсем недавно, в результате проведенных советскими учеными экспедиций, мы узнали, что в этом краю есть и цветные металлы — медь и олово, и уголь, и строительные материалы. В новый пятилетке здесь будут организованы и звероводческие хозяйства, и оленеводческие совхозы, и рыболовные промыслы. А главное здесь — руды. Глухой и замкнутый край стал открывать свои неисчислимые богатства. На Яне вырос новый промышленный город Эге-Хая, где полярную звезду надо искать у себя над головой. Город, между домами которого, дразня своим мехом, бегают песцы. Город, где голубой свет электросварки спорит с красотой северного сияния.

* * *

Далеко ушли старые времена. Как несравнимо здесь все изменилось. Даже многие якутские юрты опустели, а их хозяева переехали в новые дома, где топят не камельки, а настоящие русские печи.

Ощущение молодости, нетронутости, девственности — вот что хочется прежде всего отметить, говоря о Яне.

С нашим пароходом приехали строители. Они выгружали свои пожитки, инструменты, строительные материалы. Они будут строить консервный завод, расширять поселок.

Секретарь райкома партии товарищ Филатов увлекательно рассказывал об удивительных богатствах района, вызванного к жизни советской властью.

— Наш район занимает сто шестнадцать тысяч квадратных километров. Некоторые поселки находятся в тундре на расстоянии трехсот-четырехсот километров от районного центра. Но это несколько не мешает нам быть в курсе всех событий. У нас есть радио. К нам прилетают самолеты, приходят пароходы, привозят газеты и книги. У нас много и пернатой дичи и пушного зверя. Главное богатство района — песок, лучший в мире. Про него здесь слагают песни. О нем ведут разговор за чашкой крепкого чая. Песец приносит государству миллионы рублей дохода. Десятки тысяч рублей зарабатывают лучшие охотники за день.

* * *

Выше Казачьего пароход идет впервые. Стоит жаркий июльский день. Осторожно, но твердо и уверенно пароход прокладывает путь по девственным водам Яны.

Мы пристаем к поселку Роман-Ыры. Радуют глаз новые домики. Якуты обрадовались появлению парохода. Они с восторгом показывают нам свой красный уголок, комнату для охотников, склад продовольственных запасов, баню. В Роман-Ыры организуется рыболовно-охотоведческий совхоз.

Якуты пришли к нам на пароход и с глубоким интересом его осматривали. Особенное внимание одного из них, бригадира Сандакова, привлек машинный зал. Сверкающие части машины надолго задержали его внимание. Он с любопытством странствовал по пароходу, расспрашивал механика о мощности машины и сам рассказывал, что скоро они получат моторный бот для рыбной ловли.

Бригадиру рыболовецкой бригады Сандакову уже сорок пять лет. Но у него и молодое рвение, и неутомимость, не знающая отдыха. Вернувшись с рыбной ловли, он переодевается, обедает и идет в красный уголок. Там он беседует с товарищами об общественных делах, играет в шашки. На столах разложены якутские газеты и книги. Молодежь упорно и настойчиво учится. Многие мечтают стать агрономами, зоотехниками, ветеринарами. С восторгом рассказывают об Эге-Хая, его изумительной лаборатории, о быстром росте города, о высоких темпах горных разведок. Молодой индустриальный город влечет их к себе.

В красном уголке много книг. Из них якутские рыболовы знают о социалистическом строительстве, о грандиозном плане сталинской пятилетки. Так сюда врывается сегодняшняя бурная, настоящая советская жизнь.

* * *

За Роман-Ыры пошли холмистые берега. Рядом синели горы. Берега полны грибами и ягодами. В некоторых местах смородины так много, что кусты красны, они горят: будто маляр окрасил их свежей краской.

То и дело попадаются стаи уток и гусей. Все чаще проплывают плоты леса. С интересом наблюдаем причуды вечной мерзлоты: местами с горы сползает в воду почвенный слой вместе с деревьями. В разные стороны торчат кроны деревьев.

Прорезая горные хребты, поросшие лесом, длинной змеей вьется Яна — неширокая река. Ее только начинают осваивать. Глаз путешественника замечает новые стройки и просеки в тайге, расчищенные для телеграфных линий, домики опытных станций, радиомачты, широкие окна больниц и школ. Но поселки отстоят один от другого на восемьдесят-сто километров. Пароходный гудок наполняет своим гулом пустоту лесов, наводя страх на зверей и птиц. Берега покрыты фиолетовой бахромой исполнинского вян чаа. Выше — коричневые стволы хвойных лесов.

Сказочно богата тайга. По глухим речкам залегло золото. В непроходимых дебрях бродят медведи. Стороной пробирается лиса, чтобы разыскать утиное гнездо и втихомолку полакомиться уснувшей кряквой. Выдра из-под обрывов высматривает серебристо-чешуйчатых хариусов. На скалах, на сосняке и кедровнике, белки шумно обдирают маслянистые шишки. Иногда из листьев появляется тяжелая голова лоса: он неторопливо понюхает воздух, напьется воды из реки и важной походкой уйдет в лес.

Каждый километр пути открывает нам все новые и новые богатства Яны. Вот на отвесной серой скале, около трещин, видны светлозеленые пятна и потеки, словно поросли мха. Это выходы меди: где-то внутри горы залегают далеко входящими прослойками в камне медная руда. Вода размыла прослойки и вынесла медь из горы наружу; она в воздухе окислилась и позеленела.

А вот и выходы каменного угля. Черным извилистым слоем прорезают они насквозь отвесный желтый берег.

По берегам Яны можно читать историю Земли. Стремительным течением реки горы разрезаны, как ножом. Разноцветные волнистые слои пород, их изгибы рассказывают о том, как миллионы лет назад расплавленные массы пород волнами набегали одна на другую, перемешивались и застывали, потом снова приходили в движение от потрясавших планету, извергаемых из глубин раскаленных масс.

На одном из уступов скалы застыл, как изваяние, горный козел. Он стоит на огромной высоте, смотрит на пароход и дивится этому невиданному им чуду.

Эти прекрасные картины нашего Севера с каждым днем все больше привлекают сюда молодежь, побуждают ее к научным исканиям. Ее кипучая энергия делает все, чтобы превратить девственные окраины Якутии в район, где будет царить созидательный, все украшающий труд. Яна уже увидела тракторы, грузовые автомобили. Сталинские пятилетки шагнули и сюда — на доселе безвестную реку Яну. Путь сюда указала советская наука, руководимая великим Сталиным.

* * *

Незаметно проходят дни. Давно ли здесь светило полуночное солнце? Теперь ночи уже стали темными, и день ото дня сумерки сгущаются. Лету приходит конец. В последние дни горы закрывает по утрам сероватый налет тонкого инея, словно занавеска из кисеи. Вечерами в высокоме небе рассыпаются звезды. Мертвым блеском мерцают друг странников — Сохатый. Самоцветными огнями вспыхивает Орион.

Вокруг — красивые, живописные места.

На берегу показалась юрта рыболова. Костер распыляет золотые искры. Сизый дым кудрявится над берегом и тает в вышине.

На фоне темнозеленого леса стоит рыбак. В иллатке, закрывающем уши и завязанном узелком под подбородком, он похож на воскресшего героя увлекательных романов Фенимора Купера. Рыбак стоит у крутого берега неподвижно. Ни один мускул не дрогнет на его изрезанном бороздами морщина, коричневым от солнца и ветра лице.

Пароход пристает для выгрузки. Здесь геологи будут рыться в недрах, строители — закладывать поселок, а специалисты лесного дела — выяснять возможности постройки лесного завода.

Мы сошли на берег и подошли к рыболову. Он встретил нас приветливо. Лицо у старика угрюмое, брови нависли над глазами, но глаза искрятся лаской. На бронзовом лице — белый жгут двойного шрама: через лоб от виска до пробора двух скоб смоляных волос. Это след медвежьих когтей.

Дорофеев взял ружье и пошел по берегу. Присев за поворотом на откосе, он приготовился закутить, как вдруг услышал всплески воды у противоположно берега реки.

На том берегу, уже затемненном сумерками, молодой лось погрузился в воду по самую шею: спасался от комаров. Дорофеев осторожно подполз к берегу и начал прицеливаться в голову зверя, но в эту минуту какая-то темная масса скатилась с берега из чащи кустов и упала на спину лося.

Лось жалобно вскрикнул. В воде произошла яростная борьба двух зверей: на лося напал медведь.

Дорофеев молча наблюдал за борьбой. Но она была непродолжительна. Медведь быстро сломал лосю хребет и потащил животное к берегу. И едва только медведь оказался на берегу, как около него сейчас же появились два медвежонка.

Дорофеев был изумлен и испуган, хотя у него и было наготове ружье. К счастью, дул легкий ветерок от медведицы, и увлеченный едой зверь не чуял и не замечал человека.

В Дорофеева заговорило чувство охотника, и он схватил ружье. Когда дым от выстрела рассеялся, Дорофеев увидел, как напуганные его громом медвежата быстро убежали за медведицей. Дорофеев и жалел и радовался, что промахнулся.

* * *

Через несколько дней пароход пошел дальше. Река стала уже. Нас встречала осень. Легким золотом подернулся тальник. В травяной ковер вплелась еле заметная краснота. Пихта оделась в яркий светло-желтый плащ. Покраснели листья боярышника. Шиповник рдел ягодами.

Оперились, окрепли и летали над рекой утиные птенцы. По ночам веяло сыростью, становилось темнее. Белых царственных ночей Севера уже не было.

Река Яна дала все, что могла за короткое лето: серебристых сигов, красных окуней, скользких налимов, остроносых щук. Она сильно мелела, обнажая золото своих песков.

У горы Ют-Тях Яна делает излучину, похожую на дугу.

— Ну, вот мы и приехали,—сказал Дорофеев и показал на берег.

Мы столпились у борта парохода. За поворотом берега открылось неожиданное зрелище. К реке спустилась вырубленная, поредевшая тайга. На просеках видны домики, свежие, как стружки. На берегу груды бочек, ящиков, различные грузы. Город освещен электрическими фонарями. Фонари покачиваются от дуновения ветра, и в свете их Эге-Хая кажется огромной гаванью, забитой сотнями кораблей, стоящих на рейде. Сойдя на берег, Дорофеев взял кусочек руды из лежавшей на пристани кучи и сказал:

— Вот в чем заключается будущее пустынных гор Эге-Хая, будущее Яны.

Его кто-то тихо окликнул. Дорофеев оглянулся. Пожилой якут, радостно улыбаясь, спросил:

— Не узнаешь меня, друг?

Дорофеев крепко пожал протянутую руку.

— Постарел ты сильно, но все такой же молодец, — сказал якут. — Разведку Эге-Хая помнишь?

Дорофеев вспомнил первую поездку в Якутию на поиски руды. Свыше года проработала поисковая партия в таежной глуши. Все подтверждало близость руды. Но дни проходили. Геологи возвращались после многосуточных маршрутов измученные, обессиленные, и тепло лагерного костра не разгоняло горечи неудачи.

Земля не хотела пускать людей к своим сокровищам. Но советские люди знали, что хребты не устоят перед их упорством. Поиски увенчались успехом.

Наступила зима. Началось строительство рудника, поселка. От северной стужи стонали деревья. В пятидесятиградусные морозы лопались стволы сосен и кедров. Земля, спрессованная тысячелетиями и скованная морозами, упорно сопротивлялась. Броня вечной мерзлоты звенела под ударами лома.

Но людям нужно было строить, и они не могли ждать теплых дней. Кайлом, железными клиньями, ломами били они землю, крепкую, как скала, закладывали фугасы; и земля, глухо охая, черными столбами взмывалась ввысь. От людей шел пар, но они, вгрызаясь в недра, упорно рыли котлованы, проходили шахты. Эти люди были так же неподатливы и упорны, как смерзшаяся земля. Люди дробили, ломали землю. И земля была побеждена. Продырявленная котлованами, изрытая ямами, она напоминала фронтную полосу.

Горняки смотрели на взрытую якутскую землю и говорили:

— Мы не отступим, не выполнив сталинского плана!

В этих немногих словах — и несгибаемая воля и героизм нашего народа.

Теперь здесь кипит полнокровная жизнь с ее радостями и невзгодами, напряжением и весельем. В горах шуршат рулетки, звенят топоры, резко стучат отбойные молотки, визжат сверла, слышатся взрывы аммонала, сыплется руда.

С воодушевлением рассказывают строители о новой послевоенной сталинской пятилетке, которая поднимет сказочные богатства из холодных глубин Якутии. Пятилетний план ставит перед строителями задачу широко развернуть геологоразведочные работы. Это вполне отвечает интересам народного хозяйства и культуры Якутской автономной республики.

Пятилетка значительно увеличит добычу руды. Будет заложено несколько новых крупных шахт. Архитекторы составляют проект нового города, в котором будут жить двадцать тысяч человек.

Энтузиаст освоения Яны, начальник проектного бюро товарищ Воронцов, человек исполненного роста, в потропанной кожанке, в болотных сапогах, показывает нам план строительства нового промышленного города.

На плане, в зелени лиственниц и пихт, мы видим ослепительно белые дома. Широкие проспекты-аллеи пересекут город. Эллипс спортивного стадиона примыкает к парку культуры, в котором высятся величественное здание Дома культуры. Это контуры города, который будет строиться, как достойный памятник сталинских пятилеток, как символ все более крепнувшего могущества нашей родины.

Начальная школа, клуб, пекарня, рудоуправление, жилые дома, столовая уже выстроены. Уже пущена первая очередь теплоэлектростанции. Она дает свет и тепло, во много раз увеличивая силу человека.

Завтрашний день Эге-Хая величествен и замечателен. Поэтому так сильно жители любят свой город.

Жизнь Эге-Хая наполнена новым и радостным содержанием. Город просыпается шумно. Радио разносит новости из Москвы. Слышится звонкий перестук тспоров строителей. Улицы оглашаются весельем детских голосов. Гудит сигнал почтовой автомашины. Она привезла письма из всех городов страны. До революции якуты не имели понятия о письмах. Грузовики-вездеходы и легковые автомобили вытесняют из городских улиц олени упряжки. В городе обильнее дичи и свежих овощей, выращенных за короткое полярное лето.

Вечером народ идет в театр. Демонстрируется новая картина. В клубе выступает ансамбль художественной самодеятельности. Дети читают стихи Некрасова и басни Крылова. Собравшись в кружок, якуты слушают народного сказителя олонго. Он говорит:

— Когда якут идет в тайгу, он по всему пути высекает на деревьях знаки, чтобы не сбиться с дороги. Два великих знака — Ленин—Сталин — высечены в каждом нашем сердце. По этим знакам мы выбрались из тайги рабства, голода, нищеты на светлую дорогу счастливой, свободной, зажиточной жизни.

ЛЮБИМЫЙ ОТДЫХ

Б. ЕВГЕНЬЕВ

Рис. И. Брюлина

Очерк

Нередко бывает в жизни человека, что привязанности и увлечения детских и юношеских лет не затухают в нем на протяжении всего жизненного пути. И в этом всегда есть что-то очень хорошее, теплое, привлекательное, как бы свидетельство неувядаемой свежести души человека, его чудесной способности молодо радоваться и всегда смотреть на мир молодыми глазами.

Михаил Васильевич Фрунзе с детства любил природу, увлекался охотой, — именно потому, что охота способствует тесному и близкому общению с природой.

* * *

В те годы окрестности Пишпека¹, сонного, захолустного городка, кишели дичью. Неудивительно, что маленький мальчик, как и большинство его сверстников, увлекался охотой. Зимой отец стрелял фазанов в своем саду, под старыми яблонями, протягивавшими голые красные ветки к бирюзовому холодному небу. Горящими глазами охотника мальчик смотрел на убитых фазанов, когда они лежали в кухне на столе. На их пестрых атласных грудках застыли капли крови, похожие на рубиновые бусинки.

Отец мальчика был фельдшером.

Киргизы-охотники, издавек приезжавшие в амбулаторию, на прием к отцу, рассказывали мальчику о горных козлах, быстрых, как молния. Мальчик слушал рассказы о том, как охотники бьют их камнями, подстерегая за скалой, когда козлы пробираются в горы по излюбленной тропе или спускаются на водопад к ледяному прозрачному ручью. Зайцев, по словам охотников, в предгорьях было столько, что на них и охотиться не стоило: прыгают повсюду, как кузнечики, — хватай за уши и тащи домой.

— Горный медведь — свирепый зверь, живодер! — говорит киргиз-

охотник, поспавывая трубкой. — Встретишься с ним — одно спасение: уекай под гору. У медведя передние лапы короткие, не годятся,

чтобы книзу шибко бежать, — куврыкнуться через голову может медведь. Только так и спасешься!..

Мальчик слушал рассказ о старинной охоте с беркутом. Его воображению рисовалась могучая птица, парящая, распластав огромные крылья, в сверкающей синеве неба. Вот она камнем падает вниз, на добычу...

Осенью и весной, перед каждым праздничным днем, дома начиналась волнующая суэта: приготовления к охоте. Мать пекла лепешки, жарила мясо. Отец с веселым блеском в добрых глазах садился за стол. Он набивал патроны, любовно осматривал и чистил ружья. Мальчики, старший Костя и младший Миша, помогали отцу.

День выезда на охоту был для младшего днем величайшей тревоги. Отец не хотел, боялся брать его на охоту. Приходилось тайком забираться в кузов отцовского тарантаса и, сжавшись в комочек, прятаться под передок, прикрывшись какой-нибудь ветошкой. Извлечь мальчика из

тарантаса без отчаянного сопротивления было невозможно. Когда он чуточку подрос, то стал принимать другую тактику. Выведав у старшего брата о месте охоты, он чуть свет исчезал из дому. Велико бывало удивление отца, когда, отъехав версты две, а то и три от города, он вдруг замечал среди неоглядных степных просторов знакомую маленькую фигурку, торопливо шагавшую в облачке дорожной пыли. Да, это был он, младший сын, босиком, в беленькой рубашке, с подтяжкой через плечо, с длинной удочкой в одной руке и с ломтем хлеба в другой. Тут уж ничего нельзя было поделывать — отцу приходилось брать и младшего сына с собой.

Сколько радости дарили мальчику эти счастливые дни, когда удавалось выбраться на простор, в поля или предгорья, из пыльного, опаленного тяжелым зноем городка! С чем могло сравниться удовольствие сидеть в тарантасе, прижавшись к отцу, держать в руке одну вожжу и сердито покрикивать на смирную старую лошадь? А потом безустали бродить за отцом, смотреть с заморающим от восторга сердцем, как он метко стреляет фазанов на темнозеленых клеверных лугах или уток в светлых невысоких камышах на затопленных рисовых полях, как белые облачка порохового дыма медленно тают над болотцем.

Отдыхая, можно было долго сидеть с удочкой на берегу быстрой реки или прилечь у маленького веселого костра из сухого камыша и травы, спасавшего своим густым, низкостлавшимся дымом от тучи комаров, звевших в неподвижном вечернем воздухе...

* * *

Эти охотничьи вылазки научили мальчика любить природу, научили прислушиваться к голосам природы, стремиться к разгадке ее тайн.

Его влекло в горы, высившиеся над городом и казавшиеся близкими, а на самом деле далекие-далекими. Дыхание их ледяных вершин осве-

¹ Пишпек — родина М. В. Фрунзе, ныне город Фрунзе, столица Киргизской республики. Речь идет о 90-х годах прошлого столетия.

жало горячий, пыльный воздух. Сверкающей громадой повисали они вдаль, звали, манили к себе. По вечерам горы опоясывались мерцающим огненным поясом костров: это киргизы выжигали прошлогодний сухой курай¹.

Когда мальчику было семь лет, он мечтал взобраться по горам на небо. Десяти лет поднялся на Алмадинский перевал, который высится над Пишпеком. Он стоял на крутом скалистом выступе и из-под ладони следил за величаво-медленным полетом белоголового грифа. Сердце мальчика учащенно билось. Громадность мира, величие гор потрясли его.

Может быть, горы и научили его смотреть на жизнь широко и смело...

Много лет спустя Михаилу Васильевичу Фрунзе довелось побывать в родных местах. Он был прославленным полководцем, большевиком, закаленным в революционных боях. И когда он снова увидел ослепительные вершины гор, то задумчиво сказал старшему брату:

— Я часто вспоминал наши горы. В трудные минуты жизни они словно подымали меня.

* * *

Позднее, когда мальчик жил в зеленом, утопающем в садах городе Верном², где он учился в гимназии, он любил в свободные от занятий часы бродить со своими сестрами по окрестностям города. У него не было ружья, но в нем жила душа охотника, страстного любителя природы. Он радовался общению с ней на берегах шумной Алмаатинки, где среди камней стоят березы, склонившие свои ветки к быстрой, холодной воде. Он взбирался на отроги ближних гор, где растут темные тяншанские ели, где воздух пропитан запахом смолы и меда, а в густой, высокой траве пестреют розовые и белые цветы душистого горошка.

В первых классах гимназии он с увлечением прочитал многотомный труд Элизе Реклю «Земля и люди». Величественная картина мира впервые раскрылась перед ним. Его вылазки за город приобретают новый смысл: он увлекается естествознанием, собирает растения, составляет гербарии. Один из них, составленный им в старших классах, был признан настолько ценным, что этот первый юношеский труд послали в Петербург, в какое-то научное учреждение.

Он читал Дарвина. В своих мечтах он плывал вместе с ним по южным морям на корабле «Бигль»...

На летние каникулы братья уезжали в Пишпек, к матери. Это были увлекательные поездки, настоящие маленькие путешествия. Ехать нужно было дней пять по почтовой тракту на скрипучей, медлительной

¹ Курай — растение, «верблюжье сено».

² Верный — ныне Алма-Ата, столица Казахской республики.

дунганской арбе. В одно из таких путешествий, добравшись под конец длинного знойного дня до почтовой станции, братья решили переночевать не в душных комнатах, а в «муллушке», — так называют намогильные киргизские памятники: четырехугольные глинобитные строения с куполообразной крышей, которые часто встречаются в туркестанских степях. При ярком свете луны мальчики забрались в «муллушку», постелили на земляном полу кошму, улеглись и сейчас же заснули, утомленные дорогой. Первым проснулся на заре Константин. Он посмотрел на спящего брата и замер от ужаса. По обнаженной руке Михаила бежала фаланга — большой, очень ядовитый паук. Константин увидел, что брат не спит. Лежа неподвижно на спине, Михаил следил из-под полуприкрытых век за пауком. Константин не мог не подивиться выдержке младшего брата. Как только фаланга сбежала с руки на землю, Михаил ловко накрыл ее фуражкой.

— Сами виноваты, — сказал он. — Прежде чем устраиваться на ночлег, нужно было подумать, что в «муллушках» всегда водится всякая нечисть!..

* * *

Мальчик превратился в юношу. В старших классах гимназии у него появились новые интересы, перед ним встали новые вопросы.

Во время своих странствований по окрестностям города он сталкивался с нищетой и бесправием казахского народа. Он видел произвол ханов, баев и царских чиновников. Он хотел найти ответ на мучивший его вопрос: почему так жестоко и несправедливо устроена жизнь?.. Ответ на этот вопрос он нашел в новых, прочитанных им книгах.

Один из приехавших в Верный студентов познакомил Михаила Фрунзе с нелегальными брошюрами. Юноша с волнением и страстью прочитал некоторые произведения Маркса, Плеханова, Ленина. Сколько новых мыслей, новых чувств пробудили в нем эти книги!

В последние свои гимназические годы он жил деятельной, богатой содержанием жизнью. Он отлично учился, сам давал уроки ради заработка, являвшегося, наряду со стипендией старшего брата, единственным средством существования семьи после смерти отца.

Он занимался в кружках самообразования, увлекался шахматами, географией, астрономией. Он вступил в нелегальный марксистский кружок.

И ко всему он был молод, здоров, полон жизни. Товарищи любили его за открытый и веселый нрав. Ни одна вечеринка не обходилась без него.

И он попрежнему любил чудесную природу, окружающую его, зеленые леса на склонах гор, стремительную речку, привольные степи и снеговые вершины Алатау.

* * *

Прошло много лет. В 1914 году Фрунзе был сослан царским правительством в Сибирь, в Верхотенский уезд Иркутской губернии. За его плечами — огромный опыт самоотверженной революционной борьбы, семь с половиной лет каторжной тюрьмы.

Фрунзе поселился в селении Манзурка, в ста восьмидесяти верстах от Иркутска. Он устроился с несколькими товарищами в чалдонском¹ зимовье и стал знакомиться с новыми местами.

Манзурка была небольшим селом, дворов на двести пятьдесят, разбавленным по тракту. Жители его занимались главным образом «бичом», то есть извозом. Немного сеяли ржи, сажали картофель. Жили чалдоны бедно и скудно. Невесело смотрели на мир своими подслеповатыми окошками покосившиеся, крытые лиственничной корой избы.

Кормились манзурцы одной вареной картошкой да крепким плиточным чаем с «забелкой» — ложка молока на горшок. Даже квашеная капуста считалась у них роскошью. Кругом стояли густые, темные леса, а хороших охотников среди манзурцев не было.

Здесь Фрунзе вспомнил свои охотничьи таланты. Он одаживал у кого-нибудь из чалдонов ружье и ходил в тайгу на охоту и никогда не возвращался домой без дичи.

Он был прекрасным стрелком. В бытность свою на подпольной работе в Шуе он организовал боевую рабочую дружину, которая в 1905 году участвовала в декабрьском вооруженном восстании в Москве. В овраге, за городом, он обучал дружинников умению обращаться с оружием, меткой стрельбе. Согнув левую руку в локте, он клал на нее тяжелый маузер, тщательно прицеливался и на расстоянии ста шагов вгонял пулю в пулю.

В январе 1915 года он писал из Манзурки знакомой девушке:

«Иногда бываю на охоте, недавно ездил на облаву на коз. Но был такой ужасный мороз, что мы только пообморозились и вернулись с пустыми руками...»

¹ Чалдон — сибиряк.

Фрунзе шел тридцатый год. Его молодость прошла в лишениях, в борьбе, в скитаниях по тюрмам. Но он попрежнему был силен и бодр, попрежнему верил в великую правду своего дела и заражал этой верой других. Под его руководством манзурская колония работала по организации разбросанных по глухим углам Иркутки политических ссыльных. Центром этой работы был маленький домик Агриппины Рогалевой, где жил Фрунзе.

Вскоре пошли слухи, что ссыльные спланируют и будто готовят вооруженное восстание. Власти встревожились. В Манзурку нагрянули жандармы, произвели повальный обыск. Они арестовали несколько человек, в том числе и Фрунзе.

Его отправили в иркутскую тюрьму, но по дороге он бежал.

Конвой хватился Фрунзе, поднялся переполох. Сейчас же были посланы телеграммы по всей линии железной дороги по пути в Европейскую Россию. Фрунзе предвидел это и направился не на запад, а на восток. С одним своим товарищем он около месяца шел дикой тайгой. Питались ягодами, отошали, оборвались, но все же вышли к Чите. Кто знает, может быть, если бы Фрунзе не любил и не знал природу, как охотник и естествоиспытатель, ему и не удалось бы пробраться через тайгу.

* * *

Дело, которому Фрунзе отдал свою жизнь, победило. Рабочие и крестьяне взяли в России власть в свои руки и построили могучее советское государство. Геронческие войска молодой Красной Армии разгромили злейших врагов Советской республики — адмирала Колчака, «черного барона» Врангеля, утвердили советскую власть в Бухаре. Главным делом, которому Фрунзе отдавал последние годы жизни, была постоянная и неустанная забота об укреплении мощи Красной Армии. Это дело он выполнял по указаниям и под руководством товарища Сталина. Занятый дни и ночи всепоглощающей государственной работой, он не мог уделять много времени личной жизни.

Единственный отдых, который Фрунзе изредка позволял себе, была его любимая охота. Впрочем, он смотрел теперь на охоту не только как на отдых и развлечение. Учитывая ее большое народнохозяйственное значение, он не раз указывал на необходимость точного соблюдения сроков и правил охоты, на привлечение армейских охотников к истреблению волков.

Осенью 1924 года Фрунзе целый месяц своего отпуска охотился с К. Е. Ворошиловым в горах Азербайджана. Он был неутомим, вставал на рассвете, целый день бродил по окрестным горам и оврагам и только с наступлением сумерек возвращался в аул.

А на следующий день он чуть свет снова был на ногах, снова был готов к скитаниям, с любимой бескурковкой за плечами. Для него это был лучший отдых. Ему нравилась охотничья, скитальческая жизнь, нравилась простая крестьянская пища, которой он и К. Е. Ворошилов довольствовались, живя в ауле.

* * *

Сохранился записанный В. Матовым рассказ егеря Ивана Николаевича Кузовкина, охотившегося с Фрунзе осенью 1925 года.

В деревню, в которой жил Кузовкин, Фрунзе приехал под вечер, в забрызганной грязью машине, усталый, но веселый и оживленный. Войдя в избу и скинув бурку, поздоровался с хозяевами, приласкал своего Чонгара, охотничью собаку. Как только поспел самовар, сел за стол, чтобы поужинать пораньше и успеть выспаться.

«В августе, известное дело, в три часа заботливые охотники выходят», говорит Кузовкин.

Но отдыхать Фрунзе не пришлось. Крестьяне сейчас же узнали, что он остановился у Кузовкиных, и несколько человек пришло просить его притти в чайную, где собрался народ.

«Одни только сутки выкроил для своей улады, — рассказывает Кузовкин, — и день-то работал, а словечка не сказал, напротив, — бурку накинул и пошел. И весело так, охотно, с улыбкой, от полного сердца...»

В чайной собралась вся деревня, от мала до велика. Фрунзе внимательно слушал говоривших, подробно отвечал на задаваемые вопросы. С собрания ушел только в третьем часу утра. Ложиться спать уже не стоило, — и на столе появился утренний самовар. Фрунзе напил крепкого чаю, взял ружье, позвал собаку и пошел.

Егерь волновался: «Мокреть, тетерева из крепей, думаю, не вылезут, не найти собаке наброда...»

Долго ходили по лесу. Тетерева не попадались, хотя Кузовкин отлично знал места, где водились выводки. Моросил дождь. Фрунзе, казалось, не замечал его и не высказывал неудовольствия на отсутствие дичи. Чонгар искал старательно, далеко не уходил, на свисток являлся тотчас. Вышли на моховое болото, поросшее березняком. Чонгар с ходу привстал и потянул.

«Подводил он аккуратно, — рассказывает Кузовкин, — вежливо, ноги, как на пружинах: не оступится, ни что... Вел долго, шагов не менее сотни, — значит, был набродишко, бежали тетерева. Вел верхним чутьем. Поведет, привстанет, назад глаз скосит — и опять вперед. Михаил Васильевич не горячил собаку, шел за ней не торопясь, любовался. Впереди — куст. У него Чонгар стал крепко. Михаил Васильевич приготовил ружье, подошел к собаке, сказал: «Вперед!»

Чонгар, отвыкший от голоса хозяина, стоял, как вкопанный. Опасаясь, что тетерева уйдут низом, егерь повторил приказание. Из кустов веером вырвался выводок.

«Михаил Васильевич, не горячася, выбрал крайнего петуха. Из правого ствола — хлоп! Падает... Второго — из левого, и тот кувырком... Важно стрелял Михаил Васильевич. И ружье надежное, бескурковка. Оно теперь в музее под стеклом лежит».

Из лесу вернулись после полудня. Гимнастерка Фрунзе промокла насквозь. Прежде чем сесть за стол, он попросил у Кузовкина рубашку.

«Надел мою, а она ему узка. Плотный был, плечистый...» Позавтракав, Фрунзе лег спать. Под вечер он уехал.

В начале сентября 1925 года Фрунзе проводил отпуск в Крыму, в Мухалатке, где отдыхали товарищи Сталин, Ворошилов и другие. Они узнали от сопровождавшего Фрунзе военного врача, что у Михаила Васильевича, страдавшего застарелой болезнью желудка, в течение восьми суток продолжалось внутреннее кровоизлияние.

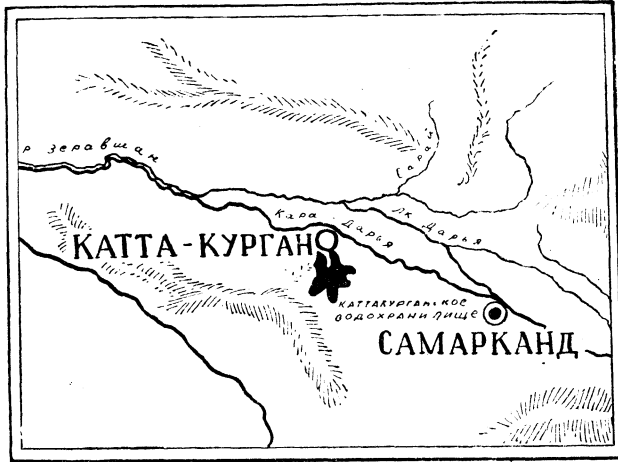
«Сам Михаил Васильевич, — пишет в своих воспоминаниях К. Е. Ворошилов, — не придавая этому большого значения, уже на второй или третий день собрался на охоту в район горы Ай-Петри. Мы его отговаривали, так как вид у него был не совсем здоровый, предлагали сначала окрепнуть, а затем уже охотиться. Но уговоры не помогли, и мы несколько часов бродили по каменным спускам Ай-Петри... Невзирая на неудачную охоту, Михаил Васильевич буквально переродился, стал опять тем же жизнерадостным, ласковым, веселым...»

Врач, зная физическое состояние Фрунзе, всеми силами протвнился его чрезмерному увлечению охотой. Но удержать Михаила Васильевича дома было трудно. Так соблазнительно выглядели горные леса, солнечные полянки, заросшие травой!.. Клименту Ефремовичу Ворошилову пришлось применить самые «крутые» меры: он наотрез отказался ездить с Фрунзе на охоту, чем немало огорчил своего друга. Но Михаил Васильевич не унимался, — продолжал охотиться на зайцев, был весел, доволен и строил планы большой, «настоящей» охоты...

Охота в Мухалатке была его последней охотой, последним его общением с природой...

Михаил Васильевич Фрунзе прошел трудный и славный жизненный путь. Его недолгая жизнь целиком была отдана служению родине и народу. Он был подлинным народным героем, одним из железной ленинской когорты, сплотившейся после смерти Ленина вокруг Сталина. И трогательно видеть, что до конца своего прекрасного и величественного пути он сохранил склонность к тому, чем увлекался, что любил на заре жизни.

Конечно это всего лишь одна из многочисленных граней разносторонней личности Фрунзе, но и через нее, эту грань, нам открывается свежесть и богатство души замечательного человека.

Далеко от центральной части Союза, в глубине Средней Азии, среди высоких горных хребтов начинается плодородная Зеравшанская долина.

Река Зеравшан берет свое начало из ледника. Громадная ледяная глыба с почти отвесной, сверкающей стеной обрывает ледник и образует над нижней частью ущелья причудливую арку, изпод которой вырывается бурный поток. Еще в давние времена этот поток называли Матча. Множество ледников, расположенных в расщелинах на склонах гор, образуют ручьи, впадающие в Матчу. В нее впадают и горные реки, в том числе бурливая Фан-Дарья.

В древние времена Зеравшан впадал в Аму-Дарью. Но постепенно человек ставил реку отдавать все больше и больше воды для орошения полей. И теперь Зеравшан, пробежав между гор и долин пространством длиной в 750 километров, теряется в песках у самой границы Туркменистана. Имя «Зеравшан» в переводе на русский язык означает «Рассыпающий золото». Щедро рассыпала река золото своих брызг на сожженные солнцем земли Узбекистана. И вод Зеравшана не стало хватать для возраставших потребностей сельского хозяйства.

В верховьях Зеравшан страшен не только своими большими наводками, но и способностью сильно размывать берега. Вследствие этого у него образовалась пойма шириной до 2 километров, по которой река блуждает, бросаясь из одного края в другой. Часто в течение месяца русло этой капризной реки перемещается в стороны на 100 и более метров.

Тяжело было унятьсь за таким изменчивым руслом в старину, когда люди не умели еще строить мощные плотины и шлюзы. Усилия тысяч дехкан укротить реку не приводили к успеху: полям грозил засуха, народу — голод. И, обреченные на гибель, суеверные бедняки не останавливались ни перед чем, чтобы умиротворить реку. Существовал жестокий обычай: в воду, к подножию водоразборных дамб, бросали живого человека и над телом жертвы воздвигали каменную кладку. Но вновь отступал в сторону Зеравшан, и груды камней оставались на белом песке, подобно молчаливым гробницам. Только с установлением советской власти проблема укрощения Зеравшана была решена.

Творческая мысль советских инженеров беспрепятственно работает над созданием мощных ирригационных сооружений. В месте выхода Зеравшана из горной части долины построена бетонная плотина — Первомайская. Эта плотина распределяет воду по двум крупным магистральным каналам, которые, в свою очередь, подают влагу в десять районов Самаркандской области, на недавно построенную гидроэлектростанцию и в город Самарканд. Главные каналы Узбекистана оборудованы новейшими

инженерными сооружениями — водовыпусками. В четыре раза расширен канал Испы-Тюя-Таргар, прорытый еще народами древности.

В Катта-Курганской степи, неподалеку от Самарканда, узбекский народ создает мощное водохранилище емкостью в 670 миллионов кубометров воды. На карте Узбекистана появилось новое пятно, получившее название — Узбекское море. Огромное водохранилище наполняется через подводящий канал, берущий начало в Зеравшане. Множество людей приезжает взглянуть на невиданное доселе в Узбекистане чудо — в желтых песчаных берегах естественной Катта-Курганской котловины покоится искусственное море, и вода в нем нежно-голубая и прозрачная, как стекло. Назначение его — накапливать воду виной, когда она не нужна, выпускать ее обратно в реку в дни сева.

В ближайшие годы сталинской пятилетки будет закончено возведение плотины высотой около 20 метров и длиной до 2 километров. Когда плотина будет возведена, окончательно наполнится Узбекское море. Хотя строительство еще далеко не закончено, однако уже в 1946 году поля Зеравшанской долины получили дополнительные миллионы кубометров воды, береженной водохранилищем. Чтобы представить себе опутительно емкость Катта-Курганского водохранилища, достаточно сказать, что накопленной в нем водой можно будет оросить 60 тысяч гектаров бесплодных до сих пор земель.

Весь узбекский народ объявил поход на борьбу за воду. Методом народной стройки был сооружен большой Зеравшанский канал, 37 тысяч колхозников Самаркандской области в течение 11 дней вынули 900 тысяч кубометров земли. Длина этого канала — 28 километров, пропускная способность — 103 кубических метров воды в секунду. Так было начато и продолжается строительство Катта-Курганского водохранилища. Сейчас здесь заняты работой более 5 тысяч колхозников.

В ближайшие годы сталинской пятилетки намечено построить Аму-Дарьинский канал, который будет подавать воду из полноводной Аму-Дарьи в низовья Зеравшана. Этот грандиозный канал длиной свыше 500 километров, будет каждую секунду брать из Аму-Дарьи и направлять в Зеравшан 500 кубометров воды. Полноводным станет Зеравшан. Ведь полторы тысячи кубических метров воды в секунду — это почти вдвое больше, чем дает река в самое полноводное время.

В нужном направлении потекет воды укрошенной реки, и в Зеравшанской долине вырастут новые чудесные оазисы, созданные великой сталинской пятилеткой.

Инженер Е. Озерский

В центре азиатского материка

Ю. ПРОМПТОВ

Весной 1946 года в Туву выехала из Москвы группа туристов-альпинистов, имевшая своей задачей восхождение на самую высокую в Туве вершину — Мунку-Хайрхан-Ула (по-местному — Монгун Тайга).

Это задание было успешно выполнено 17 августа 1946 года. Считавшаяся ранее недоступной вершина была преодолена.

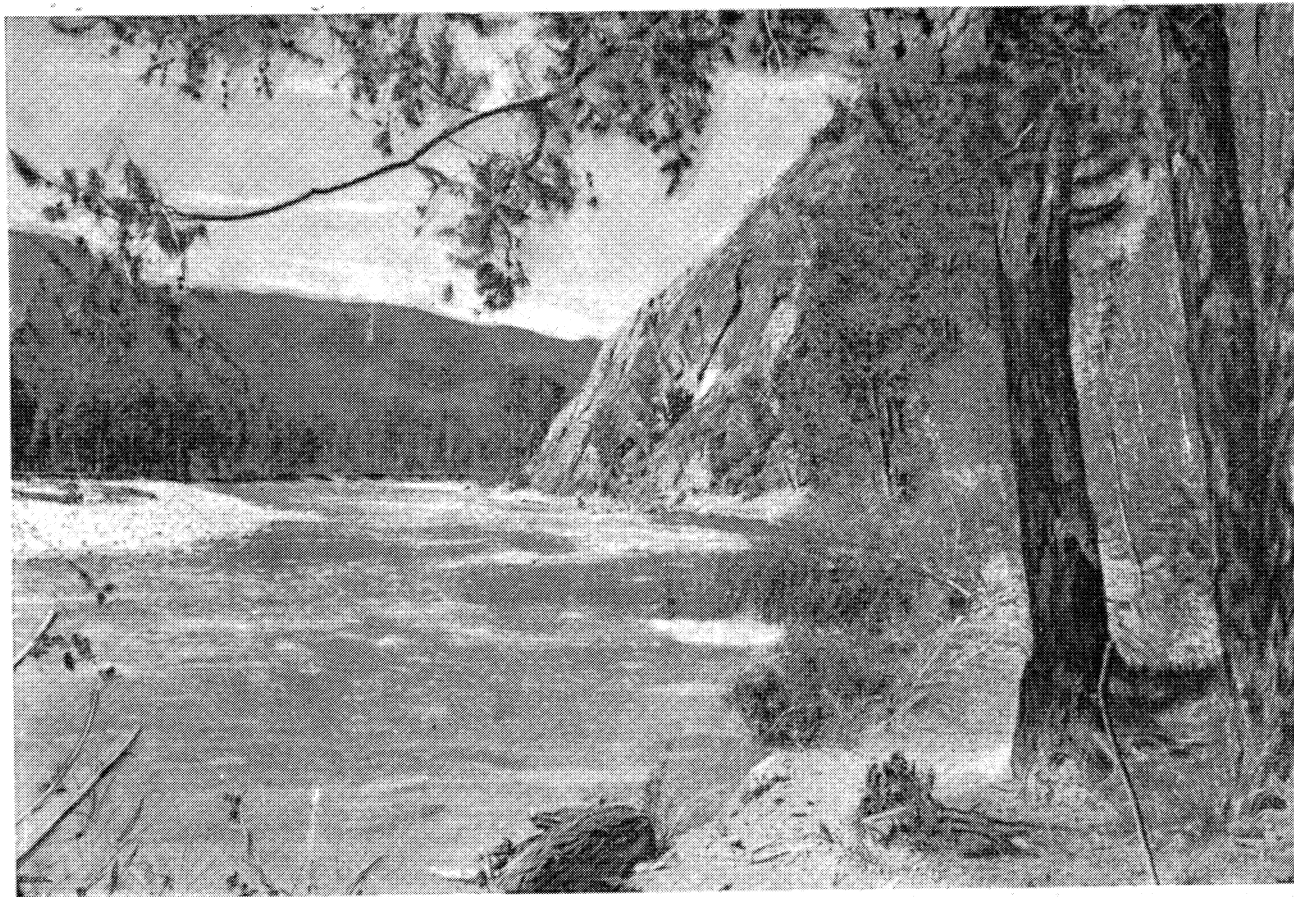
Об этой поездке московских туристов в Туву и восхождении на Мунку-Хайрхан-Ула, участником которого мне довелось быть, я хочу рассказать читателям «Вокруг света».

МЫ ЕДЕМ В ТУВУ

Маленькая горная страна Тува лежит в верховьях могучей сибирской реки Енисея. Страна эта расположена в самом центре азиатского материка и одинаково удалена от ледяных просторов Арктики и от теп-

лых вод Индийского океана, от древних гор Урала и от синей безбрежности Тихого океана.

Еще в прошлом веке Туву, бывшую тогда китайской колонией и называвшуюся Урянхаем, посетил один путешественник из Западной Европы. До этого ему удалось побывать в центрах двух материков — Европы и Африки. Путешественнику захотелось побывать и в центре Азии. Ценой больших лишений и трудностей он пробрался через сибирскую тайгу, перевалил через Саянские горы и, наконец, достиг верховьев Енисея. Путем сложных вычислений он точно определил на карте точку, к которой стремился, и на степной террасе над голубым Енисеем водрузил деревянный столбик с надписью: «Центр Азии». Добившись своей цели и установив этот своеобразный географический «рекорд», путешественник отправился в обратный путь, так и не попытавшись поближе озна-

Река Барлык, впадающая в многоводный Хемчик. Стремительные струи реки доходили нашим лошадям до седел.

Фото В. Соболева

СТОЛИЦА ТУВЫ — КЫЗЫЛ

Но тоджинская тайга осталась в стороне от Усинского тракта, и дорога, спустившись к берегу многоводного Енисея, привела нас в город Кызыл.

Только по немногочисленным деревянным избушкам окраин можно теперь представить себе, каким был Кызыл в прежние времена. Сейчас столица Тувы выросла в настоящий город. По плану проведенные улицы его центра и каменные многоэтажные дома не уступят многим областным городам Союза. Многие жилые дома представляют собой двух- и трехэтажные коттеджи с большими окнами и балконами. В Кызыле есть хороший парк культуры и отдыха, театры, кино и магазины. Столица Тувы расположена на том месте, где сливаются два главных истока Енисея — Бий-Хем и Ха-Хем. На крутых холмах, возвышающихся над городом, жители Кызыла выложили из громадных плит слово «Ленин» и герб

Союза ССР. Кызыл — центр экономической жизни и культуры области. На улицах города много автомобилей, а у коновязей на площадях и в скверах привязаны оседланные кони, на которых в столицу приехали по делам жители районов. Впрочем, издавала в Кызыл верхом уже не приезжают — столица соединена с отдаленными районами новыми, недавно построенными автомобильными дорогами. С двух аэродромов Кызыла пассажирские самолеты поддерживают связь между столицей Тувы, ее окраинами и другими городами Советского Союза.

Радушно встретили нас в Кызыле работники местных физкультурных организаций — русские и тувинцы. Мы разместились в большом деревянном доме Физкультурного комбината на самом берегу Енисея. На другой же день после приезда мы познакомились с товарищами, которых Тувинский областной комитет физкультуры и спорта включил в состав нашей экспедиции. Их было трое. Четвертый тувинец, участник экспедиции, — Шамбул Кыргыз, старший зоотехник Монгун-Тайгинского района, должен был к нам присоединиться в пути.

Восхождение на Мунку-Хайрхан-Ула решено было сделать в честь наступающего 17 августа праздника 25-летия национального освобождения Тувы, а дней до него оставалось мало. Поэтому местные организации предоставили нам самолет, на котором экспедиция должна была лететь к далекому хребту Танну-Ола.

До прибытия на Кызыльский аэродром выделенного нам самолета оставалось несколько дней. Мы посвятили эти дни обучению наших тувинских товарищей технике горвосхождения, а они познакомили нас с историей Тувы.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ТУВЫ

С 1757 года тувинский народ подпал под иго маньчжурской Дайцинской династии, правившей в те времена Китае.

Основным занятием маньчжурских властителей, действовавших через местных князьков — ноиснов, было: выколачивать из аратов—трудящихся тувинцев—бесконечные подати и налоги.

Немало горя терпели тувинцы и от купцов — китайских и русских, которыми была наводнена страна. Побои феодалов, взятки иноземных чиновников и неприкрытый грабег купцов вели к упадку хозяй-

комиться со страной, в которую с таким большим трудом попал... С тех пор прошло много лет. Заброшенная и труднодоступная китайская колония Урянхай прошла большой путь исторического развития и в наши дни стала автономной областью Союза ССР— Советской Тувы. Мы были первой группой советских туристов, отправившихся в новую далекую область.

Быстро промелькнули пять дней пути по железной дороге. Мы вышли из вагона на маленьком вокзале Абакана—столицы Хакасской автономной области. Дальше железнодорожного пути не было, нам предстоял переезд на автобусе до столицы Тувы—города Кызыл — по Усинскому тракту. Кызыл лежал за Саянским хребтом, в 465 километрах от Абакана.

* * *

Тихим солнечным утром мы выехали из Абакана на юг. Прекрасное автомобильное шоссе шло сначала по широкой степи, выжженной летним солнцем, потом спустилось в просторную лесистую долину реки Ои, за которой открывался вид на стену Саянских гор, поросшую густым лесом. Проехали ответвление дороги на село Шушенское, место ссылки В. И. Ленина. За ним начались предгорья, слева и справа поднялись сплошные зеленые склоны. Наконец среди саянской тайги дорога пошла на подъем— к Буйинскому перевалу. Среди могучих елей и пихтных тут и там начали попадаться кедр: их орешки — любимое лакомство сибирских белок. В лесу, под деревьями, раскинулись заросли голубики, лесной смородины.

На перевале лес расступился, и шоссе стало пересекать горные луга, покрытые яркими цветами и широкими листьями кукольника.

За перевалом мы начали спуск в дикое скалистое ущелье реки Ус. По краям дороги, как ярко-розовый бордюр, протянулись заросли молочая. Запахи вечнозеленого леса и ароматы нагретых солнцем смол наполнили неподвижный воздух лесных ущелий.

Вот и станция Пограничная — здесь раньше пролегла граница между СССР и Тувинской народной республикой. Мы проехали под деревянной аркой. Дальше лежали тувинские земли. Все ниже и ниже становились склоны Саянских отрогов, дали ширились, открывая вид на долины и хребты Тувы, на всю просторную котловину Верхнего Енисея.

Верхняя часть бассейна реки Енисей, занятая Тувой, представляет собой горную страну, с севера замкнутую Саянским хребтом, с юга — хребтом Танну-Ола, пограничным с дружеской Монгольской народной республикой. Влажные лесные пространства сибирской тайги постепенно переходят здесь в сухие центрально-азиатские степи.

Этот переход от северной к южной растительности происходит не сразу, и Тоджа, обширный северо-восточный район Тувы, прилегающий к Саянам, еще носит сибирский, таежный характер. Это страна озер и болотистых, часто непроходимой тайги. В лесах здесь водится много ценного зверя — соболей, рысей, росомак, белок; и тоджинцы постоянно занимаются охотой. Летом они кочуют по лесам и живут в берестяных чумах. Вместе с ними кочуют и стада прирученных саянских оленей, которые кормят своих хозяев прекрасным молоком и возят их на себе. Только верхом на олене и может пробраться охотник-тоджинец в глухие уголки своих первобытных лесов.

Сейчас столица Тувы — Кызыл — выросла в настоящий город. Здесь каменные многоэтажные дома, такие же, как и в других областных городах СССР. На снимке — здание облисполкома.

Фото Ю. Протимова

ства тувинцев-скотоводов и к полному обнищанию страны. Но маньчжурским властям это было безразлично. Тува интересовала их только как источник собственного обогащения. В Туве свирепствовали всевозможные эпидемические болезни. Население страны массами вымирало. Тува тех дней не имела ни родной письменности, ни литературы, ни сколько-нибудь развитого искусства.

В течение многих веков, борясь с иноземными завоевателями и страдая от их притеснений, тувинцы всегда обращали свои взоры за Саянский хребет — на великий русский народ. Оттуда, из Сибири, в Туву приходили не только корыстные русские купцы, но и русские крестьяне, искавшие убежища от произвола царских чиновников. Русские люди строили свои поселки среди тувинских кочевий; и, общаясь в русские, тувинцы перенимали от них навыки сельского хозяйства и культурного обихода. Недаром среди тувинцев издавна сложились поговорки, полные признательности к своему великому брату — русскому народу. Одна из таких поговорок говорила: «Где прошел маньчжурский завоеватель, там горе и слезы; где прошел наш друг русский, там устлана земля хлебом и солью».

Только в 1912 году пала Дайцинская империя, и Тува освободилась от маньчжурского ига. Это было большим и радостным событием для трудящихся Тувы, хотя оно и не освобождало их еще от власти своих феодальных князей.

В 1914 году многие передовые люди края, выражая волю и чаяния тувинцев и понимая, что слабому и немногочисленному народу трудно строить свою жизнь без помощи извне, обратились к правительству России с просьбой взять под свое покровительство Урянхайский край. Так Тува была присоединена к царской России и вошла в состав Енисейской губернии.

Наступил исторический 1917 год. Тувинский народ поднялся на священную борьбу против внешних и внутренних поработителей, пытавшихся восстановить свою власть. С первых дней Октябрьской социалистической революции русский народ протянул руку братской помощи тувинскому народу.

К середине 1921 года иноземные завоеватели и местные феодалы были изгнаны из Тувы — в стране одержала победу национально-освободительная революция. Собравшийся в августе первый Всетувинский народный хурал (съезд) объявил Туву самостоятельной народной республикой. Хурал обратился к правительству Советской России с просьбой о поддержке; и советское правительство, последовательно проводя ленинско-сталинскую национальную политику, горячо приветствовало образование Тувинской народной республики и гарантировало всестороннюю помощь свободному тувинскому народу.

НА ПУТЯХ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Советское правительство сдержало свое обещание. За двадцать лет, прошедших со времени образования Тувинской народной республики до начала Великой отечественной войны, Тува преобразилась. С помощью Советского Союза Тува достигла небывалого в своей истории развития. В стране появились электростанции, радио, театры и кино, школы и библиотеки, музеи и техникумы, своя литература и свое национальное искусство. Началась промышленная разработка золота, угля, асбеста и других ископаемых. Тувинцы начали возделывать поля и разводили племенной скот. Была создана широкая сеть медицинских учреждений.

Экономическое и культурное общение с СССР еще более сблизило тувинский народ с русским народом.

В годы Великой отечественной войны Тува послала Красной Армии боевых коней, продукты питания, кожу и пушнину.

В 1943 году, на фронт был направлен кавалерийский эскадрон тувинских добровольцев, героически сражавшийся против немецких захватчиков.

На этом снимке мы видим товарища Кунгаа Тулош, известного в Туве спортсмена-лыжника. Это Кунгаа Тулош водрузил красное знамя СССР на вершине Мунку-Хайрхан-Ула.

Фото В. Соболева

Братская дружба советского и тувинского народов за время Великой отечественной войны стала еще более крепкой и нерушимой. Тувинский народ навсегда вошел в братскую семью народов великого Советского Союза. Выражая волю трудящихся Тувы, чрезвычайная сессия Малого хурала 17 августа 1944 года обратилась к Верховному Совету СССР с просьбой о принятии Тувы в состав Советского Союза. Просьба тувинского народа была удовлетворена, и Президиум Верховного Совета СССР 11 октября 1944 года издал указ о принятии Тувинской народной республики в состав Союза Советских Социалистических Республик на правах автономной области. Так в СССР вошла одна из самых молодых автономных областей — Тувинская.

ГОРА МОГУЧЕГО МЕДВЕДЯ

Накануне дня, назначенного для отправления в путь, секретарь Тувинского обкома партии товарищ Салчак Тока вручил нашей экспедиции красное знамя, которое мы должны были водрузить на высшей из вершин Тувы.

10 августа мы вылетели в отдаленный Монгун-Тайгинский район, где находится самая высокая гора Тувы.

Под крыльями самолета развернулась обширная панорама причудливых хребтов и замкнутых горных долин. Слева, на юге, за монгольской границей, сверкало в лучах солнца громадное соленое озеро Успа-Нур. Впереди возник окутанный облаками хребет Тан-ну-Ола и серебряный купол вершины Мунку-Хайрхан

Мунку-Хайрхан-Ула (Гора Могучего Медведа) — самая высокая вершина Тувы (4 030 м). Она раньше считалась недосыгаемой. На снимке альпинисты обсуждают маршрут подъема на гору.

Фото В. Соболева

Ула — Горы Могучего Медведа. Расстояние в 450 километров мы пролетели за два часа и совершили посадку на степной террасе, на берегу горной реки Мугур. Через полчаса в пустынной долине уже белели палатки нашего маленького лагеря.

С утра на следующий день мы пошли вверх по течению Мугура. Западная Тува, по которой лежал наш путь, почти лишена лесов — лиственные рощи встречаются здесь только в прибрежной уреме, узкой углубленной полосе речной поймы. Вокруг нас растлались степи, покрытые низкой, выгоревшей за лето травой. На склонах хребтов трава значительно гуще: здесь находятся бескрайние тувинские пастбища — основные животноводческие базы области.

На закате мы разбили лагерь недалеко от двух тувинских юрт, стоящих на опушке рощи.

Тувинцы пригласили нас в юрту, и мы познакомились с этим переносным жилищем периода летних кочевок. В юрте стояла железная плита для отопления и приготовления пищи, пол был устлан коврами. На полках маленьких шкафчиков, расписанных узорами в китайском вкусе, стояла посуда, а в углу стучала швейная машина, на которой сестра хозяйки шила себе новый халат. Под крышей висело старинное кремневое ружье с сошкой и связка шкур сурков и лисиц — охотничья добыча хозяина.

Через два дня мы подошли к подножию Мунку-Хайрхан-Ула. Здесь, в лагере, расположенном у самой границы вечных снегов, к нам присоединился

четвертый товарищ по экспедиции — Шамбул Кыргыз.

Шамбул Кыргыз еще в 1940 году пытался совершить восхождение на вершину, но буран вынудил его вернуться. Не было у него и специального снаряжения. Теперь Шамбул не сомневался в успехе и горел желанием исполнить свою заветную мечту — побывать на главной вершине Тувы. Ему хотелось также доказать старикам, что старая легенда, в которую крепко еще верили старики окрестных селений, лжет. Легенда говорила, что всякого, кто пытается подняться на Мунку-Хайрхан-Ула, духи немедленно унесут на небо.

СОВЕТСКИЙ ФЛАГ НА ВЕРШИНЕ МУНКУ-ХАЙРХАН-УЛА

13 августа мы провели разведку подступов к вершине и 14-го начали восхождение под руководством инструктора альпинизма подполковника В. В. Соколовского. После подъема по мелким, весьма подвижным осыпям начались крутые сыпучие скалы, двигаться по которым приходилось с большой осторожностью. На снежном гребне, ведущем к куполу вершины, нас встретил резкий ветер. Начался буран, закрывший горизонт сплошной белой завесой, мгновенно засыпавший следы прошедших по снегу людей. Однако направление на купол было уже намечено, и через десять часов после выхода из лагеря, шаг за шагом преодолевая подъем, экспедиция достигла вершины. Здесь, на высоте 4 030 метров, старший по тувинской группе экспедиции — товарищ Кунгаа — водрузил красное знамя Советского Союза. Был дан салют из пистолетов, и, положив в сложенный из камней тур записку о восхождении, экспедиция начала спуск.

К вечеру 15 августа мы были уже в селении Мугур-Аксы, центре Монгун-Тайгинского района. Работники учреждений районного центра и жители поселка встретили экспедицию у околицы и поздравили ее участников с победой над считавшейся недоступной вер-

Радужно встретили нас в Кызыле работники местных физкультурных организаций. На нашем снимке мы видим одну из наших туристок — студентку Московского авиационного института — и туриста-тувинца у походных палаток экспедиции.

Фото В. Соболева

шиной Мунку-Хайрхан-Ула. К празднику национального освобождения Тувы из отдаленных сумонов — сельсоветов — в Мугур-Аксы начали съезжаться гости. Целыми семьями — с женами и маленькими детьми — собирались верховые араты и располагались в юртах на берегу реки.

17 августа многолюдным митингом на обширной зеленой поляне начался праздник.

После митинга мы увидели скачки молодых всадников — аратов — и национальную тувинскую борьбу шестидесяти четырех пар, в которой участники состязания проявили большое мастерство, силу и ловкость. Все было ново для нас в этой борьбе — и специальные безрукавки борцов, и секунданты-судьи, с необычайным пылом подбадривавшие каждого своего борца, и «ганец орла» — грациозные прыжки, которыми боец отмечает свою победу. После соревнований местных команд по волейболу открылось массовое гулянье, начались национальные пляски и выступления певцов.

Новостью была для нас также и своеобразная манера петь мелодию горлом, без слов, так называемое пение «Хёёмей» или «Сыкыртыр», распространенное только в Туве и Монголии. Тувинцы — большие любители этого искусства, и нам удалось послушать нескольких настоящих мастеров горлового пения. В глубокой тишине звучали мелодичные голоса певцов, поднимаясь от низких басовых нот до высоких, когда голос певца звучал, как чистая, певучая флейта.

Проведя несколько дней в Мугур-Аксы, отдохнув и познакомившись с поселком, имеющим теперь, несмотря на свою отдаленность, радиостанцию, больницу, амбулаторию, школу и клуб, мы вышли в обратный путь в Кызыл.

МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ В КЫЗЫЛ

Путь наш лежал через перевал Саадак, находящийся в хребте Цаган-Шинбэту, одном из отрогов Танну-Ола.

Преодолев перевал высотой около трех тысяч метров и переправившись вброд через несколько горных речек, мы разбили на ночь лагерь в листовичинной роще у подножия второго безымянного перевала, который предстояло пройти, чтобы выйти в долину реки Хемчик, к автомобильной дороге.

Утром нас ожидал сюрприз. Когда мы выбрались из палаток, вся долина и окружающие ее склоны гор были покрыты выпавшим за ночь снегом, глубина которого достигла полуметра. В сплошном тумане, с трудом пробивая в снегу тропу на крутом подъеме, двигались вперед, к перевальной седловине люди. То и дело роняя выюки, падали и застревали в глубоких выбоинах выючные лошади. Глубокий снег покрывал пирамидки камней, выложенные на скалах и показывающие направление среди хасса валунов и щебня. Чтобы не сбиться с пути, приходилось тщательно разыскивать и устанавливать ориентиры. Сильный северный ветер засыпал глаза снегом, колот лицо тысячами ледяных игол. Наконец на крутом снежном спуске туман стал редеть, и вскоре перед нами открылась обширная лесная долина реки Барлык. Над зеленой безбрежностью лесов сияло голубое небо. Из зимы мы снова шагнули в лето.

Отогревшись у огромного костра и переночевав на опушке леса, мы вышли вниз по долине реки Барлык, впадающей в многоводный Хемчик. По пути пришлось преодолеть глубокий брод через Барлык, стремительные струи которого доходили лошадям до седел. Наконец все трудности остались позади — перед нами лежал путь по мягкой, живописной долине, сплошь усеянной едальвейсами. По рощам благовонного тополя и широким стеновым террасам, по узким тропинкам, выбитым в нависших над рекой скалах, мы вышли в долину Хемчика и закончили свой 120-километровый переход в селении Кызыл-Мажалык — центре крупного скотоводческого и земледельческого района, соединенного автодорогой со столицей области.

В долине реки Шемы стоит среди степи массивная статуя из серого гранита, изображающая воина с большими усами; ее считают изображением грозного властителя древности — Чингиз-хана.

Фото Ю. Промптова

СТАЛИНСКАЯ ПЯТИЛЕТКА В ТУВЕ

В сталинской послевоенной пятилетке Тувинская область имеет самостоятельные задачи. Ведущей отраслью сельского хозяйства Тувы в сталинской пятилетке остается животноводство. План предусматривает увеличение поголовья всех видов животных к 1950 году почти в полтора раза по сравнению с 1945 годом. Кроме того, план имеет в виду улучшение пород скота и увеличение его продуктивности — количество молока, мяса, шерсти и кож должно к концу пятилетки значительно вырасти. Для улучшения животноводства будет увеличен посев кормовых культур, будет расширена сеть ветеринарных и зоотехнических учреждений. Уже в этом году в столице области Кызыл открывается сельскохозяйственный техникум, который будет готовить специалистов-животноводов. Конечно, к концу пятилетки вырастут и другие отрасли народного хозяйства Тувы — увеличится добыча ископаемых, расширится сеть дорог, больше будет в области телефонных линий, радиоузлов и жилых домов. Вырастет и площадь засеянных полей.

* * *

Последней частью нашего путешествия по Туве был 360-километровый переезд на автомашине по долинам Хемчика и Улу-Хема — основным животноводческим районам области, наиболее густо населенным. На нашем пути лежали обширные пастбища, усеянные стадами коров и сарлыков, отарами овец и табунами быстрых и выносливых степных коней. Нередко среди них попадались и верблюды. Пастбища сменялись полями, засеянными хлебом, овсом и люцерной. На полях работали комбайны и сноповязалки.

В степи, в долине притока Хемчика — реки Шемы, шофер показал нам участок дороги, выложенной каменными плитами, — по преданию, эта дорога была построена еще Чингиз-ханом. Невдалеке, среди степи, стоит массивная статуя, сделанная из серого гранита, изображающая воина с большими усами. Ее считают изображением грозного властителя древности — Чингиз-хана. В горных долинах Тувы часто встречаются такие статуи — кижиги-таши, или «каменные люди», видимо, ритуальные изображения.

По обе стороны широкой долины тянулись цепи гор, изрезанные ущельями; и всюду на склонах гор и в степи мы видели стада, стада... Проехали Чаадана и Шагонар — старинные населенные пункты Хемчикской и Улу-Хемской долины, выросшие ныне в города Тувинской области. Поздним вечером заревом электрических огней встретила нас столица Тувы — Кызыл. Наше путешествие к центру Азии было окончено.

Л. ПЛАТОВ

Рис. В. Таубера

Научно-фантастическая киноповесть

влиять в желательном смысле на животных, «подготовить» их к охоте.

Процессия ряженных, во главе которой шествует, приплясывая и выкрикивая заклинания, Рау, минует жилище Горюнова.

В глубине пещеры Нерхо готовит оружие для охоты. У ног его свалены грудой приготовленные для охоты костяные гарпуны, ножи из обсидиана, неуклюжие копьёметалки¹.

Провожая взглядом процессию, Нерхо поясняет:

— Рау заколдовал зверей, чтобы сами шли под топор и копьё.

— Но они не идут?

— Нет.

Горюнов заканчивает укрепление тетивы на древке. Лук готов.

— Рау — плохой колдун, — говорит он небрежно.

— Ты заставишь зверей повиноваться тебе?

— Нет! Я заставлю копьё.

На поляну неподалеку от стойбища вышли Горюнов, Рау, Нерхо, несколько охотников.

Горюнов обращается к своим спутникам:

— Ну, кто метнет копьё дальше всех?

В руках у него копьёметалка — узкая деревянная дощечка с желобком, имеющая на заднем конце выступ. На нее онкилоны кладут копьё и мечут метров на пятьдесят-семьдесят.

Горюнов обводит взглядом охотников.

— Вот цель. Кто попадет?

Высоко на склоне горы — уступ. На нем прилепился горный баран, который с полнейшим равнодушием наблюдает людей, зная, что недосыгаем для копий.

Охотники смущены, переглядываются.

— Так далеко?

Горюнов кивнул.

Рау азартно хватает копьё и, укрепив на копьёметалке, бросает вверх. Вслед за ним разом мечут копьё остальные.

Копьё не долетели до уступа. Горный баран начинает взбираться по осыпающимся камням.

— Пусть летит заговоренное копьё! — торопливо говорит Нерхо, предвкушая триумф Горюнова.

Горюнов сгибает изготовленный им лук, прицеливается.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОХИЩЕНИЕ КРЫЛА

Но что мог он сделать, чтобы победить Маук?

Даже Робинзон, испытаниям которого он так сочувствовал в детстве, был гораздо лучше снабжен, чем он. Ружье, порох, припасы, охотничий нож оставались в нарте, когда Горюнов пытался столкнуть байдару в воду. Он пришел на остров с пустыми руками.

Как помочь онкилонам в их борьбе с враждебной и непонятной им природой?

В отверстие пещеры видно: медленно падают, кружась в воздухе, снежные хлопья. Сквозь них, как сквозь сетку, уже можно различить озера и столбы гейзеров.

Снег очень быстро тает. Сначала чернеют, потом начинают зеленеть пологие склоны котловины.

Опушка леса. Выходит одинокий странный зверь: будто олень, но на коротеньких ногах. Следом вприпрыжку выбежал медведь. Не обращая на него внимания, олень продолжает мирно пастись. На опушке появилось еще несколько животных. Некоторые напоминают кабанов, другие коз.

Видно, как со всех концов поляны подползают, прячась за кустами, охотники. Удивительно, что и охотников не замечают странные животные. Кольцо сомкнулось. Воинственный клич! В воздух полетели копьё и дротики.

Свалив зверя, онкилон отступает на шаг и произносит установленную формулу:

— Прости, брат с серым лицом, за то, что я должен убить тебя. Мои дети ждут еды.

Он взмахивает топором, но прежде чем топор опустился, из-под звериной шкуры появляется улыбающееся лицо. Это — «ряженные». Они вылезают из шкур, снимают звериные морды — маски. Закончена обязательная театральная интермедия, предшествующая первобытной охоте. Подобно живописи на стенах пещеры, такая «репетиция», по представлениям онкилонов, должна по-

¹ Продолжение. Начало см. в № 1.

¹ Копьёметалку до последнего времени применяли австралийцы, не знавшие лука.

Баран на мгновение остановился на скале перед прыжком, четко выделяясь на фоне неба. Звон тетивы. Баран прыгнул, сорвался, цепляясь рогами за камни, катится вниз.

Охотники сбегаются к месту его падения.

— Крылатое копье, — благоговейно сказал Нерхо, подняв на вытянутых руках стрелу с пестрым пышным оперением. — Вот оно — крылатое копье, которое взлетает выше птиц!

Испуганный и восторженный шопот среди охотников:

— Горюн отнял часть силы у Маук. Похитил ее крыло!

Вытянув шею, все разглядывают лук, лежащий в траве. Это огромное событие в жизни первобытного народа — рождение новой, невиданной до того вещи. Да, лук похож на птицу. Древко его изогнуто, как крылья. И, так же как птица, он роняет в полете стрелы — перья.

— Колдовство Горюна, — замечает Нерхо, стараясь быть беспристрастным, — сильнее твоего колдовства, Рау!

Лицо Рау перекосила злобная гримаса. Из-под наспуленных бровей он смотрит на Горюнова. Но любопытство превозмогло. Он несмело приближается к диковинному созданию, которое, убив зверя, присмирело и неподвижно лежит у ног Горюнова. Неуверенно улыбаясь, колдун трогает тетиву лука. Тетива звенит...

Теперь этот звук сопутствует онкилонам всюду: на охоте и на рыбной ловле.

Кабан на водопое. Поднимает морду — с нее капает вода. Прислушивается. Звон тетивы. Кабан тяжело падает. Над зарослями поднимается торжествующий охотник.

С челна рыболовы стреляют в воду. Звон тетивы. На поверхность озера всплывает большая рыба. Стрела качается в ее боку.

Звон тетивы. Первобытная оружейная мастерская. Горюнов заканчивает изготовление нового лука. Нерхо рядом оттачивает стрелы.

— Да, ты правду сказал, Горюн, — кивает Нерхо. — Завтра племя будет пировать!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЧТО ДЕРЕВО СКАЗАЛО ГОРЮНУ

Онкилоны пируют после удачной охоты. Пылают праздничные костры. В сосуды из кожи и пузырей, в выдолбленные стволы деревьев, в которых готовится мясо, женщины опускают раскаленные на огне камни, — таков примитивный способ приготовления пищи. Пар валит из чанов.

Нечасто приходится онкилонам наедаться досыта. Поэтому в еде они жадны, спешат, выхватывают из груди мяса огромные куски. Рау, сидящий на почетном месте, удивляет Горюнова своим аппетитом. Этот шустрый, кривляющийся старик в несколько мгновений до блеска обглодал козью ногу, отшвырнул кость, хвастливо подмигнул Горюнову, потянулся за другой. За его спиной выросла горка костей.

Но вот раздалась музыка. Между кострами возникла вереница танцоров. Сначала мужчины танцуют свой военный танец. Они держатся за плечи. Поднимая то одну ногу, то другую, с силой опускают их на землю.

Оркестр состоит из барабанчиков, выбивающих на стволе поваленного дерева отчетливо-резкую дробь.

В неподвижном вечернем воздухе вытянулись столбы дыма от пиришественных костров.

В отблесках пламени мелькают смуглые мускулистые тела. Земля дрожит от ритмичного топота множества ног. Танцуют теперь не только войны, но и женщины.

В группе онкилонов Рау гадает на костях. Он раскладывает их на срубе дерева, как пасьянс, сосредоточенно рассматривает, гнуся под нос, сохраняя свойственный ему глупо-торжественный вид.

— Бойся рыбьей чешуи и лунного света, — наставительно говорит он плечистому воину, сидящему перед ним. — В них твоя смерть.

— Крылатое копье, — благоговейно сказал Нерхо, подняв на вытянутых руках стрелу...

...Раздалась музыка. Между кострами возникла вереница тансиров.

Воин кивает головой. Он расстроен и угнетен. Уступает место другому вопрошателю судьбы.

Нерхо с удовольствием поясняет Горюнову эту сцену:

— Он может угадывать будущее по костям.

Рау покосился на Горюнова, еще быстрее забормотал над костями.

— Ты бы смог так? — спрашивает Нерхо простодушно.

Горюнов подумал, улыбнулся.

— Лучше.

Рау поднял голову, нахмурился.

— Убери это, — указал Горюнов на кости. — Ты гадал на костях, я буду на дереве.

Пляска приостановилась. Круг теснится подле поваленного дерева, на котором играли музыканты.

Горюнов наклонился над пнем. На срезе его — концентрические круги различной толщины. Это кольца древесины. Каждое из них нарастает в течение одного летнего вегетационного периода.

— Я узнаю сейчас, как жили здесь раньше, — сказал Горюнов, приглядываясь к кольцам. — Хорошо ли пригревало солнце, часто ли шел дождь...

— Тебя не было здесь, — раздается недоверчивый голос в толпе.

— Дерево было. Оно скажет.

— Оно не вспомнит...

— Почему не вспомнит?.. Дерево старое... Сколько колец? Раз, два, три, четыре. Ну вот четыре года назад... Кольца широкие. Значит лето было длинное, теплее. Теплее, чем в этом году...

Онкилоны улыбаются, довольны правильным ответом.

Рау протолкался вперед, лег у дерева, приложил ладонь рожком к уху: не удастся ли ему подслушать, как дерево разговаривает с Горюновым?

— А десять лет назад, можешь сказать?

— Могу... Еще теплее...

Восторженные возгласы:

— Дерево помнит... Теплее!.. А пять лет назад?.. А два года назад?

Но Горюнов нагнулся к стволу, молча водит пальцем по срезе, точно неожиданно вычитал там что-то страшное.

На срезе видно: чем дальше от сердцевины ствола, тем уже и уже концентрические кольца. Это значит, что с каждым годом лето на острове делается все короче и короче. Разрывов, скачков нет. В этом — закономерность!

Горюнов поднимает глаза к горам, оцепившим котловину. Не слушает одобрительного гула, пытливо всматриваясь в снеговое кольцо на вершине гребня, в белые концы ледников, которые нависли над долиной, как занесенные мечи.

— Снег? Ближе? С каждым годом все ближе, да?..

Нерхо кивнул. Удивленно спросил:

— Тоже дерево сказало?

Рау с удовольствием подтверждает:

— О, раньше снег лежал далеко...

Онкилоны не замечают перемены, которая вдруг происходит с Горюновым. Его веселья как не бывало. Брови нахмурены, губы плотно сжаты.

Из толпы снова спрашивают с детской готовностью продолжать магическую игру-гаданье:

— А будущее? Ты не сказал нам о будущем. Каким будет лето теперь?

Горюнов попрежнему глядит на снеговое кольцо в горах. Ответил неохотно:

— Холодным...

— А через три года? Через пять?

— Еще холоднее...

Он садится на свое место, погруженный в задумчивость. Вокруг попрежнему кипит веселье. Возобновляются пляски.

Взгляд Горюнова рассеянно блуждает по долине, потом, словно замороженный, поднимается к снеговым вершинам, где за белыми зубуринами гребня повисло солнце.

Да, первое ощущение не обмануло его. Когда он поднялся на гребень и удивительная зеленая котловина впервые открылась перед ним, ему представилось, что все вокруг эфемерно, как мираж.

Так оно и было. Мир этот был похож на одуванчик. Дунь на него — и нет его!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИСЧЕЗАЮЩИЙ МИР

...С порога пещеры, расположенной несколько выше дна котловины, открывается широкая перспектива.

Вдали, будто дразня, то появляются, то исчезают серебристые столбы гейзеров. Курятся испарения над озерами. Ветра почти нет. Покой разлит в воздухе.

В нише пещеры самодельные водяные часы. С хрустальным звоном падают капли, отсчитывая время. Горюнов, сидящий у порога, склонился над бивнем мамонта. Медленно, с видимым усилием, он высекает буквы. Через его плечо можно прочесть продолжение надписи:

«...кажущееся спокойствие, затишье перед бурей».

Это очень кропотливая работа — такое примитивное письмо. Костяное долото соскакивает, буквы получаются острые, угловатые. Ни одному ученому, наверное, не давалось так мучительно его произведение, как Горюнову. Это не только умственный, но и физический труд.

Однако только так можно сохранить для науки важные наблюдения. Мысль о том, что даже после его смерти найдут и прочтут эти записи, поддерживает, ободряет Горюнова.

Когда станет ясно, что конец близок, что время существования острова измеряется не годами уже, а часами, драгоценный бивень будет со всеми предосторожностями уложен в яму, внутри поросшую мохом. Пропитавшись водой, — а воды на острове будет тогда избыток, — мох превратится в губку, которая преградит доступ воздуху. А сверху будет навален курган из камней.

Когда это будет? Очень скоро, может быть.

...Непрочность, странную иллюзорность всего окружающего Горюнов ощутил сразу после прихода на остров. Тогда еще при виде пышной зелени, при виде ярких цветов и бабочек им овладела боязнь, что все вдруг исчезнет, рассеется, как мираж. Первое ощущение! Оно, как всегда, было правильным.

Перед ним был исчезающий мир, теряющий яркость своих красок, тускнеющий на глазах...

«Остров онкилонов — не что иное, как кратер потухшего вулкана, недра которого еще сберегают тепло. Все сходится: форма котловины, наличие вулканических пород, горячие источники, наконец, фумаролы — струи дыма, выходящие из расщелин на дне ущелья, где приносят жертвы.

Кратер вулкана принято называть в геологии кальдерой. По-испански кальдера — котел. Определение это особенно точно в данном случае. «Котел» подогревается снизу. Крышкой же, которая прикрывает его, служат туманы, которые постоянно висят над островом и препятствуют рассеиванию тепла.

Воздух в котловине вдобавок обильно насыщен углекислотой — результат вулканической деятельности. Редким сочетанием случайностей создалось подобие теплицы. Теплый и влажный климат в этом странном уголке в какой-то степени повторяет климат далекой от нас геологической эпохи...»

Записав это, Горюнов сидит некоторое время в раздумьи.

Удивительно, что мысль об этом не пришла ему в голову раньше. Ведь ряд островов в Арктике сформирован из вулканических пород. Мало того: в Исландии, на Камчатке и Аляске вулканы действуют и по сей день. Над снежными куполами Геклы, Ключевской

сопки, вулкана Врангеля¹ до сих пор выются злоеющие черные дымки.

Многое из того, на что Горюнов не обращал раньше внимания, стало ясно ему отсюда, с острова онкилонов. И то, почему вблизи Камчатки бьют из-под снега горячие источники. И то, почему на Аляске, под 61 градусом северной широты, водятся птички, близкие к роду тропических колибри. Тепло земных недр, вырывающееся наружу, самым неожиданным образом меняет климатические пояса.

Но на острове Горюнова влияние вулканизма на климат, конечно, нашло наиболее причудливое выражение.

В недрах Арктики возник оазис, во мраке полярной ночи затеплился, замерцал огонек.

Однако льды попрежнему вокруг. Их холодное, мертвящее дыхание не ослабевает. Все сильнее и сильнее колеблется огонек, вот-вот готовый погаснуть. Кончаются запасы тепла, земля под ногами остывает. Это написано постепенно утончающимися, concentрическими кругами на срезе дерева. Разгадка острова. Его история. Его будущее...

Тогда, под стук праздничных барабанов, под одобрительный гул онкилонов, довольных удачным гаданьем, сразу все открылось перед Горюновым: они — на дне кальдеры, «котел» подогревается все меньше и меньше, гибель фантастического мира неизбежна.

Это означало гибель и самого Горюнова: он понял и это. Мог ли он пытаться уйти отсюда тем же путем, что и пришел: больной, с искалеченными ногами? Вокруг на сотни километров расстилалась ледяная пустыня. Он не прошел бы и десяти километров.

А что бы он делал, если бы встретилась полынья? На острове много деревьев, из которых можно постро-

Горюнов склонился над бивнем мамонта.

¹ Самый высокий вулкан Аляски (4 900 м). Назван так по имени адмирала Врангеля, который управлял одно время русской североамериканской колонией.

Кеюлькан встал, сказал решительно: «Я сделаю, Горюнь».

ить лодку, — но не с каменным же топором братья за ее сооружение?..

Осознав, что он пленник острова, Горюнов ощутил вместе с тем ни с чем не сравнимую гордость ученого. На его долю выпало счастье сделать за такой короткий срок два выдающихся географических открытия. Найден народ, считавшийся погибшим. Обнаружена в глубине Полярного бассейна земля, нахождение которой он предсказал.

Быть может, и тайна Маук как-то связана с этими двумя уже разгаданными загадками.

Представим себе, — размышлял Горюнов, — что Птица Маук — некое символическое обобщение, воплощение злых, враждебных человеку сил природы. Что может противопоставить природе онкилон? С какими возможностями вступает он ежедневно, ежечасно в борьбу с нею? Его оружие несовершенно. Его топор тяжел. Его копыта часто ломаются, достигают зверя лишь на самом близком расстоянии.

Быть может, — продолжал размышлять Горюнов, — в мрачном культе Птицы воплощено также и ожидание. Известно, что животные зачастую инстинктивно чувствуют приближение опасности: крысы бегут с тонущего корабля, рыба уходит на глубину, чуя приближение бури. Подобно им, не чуют ли первобытные люди, что их остров обречен?

То, что из расщелин в ущелье выходит дым, онкилоны объясняют так — Маук варит пищу. Отсюда — ритуальные жертвоприношения. Ход рассуждений очень прост: чем больше пищи у Маук, тем теплее должно быть на острове. Ведь даже наступление ночи онкилоны связывают все с той же всеобъемлющей Маук. Считают, что прожорливая Птица проглатывает солнце, и оно, потускневшее, уменьшившееся в размере, просвечивает сквозь ее брюхо в виде луны.

Но почему тогда это птица? Не рыба? Не медведь? Не мамонт? Почему это воплощение зла по мифу приняло облик именно птицы, прежде чем превратиться в скалу, перед которой приносят жертвы?

И, наконец, почему самое первое из ее изображений, известных Горюнову, исполнено так реалистично и так мучительно напоминает ему что-то знакомое, уже виденное?..

...Через плечо Горюнова видно окончание надписи на бивне мамонта:

«...нет, я не ушел отсюда, и жизнь онкилонов стала моей жизнью».

Годы, прошедшие с того дня, когда дрейфующую льдину с Горюновым прибило к острову, были наполнены яростной борьбой с Маук.

Вслед за луком, который смастерил Горюнов, он ввел много других преобразований в жизнь онкилонов. Он помогал им жить, помогал им думать. Теперь гораздо более важным представлялось ему не столько объяснить этот исчезающий мир, сколько, по мере сил, отсрочить его гибель.

И все же с каждым годом труднее и труднее становилось добывать пищу. Зимы стали такими холодными, что некоторые животные, не приспособясь к перемене обстановки, вымирали. Птиц на остров прилетало все меньше.

Можно было бы испробовать земледелие. Это бы дало возможность продержаться еще несколько лет. Но густые леса в котловине были неуязвимы для каменных топоров. А железа, как ни искал Горюнов, на острове не было.

Нет, теперь он не бросил бы онкилонов, даже если бы представилась возможность уйти одному.

Ведь онкилоны безгранично верили в его доброту и могущество. По существу, они были детьми и доверяли ему, как дети доверяют взрослому.

Мог ли он теперь отступить от них, оставить на произвол судьбы? Мог ли отказаться от единоборства с Маук?..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАВЕЩАНИЕ ГОРЮНОВА

Группа зевак сидит на корточках перед входом в пещеру. С напряженным любопытством они смотрят на вход, задернутый меховой шкурой.

Рау вытягивает шею, поднимается на цыпочки, пробует заглянуть внутрь, колеблется. Каждый раз, когда он делает движение к пещере, оттуда вылетают осколки камня, и он поспешно отскакивает.

Тогда с мужеством отчаяния мальчик шагнул вперед и, заслонив Горюнова, спустил тетиву...

У ПОДНОЖИЯ СВЯЩЕННОГО КАМНЯ

Онкилоны возбужденно переговариваются:

- Что делал Горюн?
- Ходил по горам, собирал камни.
- Новое колдовство?

Нерхо, стоящий среди зевак, пожимает плечами. Несмотря на то, что он признанный друг Горюна, Нерхо так же мало осведомлен, как и все, и очень обижен этим.

— Никого не пускает к себе. Не пускает даже меня.

Рау, которого просто сводят судороги от любопытства, выталкивает вперед Кеюлькана.

— Пусть пойдет Кеюлькан. Он любит Кеюлькана больше всех.

Много лет назад Кеюлькан, сын Нерхо, был в числе мальчиков, обреченных в жертву Маук. Сейчас это подросток, хорошо сложенный, широкоплечий, с очень живым, открытым лицом и порывистыми движениями. Откинув шкуру, прикрывающую вход, он быстро входит в жилище Горюнова.

Посреди пещеры возвышается груда осколков. Здесь есть кремний, есть обсидиан, кварц. Но Горюнов, повернувшись спиной к бесполезным камням, рисует что-то на земле. Он погружен в такую задумчивость, что не слышит шагов Кеюлькана.

Некоторое время Кеюлькан стоит неподвижно, с детским любопытством следя за тем, как Горюнов, борючись с непонятным, рисует, стирает, снова рисует. Но что же это? Кеюлькан вытянул шею. Показалось ему или в самом деле это запретные очертания птицы? Горюнов оглянулся, поспешно стер рисунок, встал.

— Я ждал тебя, Кеюлькан.

Он плотнее задернул шкуру у входа, вернулся на свое место, сказал вполголоса:

— Нужна твоя помощь.

Кеюлькан нетерпеливо подался вперед.

— Я собираюсь на охоту, — продолжает Горюнов. — Она опасна.

— Я с тобой.

— Нельзя.

— Я понесу твой лук.

— Нет, я пойду без лука.

— Тогда топор.

— Я не возьму топор.

Кеюлькан недоверчиво усмехнулся.

— Охота не на зверя, — коротко поясняет Горюнов. — Охота за камнем!

Ручка Кеюлькана крепко сжимает рукоять кинжала — он догадывается, о каком камне идет речь.

— Представь, я умер. Меня нет..

Кеюлькан отрицательно качает головой, не спуская с Горюнова глаз.

— Но я также могу умереть, как и все. Если умру, сохрани этот бивень. Это очень важно, Кеюлькан!

— Зачем он?

— Я сумею после смерти говорить с другими людьми, — просто отвечает Горюнов.

Кеюлькан широко раскрытыми глазами смотрит на бивень. Нет предела могуществу Горюна!

— Закопай его в надежном месте, которое я тебе указывал, навали камни, чтобы легко было найти потом.

Кеюлькан старается не упустить ничего.

— Кто должен его найти?

— Не знаю. Когда-нибудь за ним приедут. Разыщут остров, разроют курган из камней. К тому времени, Кеюлькан, остров будет пуст. На нем не будет ни лесов, ни озер, ни людей. Туман, висевший над ним, рассеется. И люди, проходящие мимо на больших лодках, увидят его и подойдут к нему. Кто же расскажет им о нас? О Кеюлькане? О Нерхо? О Маук?

Кеюлькан встал, сказал решительно:

— Я сделаю, Горюн.

— Хорошо, Кеюлькан.

Мальчик вышел из пещеры. Зеваки бросились к нему.

— Ну!

Лицо Кеюлькана непроницаемо:

— Молчал, сердился на меня...

Догорают уголья костра. Похоже, будто засыпающий зверь лениво жмурит светящиеся во тьме глаза. Видны фигуры лежащих вповалку онкилонов.

Со шкур в углу поднимается человек. Очень медленно и осторожно переступает через спящих и зажигает факел от костра. Это Горюнов.

Приблизил факел к лицу Нерхо. Тот спит, раскинув мускулистые руки, спокойно, мерно дыша. Рядом — его изделия: полуобработанный камень, недоконченные гарпуны, наконечники для копий.

Кто-то заворочался во сне. Горюнов замер прислушиваясь. Нет, почудилось.

Освещая себе дорогу факелом, он углубляется в коридор, стены которого украшены магической росписью.

Быстро сменяются, проплывая по стене, картины первобытной охоты. Горюнов идет, почти не останавливаясь. Над ним возникает то ветвистый рог убегающего оленя, то горбатая спина кабана со вздыбленной шерстью. Пятно света чуть задевает их и скользит дальше.

В перспективе длинного мрачного коридора удаляется, раскачиваясь, огонек. Остановился. Подняв факел, Горюнов рассматривает рисунки. Высоко на стене — черное распластанное крыло.

Если бы краска сохранилась лучше, а камень не потрескался так! Этот нарост над крылом, рядом с хищной головой.. Не может быть, чтобы художник приделал его случайно. Горюнов мысленно продолжает незаконченный штрих, дорисовывает изображение птицы. Да, получается голова. Вторая голова! Догадка об этом появилась у Горюнова недавно. Но если догадка верна, то все мгновенно становится на свое место. Заполняются пробелы в истории онкилонов. Понятным делается, почему зловещая птица была обнаружена другими исследователями — предшественниками Горюнова — также в мифологии тунгусов, остяков и якутов. Находится объяснение и для непонятных слов мифа: «Догнала в сопровождении мертвых».

И главное — сейчас это важнее всех других открытий — на острове есть железо. На острове должно быть железо!

Свет факела уперся в стену. Груда беспорядочно набросанных камней. Тупик? Нет. Здесь должен быть выход. Он был раньше. Потом онкилоны завалили его камнями.

С лихорадочной поспешностью Горюнов расшвыряет камни, расчищая себе путь.

В просвете между камнями открылось ущелье. Клубясь, ползут струи дыма из расщелин. Впереди — и очень близко — знакомые очертания скалы.

Итак, первая часть гипотезы оправдалась. Коридор с магическими рисунками вывел Горюнова, как он и ожидал, на дно ущелья, к самому подножию Птицы-Камня.

Почти над ухом послышалось прерывистое дыхание. Преследователь. Кто же это? Ну, в бой! Поединок ради железа на самом пороге тайны!

Горюнов поднимает факел над головой. Совсем рядом из-за камня поднимается во весь рост Кеюлькан.

— Зачем, Горюн?

— Я же говорил, охота будет опасной.

— Не ходи.. Ее жилище там.. Ее костры горят.. — Мальчика трясет мелкая дрожь.

Ведь, на взгляд онкилона, Горюнов совершает величайшее святотатство. Все, что касается Маук, находится под строгим табу — запретом. Даже пребывание здесь, в преддверии зловещного ущелья, наказывается смертью.

Горюнова растрогало волнение его маленького друга. Ласково, но решительно он отстранил его, шагнул к пропасти.

Голова Горюнова скрылась за камнями.

— Лук!—кричит вслед Кеюлькан. — Ты не взял даже лук!

Мучительная борьба между чувством жестокого страха перед Маук и самоотверженной привязанностью к Горюнову.

— С одним копьём против Маук!..

Кеюлькан схватил лук, решительно пошел следом за Горюновым.

Обрыв. Кеюлькан спускается по узкой тропинке.

Дно зловещего ущелья — наиболее глубокая впадина в кальдере. Это Тартар онкилонов—жилище мертвых. Земля растрескалась от внутреннего жара. Из расщелин клубится дым. Горюнов идет, пытливо приглядываясь к земле под ногами, иногда вонзает в нее копьё. Кеюлькан, державший лук наготове, идет сзади, тревожно озираясь по сторонам.

— Зачем идешь? — ворчит Горюнов. — Сказал: не ходи.

Зубы Кеюлькана стучат от страха.

— Нельзя не ходить, — бормочет он. — Может ударить тебя в спину..

Вспыхивают призрачные огоньки по краям ущелья.

Кеюлькан все чаще оглядывается. Может быть, на него действуют испарения, ядовитый дым? Глаза расширены, пальцы нервно сжимают лук. Что-то начинается мерещиться Кеюлькану. Пейзаж вокруг меняется, делается причудливо-фантастическим. Столбы дыма — не дым вовсе, а хоботы огромных призрачных мамонтов. Порыв ветра — столб упал, хобот изогнулся, преграждая путь. Вскрикнув, Кеюлькан закрыл глаза:

— Мамонт!

Горюнов оборачивается:

— Где, Кеюлькан? Это дым.

Кеюлькан открыл глаза. И вправду — дым.

Идут дальше, преодолевая крутой подъем. Над ними нависла Птица-Камень. Под ногами осыпаются камни, перекатываются в ущелье.

Кеюлькан бояливо оглядывается. Камни ли это? Нет. Это серые медведи, вставшие на дыбы. Они только притворяются камнями. Кеюлькан поспешно кладет стрелу на тетиву.

— Что случилось, Кеюлькан?

— Звери... там...

— Это камни, Кеюлькан... Только камни...

Кеюлькан вглядывается. Да, он ошибся: камни.

Путники задыхаются в испарениях ущелья. Горюнов закашлялся, упал. Кеюлькан взглядывает вверх.

Скала сейчас потеряла очертания птицы. Вблизи это бесформенный серый камень, ничего больше. Но Кеюлькан понимает: это только новое колдовство. Он ждет, сжимая лук, готовый к отпору.

И вдруг полог дыма, раскачивавшийся над головой, разорвался. Луч пронизал его. И тогда на земле, у подножия Камня, Кеюлькан увидел сидящую Маук.

Она сжалась, уменьшилась в размере. Крылья раскинуты. В цепких когтях сжимает пучок молний. У нее две головы, повернутые в разные стороны, а в разнотых хищных клювах изгибаются язычки.

Но самое пугающее в ней — это блеск. Странное слепящее сияние исходит от нее. Глаза начинают болеть и слезиться.

Правду сказали старики: человеку не дано безнаказанно видеть страшную Птицу!

Горюнов сидит на земле, тяжело дыша, держась за грудь. Тогда с мужеством отчаяния мальчик шагнул вперед и, заслонив его, спустил тетиву.

Странный звон пронесся по ущелью.

Кеюлькан смотрит: Птица не шевельнулась. Замирает эхо зона. Горюнов, очнувшись, схватил Кеюлькана за руку.

— Что это было, мальчик?

Кеюлькан поднял стрелу, отскочившую от Маук: косяной наконечник сломался.

Горюнов бросается к Птице, с силой ударяет в нее копьём. Звон металла, непередаваемо прекрасный, протяжный, как гул колокола, плывет по ущелью, подхваченный эхом.

(Окончание следует)

„Красный К Л Ю Ч“

У подножия крутого склона, заросшего лесом, расположены две большие и глубокие провальные воронки, заполненные водой. Здесь из недр земли непрерывно выбивается прозрачная вода. Это источник «Красный ключ», образованный выходами мощной карстовой (подземной) реки на территории бумажной фабрики в Нуриманском районе Башкирской АССР.

Температура воды источника остается почти без изменений в течение всего года (5—6 градусов). Зимой вода источника обогревает воду реки Уфы, образуя на ней громадную по льду, простирающуюся вниз по течению реки на 12—13 километров и не замерзающую даже при 50-градусном морозе.

На польные всегда зимует множество скопляющихся здесь осенью диких уток.

По количеству воды этот источник один из крупнейших (если не самый крупный) в Советском Союзе. Гидрологом Г. Т. Трёмбовельским подсчитано, что «Красный ключ» каждую секунду дает в среднем около 8 кубометров воды.

Построенная фабрикой плотина создала здесь водохранилище — настоящее озеро, занимающее площадь в 1 600 квадратных метров. Сюда поступает вода из источника. Вода приводит в движение две небольшие турбины.

У красивых воронок «Красного ключа», наполненных янтарной водой и окаймленным пушистыми лианами и нихтами, побывали десятки ученых и специалистов, которые пытаются разными путями выяснить геологическую историю происхождения и дальнейшего развития этого замечательного источника.

Установлено, что воды «Красного ключа» движутся по землей на глубине от 40 до 80 метров. Выходы на поверхность через воронку, они преодолевают давление сорокаметрового водяного столба и дают снизу вверх с силой, превосходящей давление четырех атмосфер. Подземная река прорывается здесь через карстовые породы. Это подтверждается большим количеством извести, которую выносят воды источника. Так, литр воды источника содержит 125 миллиграммов растворенной извести.

Каждую секунду источник выбрасывает 1 килограмм извести, или 86,4 тонны, в сутки. За год это дает около 40 железнодорожных эшелонов извести.

Невозможно подсчитать то колоссальное количество вымытой и выщелоченной извести, которое было вынесено водами «Красного ключа» за время его существования, а образовался источник свыше десяти тысяч лет тому назад. Можно только заключить, что на месте той извести, которая была растворена и унесена водами, под землей образовалось бесчисленное количество карстовых воронок, провалов, подземных пещер и каналов.

Геологам, гидрогеологам и геоморфологам предстоит еще много поработать над изучением источника «Красный ключ».

Н. Кузнецов

С. ВЛАДИМИРОВ

В конце прошлого века Палеонтологический музей Академии наук СССР обогатился новыми экспонатами. Музейные работники собирали только что прибывшие с Северной Двины скелеты звероящеров и других животных, обитавших на нашей планете много миллионов лет назад.

Каждая находка окаменелых остатков древних животных драгоценна для науки. В упорных поисках следов древней жизни ученые «охотники за костями» порою забираются в самые отдаленные, труднодоступные уголки. В нашей стране первым «охотником за костями» был профессор Владимир Прохорович Амалицкий.

История его замечательных находок не менее интересна, чем то, что он открыл.

НА БЕРЕГУ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ

С высокого правого берега Малой Северной Двины открывается далекий вид. Поросшая лесом терраса, вытянутые ступенчатые холмы замыкают горизонт, а ближе, от самой реки, тянутся луга, поля, кустарники, озера, болота и старицы.

Когда В. П. Амалицкий в конце прошлого века впервые посетил окрестности Котласа — глухие деревушки Люкричиху, Удину, Пускино, — ему показалось, что он попал в совершенно иной, бесконечно далекий от столбчатого шума мир. Лишь недавно в крики бесчисленных уток, в щебетанье лесных птиц, в задумчивое кукованье кукушек и сонное бормотанье тетеревов вмешались пронзительные гудки паровозов. Но как и в седую старину, дни и ночи можно было плыть по полноводным притокам Северной Двины, ни разу не встретив даже рыбака и почти позабыв, что где-то на свете есть многоэтажные дома и фабрики, газеты, театры и клубы.

«Пришлось купить небольшую лодку, — рассказывает профессор Амалицкий об этой своей поездке, — нанять двух гребцов и таким образом путешествовать по Сухоне и С. Двине все время под открытым небом, укрываясь под навесом лодки ночью и в дождливую погоду. Так путешествовали мы с женой каждое лето с 1895 по 1898 год, привыкли к гнусу и мошкаре приспособились при самых скудных питательных средствах и при громадном аппетите иметь обед и ужин (я умалчиваю о его достоинствах), выучились под проливным дождем раскладывать костер, а при сильной буре находить на реке такие «гавани», где наша лодка была в совершенной безопасности, и мы спали в ней так же спокойно, как в себя дома...»

«Климат на Севере хотя и очень неприятный, но, вероятно, очень здоровый», говорит Амалицкий, отмечая, что ни он, ни жена ни разу не испытали никакой простуды, а им приходилось жить на реке, в постоянной сырости и туманах, проводить там целые недели во

время хиума (северного ветра), сопровождаемого пронизывающим холодом и непрерывным дождем.

Вечером усталые гребцы причаливали к берегу. И пока в сыром тумане слабо поблескивало пламя костра, а дым его распугивал комаров, профессор Амалицкий уносился мыслями в далекое прошлое Земли. Причудливые картины рисовало ему воображение, подкрепленное смелой догадкой ученого. Вот где-то в истоках древней реки, бегущей там, где теперь расположена Северная Двина и ее притоки, колышутся высокие древовидные папоротники. Немного поодаль начинается заросль вайи — высоких растений с ползучим корневищем. Их большие, с чуть зазубренными краями листья шелестят в тумане. Неожиданно тишину нарушает громкий всплеск. Что это? Встрепенулась заснувшая утка? Нет, нет. Это ударила хвостом огромная кистеперая рыба, плавники которой похожи на уродливые лапы. Испуганно заворочались на берегу полуметровые ящеры. Трепещут крылья стрекоз. Откуда-то доносится горячее, сухое дыхание пустыни. Все живое жмет к воде. Солнце скрывается в тучах песка. Не туман, а песчаная буря заволакивает горизонт...

Видения далеких времен заставляют профессора забывать о трудностях путешествия. Он верит и знает, что по берегам реки лежат кости древних ящеров. Он твердо уверен в том, что рано или поздно он найдет эти кости.

Но радость научных исканий нередко омрачалась мыслью о тяжелых испытаниях, ожидающих впереди... Амалицкому не верит никто. Над ним смеются. Его называют мечтателем. Слишком ненадежны имеющиеся в его распоряжении доказательства существования остатков ящеров на берегах Северной Двины. Слишком много в его рассуждениях фантастических допущений. Так, по крайней мере, думали крупнейшие специалисты-палеонтологи в Лондоне, в Париже, в Берлине и в Петербурге. И, как мы увидим сейчас, у этих специалистов были веские основания сомневаться в правоте Амалицкого.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

В середине прошлого века в Россию приехал английский геолог Мурчинсон. Человек необычайной зоркости, он обладал способностью улавливать характерные черты земных отложений. Оказавшись на Урале, он увлекся обследованием каменоломен, горных обвалов и каменных русел рек. Бесконечное разнообразие залегания горных пород на Урале и раньше привлекало внимание Ломоносова, Палласа, Гумбольдта и многих других естествоиспытателей, работавших до и после Мурчинсона. Но именно Мурчинсон обнаружил в окрестностях Перми (ныне город Молотов) красноватые и бурые горные породы, примыкающие к толщам отложений каменноугольного периода, но принадлежащие, судя по находимым в них окаменелостям (остаткам ископаемых животных и растений) и характеру осадочных пород, уже к другому периоду в истории Земли. Красные слои перемещивались с слоями гипса и других солей — мертвыми остатками высохших лагун. Когда-то здесь были моря, и воды их омывали в каменноугольный период склоны теперь уже очень древнего, но в то же время еще очень молодого Уральского хребта.

Отложения красноватых песчано-глинистых пород говорили о том, что здесь когда-то происходили резкие климатические изменения, смена влажного, тропического или субтропического климата сухим, континентальным.

В красноватых уральских породах Мурчинсон отыскал окаменелые остатки особых видов моллюсков, иных, чем те, что наполняли море предшествующей эпохи. И, по совокупности признаков, английский геолог выделил в истории Земли новую эпоху, которую он назвал Пермской.

С тех пор, где бы ни обнаруживались сходные красноватые отложения — в горах ли Тянь-Шаня, на Северной Двине, в Южной Африке, — им всюду давались названия пермских. Красная черта отмечает на природной геологической карте Земли районы и области, где миллионы лет назад из морских глубин выростали горные кряжи, отсекавшие от морей лагуны, с высокими плоскогорьями. Из кратеров заоблачных вулканов изливались потоки лавы, извергались тучи пепла, и вызванное всем этим резкое изменение условий жизни приводило одни виды животных и растений к гибели, а другие виды, приспособившиеся к новым условиям жизни, делались хозяевами земли.

В начале 80-х годов прошлого века пермскими отложениями России заинтересовался В. П. Амалицкий — в то время он был профессором Варшавского университета. Среди многочисленных остатков древних моллюсков он нашел в этих отложениях и ископаемые раковины из рода антракозия, очень напоминающие современные раковины «беззубки», которые живут в наших реках и озерах. Нашел он также отпечатки листьев вайи — растения, весьма отличного от современных растений Европейской России. В этих находках, на первый взгляд, не было ничего необычного: подобные раковины и отпечатки находили уже много раз. Но Амалицкий заметил, что обнаруженные им остатки древней жизни не совсем тождественны с остатками тех животных и растений, которые населяли, согласно взглядам ученых, в Пермскую эпоху Урал, Тянь-Шань и Южную Россию. Это были еще неизвестные Амалицкому остаткам древнейших предшественников животных и растений.

СМЕЛАЯ ГИПОТЕЗА

Судьба многих открытий и изобретений зависит от индивидуальных качеств людей, впервые приблизившихся к той черте, за которой открываются новые горизонты.

Мало ли что мог сделать Амалицкий с найденными им ракушками! Он был геолог и имел все основания, не доверяя своей памяти, решить, что ему только померещилось новое открытие, а на самом деле эти ракушки уже давно описаны каким-нибудь палеонтологом.

Он мог засунуть новые ракушки в самый далекий

угол ящика своего письменного стола и заняться подготовкой к очередной лекции в Варшавском университете или приступить к описанию своих геологических открытий. Он мог, наконец, просто опубликовать сообщение о том, что в пермских отложениях Европейской России найдены новые виды моллюсков, и успокоиться на этом. Но Амалицкий ничего этого не сделал. Он взял свои ракушки и поехал в Лондон, чтобы в крупнейшем в мире геологическом музее сравнить их с находками других ученых. Как истинный охотник за неизвестным, он почуял близость крупного зверя и, бросив все, помчался по свежему, хотя и чуть заметному следу.

В Лондоне Амалицкий установил, что найденные им окаменелости действительно не являются новостью для ученых. Он не имеет права дать им названия — у них уже есть имена. Он не может рассчитывать на то, что ученые будущего прибавят к их названиям буквы «Amal» (первые буквы его фамилии), в знак уважения к русскому ученому. Эти моллюски уже являются нетленными памятниками другим ученым. Но все эти «потери» с лихвой искупались тем неожиданным, потрясающим открытием, которое сделал Амалицкий, сравнивая свои находки с коллекциями Лондонского музея. Он убедился, что до сих пор эти окаменелые раковины находили только в Южной Африке и в Индии, где рядом с ними, в той же каменной гробнице из красноватых горных пород, миллионы лет пролежали остатки звероящеров и других давным-давно вымерших пресмыкающихся.

Если найденная ракушка была в Африке и Индии спутником звероящеров, значит и на Северной Двине остатки этих ракушек могут покоиться вместе с костями древних ящеров. Непросвещенному в тонкостях геологических и палеонтологических наук в таком предположении ничто не покажется неожиданным. На самом же деле это была лишь смелая догадка ученого, которую предстояло еще подтвердить фактами.

Даже сейчас, в нашу геологическую эпоху, существуют животные и растения «космополиты», способные жить повсюду, а наряду с ними имеются жизненные формы, специфические для каждой страны и уже, во всяком случае, для каждого климатического пояса.

Что бы сказали об ученом, поймавшем в сибирских лесах комара, похожего на комара из лесов экваториальной Африки, и пожелавшем на этом основании организовать под Якутском охоту на слонов и горилл?..

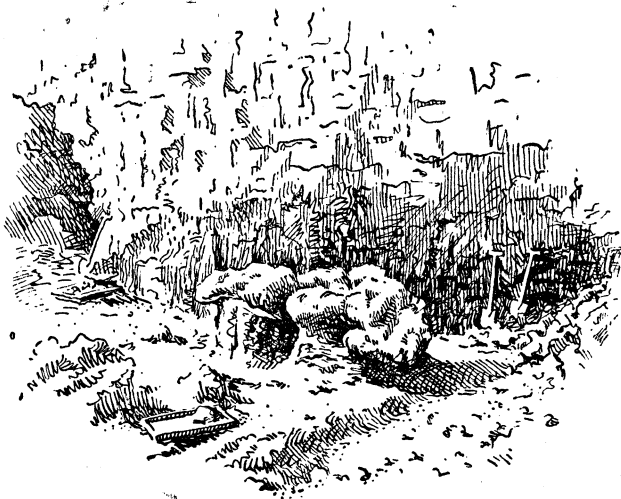
Несомненно, над чудачествами ученого посмеялись бы. Так что же удивительного в том, что гипотеза Амалицкого о присутствии на Северной Двине остатков южноафриканских животных Пермской эпохи не встретила сочувствия со стороны его товарищей по науке?

Конечно, и сам Амалицкий понимал, что моллюски вовсе не обязательно всюду должны сопутствовать ящерам. Но, с другой стороны, откуда у геологов и палеонтологов такая уверенность в том, что и в Пермскую эпоху, как и сейчас, Южная Африка была отделена от Северной России пустынями, высокими горными хребтами и непреодолимыми для ящеров морями?

Что, если в те времена, когда на Земле еще не было ни одного млекопитающего животного и ни один цветок еще не раскрывал свою чашечку навстречу солнечным лучам, — что, если тогда Африка, Азия и Европа были одним материком, на котором существовали пути для дальних странствий звероящеров и других обитателей нашей планеты?

В голове Амалицкого возникали идеи огромной научной важности. Он думал о том, что палеонтолог может прийти на помощь не только биологу-дарвинисту, не только геологу — искателю нефти и угля, но и географу, восстанавливающему облик Земли в прежние геологические эпохи.

Поиски ящеров на Северной Двине превращались для Амалицкого в спор с геологами: с одной стороны о рельефе поверхности Земли в Пермскую эпоху, а с другой — о методе научного исследования.

НЕОБЫЧАЙНАЯ «ЧЕЧЕВИЦА»

В предутреннем тумане около самого берега медленно плывут лодки. Напряженно всматривается Амалицкий в очертания крутых берегов. Там, где древние породы размывы водой, геолог выскакивает из лодки, и гулкие удары молотка далеко разносятся над рекой...

Четыре года Амалицкий со своей неизменной спутницей, женой, продолжал поиски, тратя на них все свои средства и весь свой досуг. Наконец цель достигнута.

«В верхнепермских отложениях, развитых в нижнем течении Сухонки и в верхнем течении С. Двины, — сообщает Амалицкий в своих записках, — удалось стыкать много остатков растений глоссоптерий и пресмыкающихся — динозавров и парейазавров, известных до сих пор только из пермских отложений Южной Африки и Индии, и таким образом удалось установить, что в очень отдаленное от нас, так называемое пермское время Северная и Центральная Россия, Урал, Индия и Центральная и Южная Африка входили в состав одного материка, заселенного очень сходными растениями и животными».

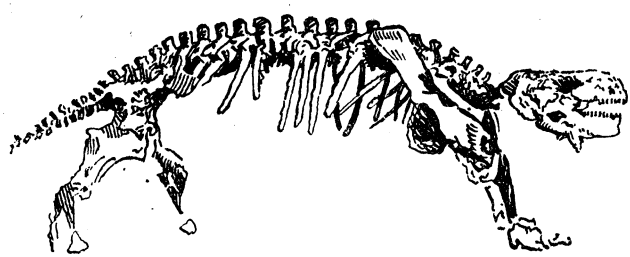
В Петербурге, на заседании Общества естествоиспытателей, Амалицкий показал глыбу красного песчаника с ясными отпечатками древних растений, а в одной из глыб, с трудом привезенных им в Петербург, страшным оскалом выделялись зубы ящера Пермской эпохи.

Велика была радость Амалицкого, когда, завоевав признание со стороны своих скептически настроенных собратьев по науке, он получил и материальную поддержку от Общества естествоиспытателей — тысячу рублей на организацию правильных раскопок.

В 1899 году на Северной Двине работала уже целая экспедиция.

«Была произведена палеонтологическая раскопка на правом древнем склоне С. Двины, в 12 километрах выше железнодорожной станции Котлас, у д. Ефимовской, в местности, называемой Соколки, — точно обозначил Амалицкий расположение первых, вошедших в историю палеонтологии, своих раскопок. — Здесь на крутом склоне обнажены полосатые рудняки, в толщу которых вложено несколько мощных чечевиц песка и песчаника. В этих чечевицах можно наблюдать нависшие глыбы шарообразной формы очень твердого песчаника (конкреции); внутри их и заключаются скамелые кости и листья».

Чечевица, предназначенная для раскопок, находится среди рудняков, составляющих совершенно вертикальный обрыв, возвышающийся на 45 метров над рекою; длина чечевицы — 100 метров, наибольшая толщина посередине — 12 метров. Ее основание расположено на высоте 25—30 метров над рекою, а верхняя часть — на 6 метров от вершины склона. Совершенно вертикальные обрывы рудняков, составляющие ее основание и кров-

лю, не позволяли подобраться к чечевице ни сверху, ни снизу. Поводом к раскопке именно этой чечевицы послужило то обстоятельство, что в предыдущие экспедиции были найдены на бичевинке выпавшие из нее большие глыбы песчаника (конкреции) с окаменевшими костями и листьями внутри».

Отметим последние строки этого сухого отчета. Задержим на них наше внимание, чтобы понять всю глубину радости человека, впервые читающего каменную страницу древней истории Земли, и всю горечь ученого, который знает, что если ему не удастся быстро организовать экспедицию для раскопок чечевицы, то все палеонтологические сокровища, скрытые в ней, безвозвратно погибнут для науки.

Однажды в руки Уоллеса, одновременно с Дарвиным пришедшего к открытию естественного отбора, попала новая бабочка. «Никто, кроме естествоиспытателя, — писал он, — не поймет того глубокого волнения, которое я испытал, поймав ее наконец. Когда я вынул ее из сачка и расправил ее величественные крылья, сердце мое забилось, кровь бросилась в голову, я был тогда ближе к обмороку, чем в те моменты, когда мне грозила смерть. Весь этот день у меня болела голова: так велико было волнение, возбужденное этим, для большинства людей обыденным случаем».

Уоллес был взволнован поимкой прекрасной и хрупкой бабочки. Но сотни тысяч таких же бабочек порхали в лесах новой Гвинеи, и любая из них имела шансы рано или поздно оказаться приколотой под стеклом витрин Лондонского музея.

Амалицкий нашел каменные глыбы, которые с трудом разбивал молотком. И тем не менее он имел дело с более эфемерным явлением, чем тропическая бабочка.

Миллионы лет лежат в земле скопления костей древнейших животных. Но с того момента, как они окажутся на поверхности земли и станут доступными для изучения, их существование начинает измеряться годами, а то и месяцами. «Их моют дожди, засыпает их пыль, и ветер колышет над ними ковыль. Солнце и стужа, вода и ветер — вот силы, которые точат и разрушают твердые скалы, крошат и дробят окаменелые следы древней жизни. Древние ящеры как бы вторично умирают: они умерли в первый раз, чтобы превратиться в окаменелости. Они умирают второй раз, чтобы рассыпаться в прах».

Но Амалицкому очень повезло. Он успел вовремя раскопать чечевицу. Он извлек из нее 37 групп костей — конкреций, он загрузил ими 64 ящика, которые заняли два вагона и весили 20 тонн.

«В центре чечевицы (до которой добрались сверху, сняв слой рудняков и взорвав твердые породы. — С. А.) скелеты — конкреции — лежали наиболее скученно, — рассказывает Амалицкий. Сначала мы нашли здесь три ряда лежащие скелета, принадлежавшие, вероятно, хищникам, а под ними лежали еще три более или менее полных скелета — парейазавра». И в этом тоже заключалась необыкновенная удача Амалицкого: ему посчастливилось обнаружить целое кладбище ископаемых животных. Казалось, что какая-то сила похоронила вместе хищников и их жертвы, чтобы через миллионы лет их скелеты оказались в геологическом музее.

В последующие годы Амалицкий нашел на этом же месте еще множество остатков динозавров — крупных животных, у которых на спине, над остистыми отростками позвонков, были кожаные панцирные пластинки, защищающие динозавров от нападения хищников.

Динозавры были первыми наземными панцирными животными. На них природа как бы испытывала новый способ защиты, новый прием в борьбе за существование. Способ оказался удачным, и до сих пор, например, панцири сохранились у черепах и броненосцев.

Тут же лежали окаменелые кости котилозавров, примитивных рептилий, от которых, вероятно, ведут свой род все современные и все вымершие, некогда господствовавшие на суше, в воде и в воздухе виды пресмыкающихся.

Остатки звероподобных ящеров, вероятных предков млекопитающих, были также извлечены все из той же чечевицы, все из того же огромного «кладбища» допотопных животных.

ИСТОРИЯ САМЫХ ДРЕВНИХ «КЛАДБИЩ»

Не так давно советские ученые Д. Н. Кашкаров и Е. П. Коровин обнаружили «кладбище» ископаемых животных в Казахстане. Они открыли это «кладбище», идя по следам старинной казахской песни, в которой говорилось о том, что в пустыне Бедпак-Дала у озера Балхаш находится кладбище богатейшей.

Ученые предположили, что остатки воспетых в песне легендарных богатейшей,—это не что иное, как кости гигантских вымерших животных.

Предположение ученых оправдалось. В 1929 году в долине реки Сара-Су они нашли кости индрикотериев, неуклюжих животных, величиной с большого слона, живших более 20 миллионов лет назад. А немного поодаль, в урочище Ас-Казал-Сор, было обнаружено и самое «кладбище». Это был холм, в котором песок, глина и камни оказались перемешанными с остатками бесчисленных животных.

Подобные «кладбища» известны и в других странах. В Северной Америке, например в штате Небраска, в одном из холмов были найдены остатки 6 400 индрикотериев — двурогих носорогов, живших одновременно с индрикотериями, — и кости других животных.

На вопрос о том, как могли образоваться такие скопления остатков вымерших животных, более или менее вероятный ответ дают наблюдения над засухами, лесными и степными пожарами, над извержениями вулканов и над другими стихийными бедствиями, происходящими в наше время.

Однажды в Южной Африке, в долине реки Нгоро-Нгоро, собралось стадо зебр в миллион голов. По словам очевидцев, казалось, что здесь столпились зебры со всего света. По пятам за зебрами шли гиены и волки, и более крупные хищники — леопарды и львы, и самые страшные враги зебр — люди. Для охраны необыкновенного стада правительство выслало войска.

Причиной, побудившей зебр собраться к реке, была засуха. Можно представить себе, что случилось бы, если бы пересохла и река Нгоро-Нгоро. Бесчисленные трупы покрыли бы ее берега. Погибли бы и зебры и хищники. А по окончании засухи, в пору дождей, разлившиеся воды реки сносили бы и окатывали миллионы костей животных.

Чарльз Дарвин описал подобную массовую гибель животных в районе Буэнос-Айреса в своей знаменитой книге «Путешествие на корабле «Бигль». «Промежуток времени от 1827 до 1832 года называется здесь «gran Seso», т. е. великая засуха. За эти годы выпало так мало дождей, что растительность, не исключая и чертополоха, погибла, ручьи и источники иссякли, и вся страна превратилась во что-то похожее на пыльную большую дорогу... Множество птиц, диких зверей, домашнего скота и лошадей погибло от недостатка пищи и воды... Вслед за годами засухи последовало дождливое время, вызвавшее большие наводнения. Из этого можно с большим вероятием заключить, что тысячи скелетов были погребены в наносной земле уже на следующий год. Что бы подумал геолог при виде такого множества костей животных всевозможных видов и возрастов, зарытых в одном толстом слое земли?»

И что скажет геолог — наш далекий потомок, невзначай обнаружив среди морских отложений на месте теперешнего Атлантического океана, миллионы скелетов теплолюбивых, глубоководных рыб дофалатилус? Это «кладбище», вероятно, образовалось в недавнее время на дне океана, потому что в 1882 году сильнейшие штормы пригнали к Гольфстриму холодные арктические воды. И от этого погибли миллионы рыб.

Во время засухи на одном из островов в устье Амазонки были найдены трупы 12 с лишним тысяч аллигаторов. Не так ли образовалось «кладбище» древних крокодилов, обнаруженное палеонтологами в Западной Европе?

Грандиозные извержения вулканов не раз уничтожали десятки тысяч людей и сотни тысяч животных. А вулканический пепел, покрывший трупы, сохранит форму их тел на тысячи и миллионы лет.

Словом, «кладбище» ископаемых животных — это, по видимому, результат бурь, извержений, засух, пожаров и других стихийных бедствий, которые потрясали Землю задолго до появления на ней человека.

Вот почему, когда Амалицкий добрался, наконец, до остатков древних ящеров на берегах Северной Двины и ее притоков, он действительно открыл перед учеными новую страницу истории Земли.

Амалицкий умер в 1917 году, не закончив раскопок. Они продолжают теперь другими учеными.

В Музее палеонтологии Академии наук СССР создана целая «Северо-Двинская галерея» ископаемых животных. Это одна из самых богатых в мире коллекций.

На этикетках, прикрепленных к каждому скелету, тщательно восстановленному учеными, значатся названия звероподобных ящеров, древних рептилий и древних амфибий. Мы читаем: «*Dvinosaurus primus Amal*» и узнаем в этом названии знакомое слово «Двина» и первые буквы фамилии русского ученого. Читаем на другой этикетке: «*Kotlassia prima Amal*» — и снова вспоминаем о русском городе Котласе. «*Sentosaurus Karpinskii*», «*Inostrancevia Alexandri Amal*» — это тоже названия древних животных, данные в честь русских ученых — Карпинского и Иностранцева.

Амалицкий сделал ценный вклад в науку. Но у него есть еще одна заслуга перед нашей родиной. Он был первым русским «охотником за костями». Он пробудил интерес к палеонтологическим изысканиям среди нашей молодежи. Он породил целое поколение энтузиастов, обогативших науку еще многими открытиями.

А настойчивость в достижении поставленной цели, готовность пожертвовать всем во имя науки ставят Владимира Прохоровича Амалицкого в ряды тех ученых, которых мы называем учителями жизни.

В. АНАНЯН

У подножья горы Арагац¹ в красивой впадине под скалами лежит прекрасное озеро, называемое в Армении Айгер-лич. Откуда столько воды в сожженной солнцем пустыне, окружающей Арагац? Это неиссякаемая вода горных ручейков, которая на высоте четырех с половиной тысяч метров поглощается кремнистой почвой Арагаца и в течение тысячелетий хранится горой, образовав внутри ее пещеры и водоемы. Вырываясь наружу из своих подземных хранилищ, вода собирается в этом чудесном озере.

По узкой полоске воды в камышах, покрывающих берега озера, наша лодка медленно продвигается вперед. Новый, удивительный мир открывается перед нами. Камышник кажется большим зеленым городом, пересеченным водяными проспектами, улицами, переулками и площадями. Настоящая Венеция! Но в Венеции по бокам водяных улиц тянутся стены — серые, заплесневевшие от сырости, — а здесь они тростниковые, зеленые.

Вот нашу улицу пересекает другая. Мы поворачиваем влево и опять плывем между высокими зелеными стенами. Узкий водный коридор расширяется и образует круглую площадку, в противоположном конце которой новая узкая полоска голубоватой воды с зеленой оградой по бокам ведет нас вглубь и выводит в широкую, прозрачную и глубокую реку. Это один из проспектов города...

И так без конца — улицы, пересекающиеся переулки, тупики среди высоких зеленых стен. Хозяевами этого скрытого, тайного «города» раньше были дикие кабаны. Как гости, жили здесь и теперь еще посещают этот город и пернатые. Они прилетают сюда только в зимние морозы поплавать в теплом, называемом «утинной баней» водоеме.

И действительно, как прекрасна постоянная баня этого странного городка. С реки Кара-Су поднимаются горячие пары и оттапливают ее. В 25-градусный мороз вода здесь достигает 15 градусов тепла.

Сейчас в «Зеленом городе» поселились новые хозяева, маленькие и любопытные зверьки.

Вот в одном месте тростниковая стена пробита, и через нее в глубь камышника проходит туннель. По этому туннелю зверьки со своими супругами и

детенышами выходят на берег озера отдохнуть и наслаждаться прохладой.

У входа в другой такой же туннель, на берегу реки, камыш наломан, камышинки положены одна на другую, сделано что-то вроде лежанки. На ней зверьки принимают после купанья солнечные ванны.

Дальше стена из тростника так высока, что над головой видна только голубая лента неба. Из этого узкого, мрачного коридора выплываем на ярко освещенную водяную площадку. В центре площадки — островок из камышей. Это — «столовая» болотного зверька. Здесь под открытым небом он питается.

Плывем дальше. Вот другой такой же островок. Но это уже не «столовая». Островок утопан ногами прыгавших здесь животных.

Сопровождающий нас зоолог Агабабов глубоко убежден, что это «футбольное поле» хозяев города. Веселые массовые игры — основное занятие этих зверьков.

Снова улицы, снова переулки, проложенные среди трудно проходимых стен, чтобы в случае опасности зверек мог убежать.

Вот и сам оя. Высоко подняв над водой острую маленькую с белой мордочкой головку, прямо выгнув змеиный хвост, он быстро-быстро работает своими короткими, кривыми лапками, торопливо плывет к спасительному туннелю. За ним следуют пять детенышей. Они всегда плывут так, один за другим: вперед взрослые, а за ними малыши, в порядке старшинства. В этом же порядке они часто становятся жертвой, устроенной на берегу западни.

Что же это, наконец, за зверек?

Это грызун, по внешности очень похожий на выдру. У него серовато-коричневая шкурка, голый, покрытый чешуйками, как у ужа, хвост. Длина его туловища 60—65 сантиметров, рыльце и губы белые, брюхо светлосерое, бока светложелтые, спинка темнокоричневая. Этот зверек строит себе на берегах рек норы в один метр глубиной и 60—70 сантиметров шириной, в ней он и ночует на приготовленной из сухих водорослей постели. По характеру — это живой, подвижной зверек. Целый день он строит, играет, шалит.

Одно из любимых его занятий — мыть. Что бы ни попало — будь это камыш, кусочек дерева, плывущий по воде, лоскут, — он возьмет его в лапы

с любопытством осмотрит, сунет в воду и... тщательно помоеет.

Этот зверек — болотный бобр, «нутрия».

Раньше этих животных в Армении, да и вообще в СССР, не было. Их родина — страны умеренного пояса: Южная Америка—Бразилия, Аргентина, Патагония и средняя часть Чили.

По указанию нашего правительства эти зверьки были вывезены из Америки и для акклиматизации выпущены в болотных местностях Туркмении и Закавказья. Однако нигде в нашем Союзе американский болотный бобр не прижился так, как в Армении. В 1940 году в озеро Айгер-лич выпустили всего двадцать пар нутрий, и они, давая в тринадцать месяцев по три приплода, от четырех до девяти детенышей в каждом, размножились необычайно быстро. Они заполнили камыши Айгер-лича и вытекающей из него реки Кара-Су, спустились по течению реки вниз и поселились в обширных Улуханлинских тростниковых зарослях. Отсюда нутрии пошли и еще дальше — до самого Аракса и по его берегам, вдоль турецкой границы, добрались до Араздаляна, у пределов Ирана.

От населяющих камышники Айгер-лича и реки Кара-Су болотных бобров только за два первых сезона (1944—1945 годы) было получено две тысячи ценных шкурок.

Результаты прекрасные. Они говорят о том, что американский болотный бобр чувствует себя у нас очень хорошо, настолько хорошо, что даже не строит себе жилищ, как на своей родине, и живет под открытым небом.

Почему же нутрия чувствует себя так хорошо в наших болотах? Потому что такого обильного и хорошего корма, как у нас, на его родине нет. Нет там и таких незамерзающих мезотермических теплых источников.

Армянская ССР обогатила свою фауну новым зверьком, самым ценным из всех пушных зверей в Армении и самым прибыльным. Два-три охотника айгерличского хозяйства дают в год тысячу шкурок нутрии, а все остальные охотники Армении дают вместе до тысячи шкурок куницы. Но шкурка нутрии в два-три раза дешевле шкурки куницы. Кроме того, мясо куницы несъедобно, а бобр дает от пяти до шести килограммов вкусного, похожего на крольчье, мяса. Вот какой ценный зверек поселился сейчас в нашем «Зеленом городе»!

¹ Агабаб.

В ПАНТОВОМ СОВХОЗЕ

Недавно на Дальнем Востоке мне удалось побывать в совхозе, где разводятся пятнистые олени, рога которых — панты — являются одним из средств восточной медицины. Мне кажется, что небольшой рассказ об этом совхозе может быть интересным для читателей журнала «Вокруг света».

Находится этот совхоз недалеко от Владивостока, у станции Раздольная. В нем сейчас 2 000 оленей, а к концу пятилетки будет 4 500.

Китайская медицина давным-давно пользовалась оленьими рогами (пантами) для лечения самых разнообразных болезней. Еще в конце XVI века (в 1596 году) в Китае была издана книга «Сводная фармакопея» ученого-медика Ди Ши-чжэнь. Медик уверял доверчивых людей, что «пятнистый олень обладает свойством волшебного зверя, который может сам себя лечить», или, что «пятнистый олень в тысячелетнем возрасте серый, еще через пятьсот лет делается белым, а еще через пятьсот лет становится черным. У черного оленя кости тоже черные. Если провялить его мясо и кушать, то можно достичь долголетия...»

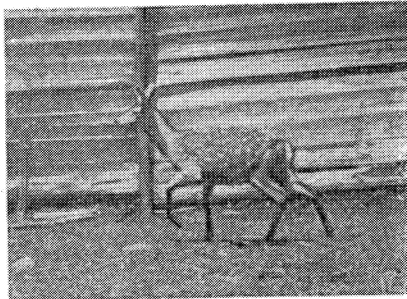
Пантами, как лечебным средством, китайские врачи пользуются и в наши дни. Китайский рынок еще совсем недавно предвещал неограниченный спрос на оленьи панты.

В совхозе нам рассказали, что наибольшую ценность представляет панты пятнистого оленя перед началом второго раздвоя, спустя 35—50 дней после сброса старых рогов и начала роста пантов. Лучшими сортами считаются панты с двумя отростками. Панты с тремя отростками — третий сорт, а панты с четырьмя отростками — брак. Кожа лучших пантов должна иметь равномерный, не слишком густой,

бархатистый волосяной покров. Первосортные панты должны иметь цвет спелой желтой сливы. Раньше для получения пантов оленей убивали. Теперь в оленьих хозяйствах панты срезают. Срезка пантов производится на специальном станке.

Панторезный станок — несложное деревянное сооружение, в котором оленя подвязывают ремнями и веревками. Из станка видна только оленья голова, крепко привязанная ремнями. Человек в белом халате берет небольшую пилку и быстро срезает один пант, за ним другой. Вся операция длится каких-нибудь 5—6 минут. Панты — полутвердая белковая масса, по цвету напоминающая созревший персик. И кожица у нее такая же бархатная, как у зрелого персика. Весит каждый пант в сыром виде до 900 граммов, в высушенном — от 90 до 130 граммов.

Свежесрезанные панты консервируют. Для этого их сначала варят в кипящей воде от 15 до 30 минут, а потом охлаждают на воздухе. После варки панты ставятся в хорошо топленную русскую печь, очищенную от золы и охлажденную до 110—120 градусов Цельсия.

Через пять-шесть часов сушки панты вынимаются из печи и подвешиваются на вешала. Второй раз панты сушатся при комнатной температуре или на солнце. Процесс консервирования требует большой тщательности, иначе можно испортить весьма ценное сырье.

Срезка пантов у пятнистых оленей начинается с трехлетнего возраста и затем производится до 13—15-летнего возраста. Высушенные панты поступают на приемочный пункт.

Москва

Н. Симонов

НЕОБЫЧНАЯ ОХОТА

В одну из своих поездок по Астраханской степи мне пришлось заночевать в овцеводческом совхозе.

Среди ночи я был разбужен сильным шумом. Беспечно топотли бараны, ржали лошади, кричали люди. Когда я, наскоро одевшись, выбежал во двор, один из пастухов рассказал мне, что волки пытались напасть на овец, но их во-время удалось отогнать.

— Не дадут теперь они нам покоя, пока мы их не перебьем, — сказал старый пастух.

С ним согласились и остальные и тут же условились на завтра устроить охоту на волков.

Я тоже решил принять участие в этой охоте.

Когда к назначенному часу я пошел к пастухам, ставшим теперь охотниками, меня удивило, что ни у одного из них не было огнестрельного оружия. Все сидели на резвых степных скакунах. Единственным вооружением всадников были нагайки, длиннее обычной казачьей. Ремень нагайки был толще, а к концу его был прикреплен свинец. Меткий удар таким холодным оружием может оказаться смертельным.

У двух всадников висели у седла арканы. Таким арканом пользуются в наших степях скотоводы для ловли лошадей в табунах.

С этим оружием мы и выехали охотиться на волков.

Повадки степных волков хорошо знакомы пастухам. И они направили свой путь прямо к ближайшим камышам, где, как они предполагали, после ночных скитаний волки обязательно должны были залечь на отдых. Два всадника отделились от нас и въехали в самую чащу камыша.

Наступила минута напряженного ожидания.

Темными клубками выкатилось из тростника несколько волков, испугнутых охотниками. Каждое мгновение, каждый шаг решал теперь исход охоты.

Всадники сорвались со своих мест. Одни поскакали вслед за волками, другие старались отрезать зверям обратный путь к камышам.

Один из всадников наметил себе волка и погнался за ним по пятам. Расстояние между волком и всадником все уменьшалось. Вот они уже почти поравнялись. Охотник слился с лошастью, припал к ее шее. Взметнулась в воздухе рука и с силой опустилась. Еще один взмах, и волк тяжело рухнул на землю. Нагайка перешибла ему черепную коробку.

Злобно оглядываясь по сторонам, выбежал в степь старый, матерой волк. Он дольше всех не решался оставить свое убежище, но шум голо-

сов и конский топот нагнали на него страх. Вскоре волк был уже далеко от всадников. Догнать его и убить нагайкой не удалось, но упустить такого зверя было жаль. Один из всадников с арканом в руках карьером понесся наперерез хищнику, намереваясь нагнать его на других всадников. Волк заметил маневр человека и круто повернул обратно. Расстояние между всадником и волком еще больше увеличилось, но охотник не сдавался.

Волк долго метался в разные стороны, пытаясь избавиться от своего преследователя, но бранный опытной рукой аркан крепко затянулся на его шее. Всадник круто повернул лошадь, волоча за собой волка. Когда он подъехал к товарищам, зверь уже был мертв.

В этот день было забито три волка нагайкой и один пойман арканом

Л. Штрэндт

9 000 МИЛЬ В АРКТИКЕ

Летом прошлого года судно «Волочаевск», входящее в состав Эстонского государственного пароходства, совершило свой первый арктический рейс. До этого ни судно, ни команда его, состоявшая в большинстве из молодых моряков-эстонцев, никогда еще не бывали в Арктике.

Рейс из Таллина в Архангельск, с заходом в Финляндию и польский порт Штеттин, занял 26 суток. Пройдя вдоль берегов Дании и Норвегии, «Волочаевск» вскоре вышел в Атлантический океан, а затем, обогнув Скандинавский полуостров, очутился в Северном Ледовитом океане. Взяв в Архангельске большой груз, «Во-

лочаевск» направился к острову Диксон. Это был самый трудный участок пути. Однако точно в намеченный срок судно бросило якорь в хорошо защищенной с моря бухте острова Диксон. Здесь уже находилось около двадцати советских судов, так же как и «Волочаевск», шедших в Арктику.

Порт Диксон живет кипучей, напряженной жизнью. Моряки увидели раскинувшийся на берегу оживленный полярный городок. В нем свыше двух тысяч жителей. Всюду идет строительство новых домов, воздвигаются корпуса рыбного комбината, консервной фабрики, мощной радиостанции. В городе выходит своя газета, есть дом культуры, два кинотеатра и клуб моряков.

На Диксоне развито рыболовство и промысел пушного зверя. Летом на берегах острова собираются миллионы перелетных уток и гусей всевозможных пород. В это время они сбиваются в стан, готовясь к отлету на юг.

Закончив выгрузку, «Волочаевск» направился в обратный путь. Теперь уже на борту судна, помимо грузов, находились и пассажиры — сменяющиеся зимовщики.

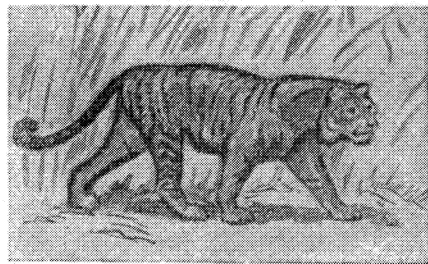
В Белом море зашли в порт Молотовск, где выгрузили часть продовольствия и снаряжения. Погода все время свежела. Временами на море опускался такой густой туман, что ничего нельзя было разобрано в нескольких метрах впереди судна.

Серьезным испытанием закалки моряков явился завершающий этап арктического рейса. Как только «Волочаевск» вышел в Баренцево море, разразился десятибалльный шторм. В течение нескольких суток моряки мужественно боролись с разбушевавшейся стихией. Уйти от шторма удалось, лишь обогнув мыс Нордкап.

После 138-дневного плавания «Волочаевск» снова вошел в родной Таллинский порт.

Таллин

Б. Левицкий,
Х. Варес

Гольды — бесстрашные охотники. На медведя идут один на один, с копьём. Но, завидя издали тигра, они раньше покорно ложатся на землю. Гольды считали тигра самым страшным богом и звали его «Амба» — «Смерть».

Между тем уссурийский тигр вовсе не заслуживает такой страшной славы. Вред, наносимый тигром, обычно преувеличивают. Тигр нападает на человека крайне редко: только раненый зверь бросается на охотника. Как правило, тигр избегает встречи с человеком. Но все же были случаи, когда тигр охотился за человеком. Несколько лет назад в 35 километрах от Виробиджана охотник Журавлев шел по следам кабана. Через некоторое время он заметил следы тигра, который шел по тем же следам. Вскоре следы тигра исчезли. Охотник в недоумении остановился и, оглядевшись, увидел притаившегося под кустом огромного зверя.

Тигр, видимо, поджидал, когда охотник пройдет мимо. Тигры никогда не нападают на свою жертву спереди, — только сбоку или сзади. Так случилось и на этот раз. Тигр прыгнул, рассчитывая напасть на охотника сбоку, но Журавлев выстрелил, и зверь был убит.

Тигр дает не только красивую полосатую шкуру. Раньше целиком замороженную тушу тигра продавали в Китай, где из его мяса и размельченных костей приготавлился особый напиток: китайцы верят, что выпивший его становится храбрым, как тигр. В дело шли и усы тигра. Они оправлялись в золото и играли роль ногтечисток. В старом Китае ногти, отращенные до невероятной величины, служили признаком аристократизма. Оправленные в золото тигровые усы пользовались большим спросом у китайских щеголей.

Некоторые тигры достигают крупных размеров. Один из них, убитый в районе станции Вирокан, был длиной в 175 сантиметров и весил 12 пудов. Дальневосточные тигроловы предпочитают, однако, охоту за тигрятами, на которых имеется всегда большой спрос со стороны зоологических садов.

Обнаружив следы тигрицы с тигрятами, охотники идут за зверями, стараясь как можно ближе подойти к выводу. Приблизившись, они с шумом и ружейными выстрелами преследуют тигрицу, стараясь отделить ее от детенышей. Утомленные погоней, тигрята сбиваются со следа матери и уходят в сторону. Тогда по их следам пускают собак.

Собаки быстро нагоняют измученных тиграт. Ловят их обычно пять-шесть человек. Самый сильный охотник подходит к тигренку с палкой, стараясь прижать его к земле. Остальные охотники, сбросав ружья, связывают тигренка. В крепкой клетке его доставляют в Хабаровский зооцентр, а оттуда отправляют в зоологические сады.

Я. Ясинский

Виробиджан.

Жизнь и подвиг Ерофея Хабарова

«Слышно бывает, перевал есть такой, перейти его невозможно. Не думайте о том, как будем переваливать. Слышно бывает, есть такая река, переплыть невозможно. Не думайте о том, как переплыть ее. Стоит только захотеть — как и переплывешь. А на том берегу готовы нам юрты и олени. Надейтесь на себя, как на высокую гору...»

Так говорит в романе Д. Романенко «Ерофей Хабаров» старый тунгус Кырса атаману Хабарову и его «ватажке» — смелым казакам и работным людям Усть-Кута, собравшимся в великий поход в счастливую Даурию. История этого события — второго похода русских людей на Амур после экспедиции письменного головы Василия Пояркова — рассказана в романе.

Автор хорошо изучил не только исторические источники о походе Хабарова, но и природу североазиатских окраин России, на суровом фоне которых происходит действие романа. Поход Хабарова совершался в борьбе с этой дикой природой, с бескормицей угрюмых ленских берегов, со льдами и холодом студеного моря, с сугробами и ветрами Даурского перевала, куда приходят, наконец, казаки, перезимовав в Якутске и получив поддержку якутского воеводы Дмитрия Францбекова.

Образы спутников Хабарова — мастера плавильного дела Томило Дов-

бача, рудознатца Илейки Жука и других — написаны ярко, убедительно. Это люди, доведенные до отчаяния свирепым лихоимством и притеснениями царских холопов, люди, которые идут за Хабаровым потому, что в родном краю им уже нечего больше терять. Но в то же время это люди с сильной душой и крепким телом, неутомимые землепроходцы, умелые ремесленники и мастера, талантливые русские люди, горячо любящие родину и сознающие ее превосходство над страной даурских крестьян и охотников, скромных данников своих князей и их покровителей — маньчжурских ханов. «Мы вызволим вас из неволи, — говорит орочам Томило Довбач. — Мы будем с вами в ладах жить. Будем пахать землю и ковать железо, строить суда и торговать, жить в теплых деревянных избах и стрелять из ружей. Мы до всего дойдем и все уразумеем».

Выпуклой и красочной рисуется в книге фигура казачьего вождя Ерофея Хабарова. Сначала он знатный человек Усть-Кута, которого разоряет воевода Петр Головин, позарившийся на его богатство. Затем он зачинщик «рудного бунта» против воеводы и царского пристава на железорудном заводе немца Сельбота и, наконец, — руководитель даурского похода, жестокий и упорный, мстительный и неустранимый, как бы воплотивший в себе противоречивые черты своего времени.

Экспедицией Хабарова еще не завершилось присоединение Даурии к русским владениям, но этот поход, возглавлявшийся деятельным и мужественным человеком, сыграл свою роль в истории Сибири, не менее значительную, чем поход Ермака. Роман Д. Романенко в художественной форме знакомит читателя с одним из замечательных событий в истории освоения Северной Азии русскими людьми.

Сахалинские записи

Путешественник, впервые прибывший в этот областной центр, был доставлен с аэродрома автомашиной. На рынке, куда заглянул любознательный путник, он увидел продукты местных огородов — лук, редис, салат. В самом людном месте города, где когда-то находилась каторжная тюрьма, путешественник присутствовал на спортивном празднике на стадионе «Динамо». В порту, на рейде, стояли большие пароходы. Уголь, нефть, рыба грузятся здесь и отправляются на материк.

Так выглядит сегодня, по книге И. Осипова «Сахалинские записи», город Александровск, «сахалинская столица», центр Сахалинской области. Книга И. Осипова — первая книга об этой отдаленной окраине, появившаяся после победы над Японией и

возвращения южной части острова советской родине.

Эти беглые записи читаются с ослабевающим интересом от первой до последней страницы. Опытный журналист, автор с большой наблюдательностью отмечает те черты жизни Сахалина, которые привнесены в его природу советскими людьми, рассказывает о встречах с выдающимися сахалинцами: известным садоводом-мишуринцем Т. Ф. Мысником, который посадил здесь «стелющиеся» сады, дающие фрукты в условиях сурового местного климата, знаменитым охотником Малыгиным, доктором К. А. Феоктистовой, пятнадцать лет проработавшей на острове хирургом. Вместе с автором путешествуем мы по земле исконных обитателей острова — нивхов, при советской власти впервые заживших культурной жизнью; посещаем угольные шахты Дуэ, колхозы в долине реки Тымь, ежегодно собирающие богатый урожай. Вторая часть книги рассказывает о Южном Сахалине. Автор был участником наступления Советской Армии и свидетелем капитуляции Карафутской дивизии японцев. Он побывал и в городах Отомари и Тойохара, построенных японцами на месте старинных русских постов.

Вскоре по окончании войны здесь начались трудовые будни. Область, где японцы сооружали только стратегические дороги и создавали плацдарм для нападения на наш Дальний Восток, впервые приобретает к мирному труду.

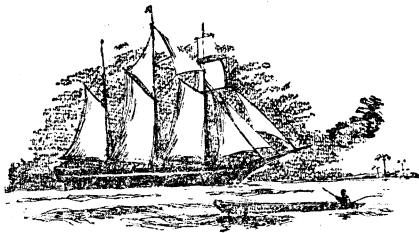
В последней главе автор рассказывает о своем путешествии на самый дальний рубеж нашей родины — Курильские острова.

И. В.

Д. Романенко, Ерофей Хабаров. «Советский писатель», 1946 г., стр. 324. Ц. в перепл. 8 руб.

И. Осипов, Сахалинские записи. Осень 1945 года. «Молодая гвардия», 1946 г., 152 стр. Ц. в перепл. 4 руб.

Недавно мне попалась в руки старинная книга. Название ее заманчиво: «Путешествия, приключения и битвы». Она отпечатана без малого сто лет назад в Москве, в Университетской типографии. Автор ее — молодой французский моряк Луи Гарнерей. В подзаголовке к своей книге Гарнерей назвал ее «Воспоминания морской жизни». Эта жизнь, не лишенная известного авантюризма, полна в то же время горячей любовью к морю, к своей профессии. Именно из среды таких людей, каким был Гарнерей, выходили прославленные «пенителли морей», открыватели новых земель.

Луи Гарнерей пустился в море ровно 150 лет тому назад — в 1797 году — в тревожное военное время. Шла война Франции с Англией, начата еще во времена Конвента. Новый, неведомый доселе мир открылся перед глазами мальчика. То обстоятельство, что Луи находился под начальством своего кузена, несколько не спасало его от трудностей и лишений морской службы. Перед вступлением Луи на борт фрегата кузен Болье сделал ему краткое, но вразумительное внушение: «Если ты допустишь малейшую ошибку или небрежность по службе, — сказал он, — то я обещаю наказать тебя вдвое сильнее, нежели любого другого матроса... Это самое лучшее внимание, которое я могу оказывать родственнику. Ты видишь, Луи, я хочу, чтобы ты сделался, что называется, настоящим моряком!»

Так начались длительные и полные опасностей скитания молодого моряка по Индийскому океану. Он много раз участвовал в сражениях с англичанами, — до тех пор, пока не погиб его фрегат, и он, спасшись каким-то чудом, не очутился на берегу острова Иль-де-Франс, как в то время французы называли остров св. Маврикия. Здесь ему удалось поступить на бриг «Матюрен», который готовился к отплытию на Мадагаскар с целью установления торговых сношений с королевой Бомбеток, о могуществе и богатстве которой среди моряков ходили легенды.

На Мадагаскаре Луи в сопровождении двух матросов и туземцев-гребцов отправляется в пироге вверх по реке в глубь острова, возглавляя посольство к королеве. Пышная природа Мадагаскара открывает перед ним свои тайны.

«Оставив селение, — рассказывает Луи, — мы переплыли удивительное озеро, о котором никакое описание не может дать настоящего понятия. Озеро было усеяно живописно разбросанными островами. Благодаря отражению лучей солнца, теряющихся в зелени, издали это озеро можно было принять за груду огромных изумрудов. Берега озера были окаймлены гигантскими деревьями странной и невиданной формы. Среди развесистых ветвей этих гигантов растительного царства резвилось бесчисленное множество обезьян...»

Королева довольно холодно встретила «посольство». Луи и матросы прожили несколько дней в ее столице, представлявшей собою огромное скопление жилищ, сплетенных из пальмовых ветвей, но успеха не имели: выяснилось, что до Луи у королевы Бомбеток побывали англичане, сумевшие восстановить ее против французов. Впрочем, Луи не жалел о том, что совершил это опасное путешествие: он побывал на земле, где редко ступала нога европейца, увидал мало кому известный народ с его мрачным культом крокодилов.

Следующий этап скитальческой жизни юности — встреча и знакомство со знаменитым французским корсаром Сюркуфом. Сюркуф отличался неслыханной отвагой. Луи Гарнерей плывал с ним до 1801 года. Расставшись с Сюркуфом, он продолжал свои скитания по морям, сражался со свирепыми малайскими пиратами, оказался завлеченным обманчивым путем на судно работорговца. Наконец он решил вернуться на родину, но тут его ждала неудача: корабль, на котором он плыл, попал в руки англичан. Луи Гарнерей девять лет томился в плену на страшных английских понтонах, как назывались в старину палубные суда, служившие каторжными тюрьмами...

На этом заканчиваются «Воспоминания морской жизни» Луи, этой необычайной жизни, в которой путешествия и приключения сменяются, как цветные стекла в калейдоскопе. Но не только в этих приключениях главный интерес книги. Прежде всего она привлекает внимание читателя фигурой самого рассказчика, простодушного и честного юноши, влюбленного в крылатые парусные корабли, в ветровые океанские просторы. Романтикой моря и борьбы овеяны страницы его книги. Немало ценных сведений Гарнерей сообщает о южных странах — об Индии, о Мадагаскаре. Он плохо разбирается в политической обстановке своего времени, но его книга интересна еще и тем, что она приоткрывает для нас небольшой уголок прошлого, помогает ярче представить себе то далекое время, когда между молодыми капиталистическими странами постепенно разгоралась борьба за господство на морях.

Б. Е.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ КАРТА?

ОТВЕТЫ 1

1. По плану новой сталинской пятилетки в столице Белорусской ССР, в г. Минске, будут построены автомобильный, тракторный заводы.
2. В Казахской ССР, в Темир-Тау, около Караганды, в 1947 году будет закончено строительство первого в республике металлургического переделного завода.
3. Города Абакан, Сталииск, Барнаул, Акмолинск будут соединены железнодорожной магистралью. В новой пятилетке это будет самая крупная железнодорожная стройка.
4. В 18 километрах от города Молотова будет сооружена Камская гидроэлектростанция — «Днепрогэс Урала».
5. В Алма-Ате (Алматы ССР) будет построен мощный медный рудник.

* См. журнал «Вокруг света» № 1

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Большая Российская федерация	2*
<u>Геннадий Фиш</u>	
На земле Калевалы	8
<u>Д. Романенко</u>	
Река крылатой мечты	13
<u>А. Вологдин, Г. Рафалова</u>	
На дне исчезнувших водоемов	19
<u>Николай Богданов</u>	
Тайна Юля-ярви	21
<u>Александр Кожевников</u>	
Красноярские Столбы	31
<u>Н. Макаров</u>	
Эге-Хая	35
<u>Б. Евгеньев</u>	
Любимый отдых	39
<u>Е. Озерский</u>	
Узбекское море	42
<u>Ю. Промптов</u>	
В центре азиатского материка	43
<u>Л. Платов</u>	
Птица Маук	48
<u>С. Владимиров</u>	
Из глубины веков	56
<u>В. Анания</u>	
Новый обитатель «Зеленого города»	60
Нам пишут читатели	61
В мире книг	63

На обложке в рамке: рисунок К. К. Арцулова к рассказу Н. Богданова «Тайна Юля-ярви».

На цветных вкладках:

1. Автолитография художника И. Брюлина «Охотник за сурками» к очерку Ю. Промптова «В центре азиатского материка».

2. Рис. художника В. Леонидова к очерку А. Кожевникова «Красноярские Столбы».

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакция:
Москва, Новая пл., д. 6.
Тел. К 5-24-71.

★

Непринятые рукописи
не возвращаются.

Редакционная коллегия: Д. Л. Арман, И. А. Ефремов, И. В. Иноземцев (ответственный редактор), Н. Н. Михайлов, англ. В. А. Обручев, Н. А. Солнцев.

Техн. редактор А. Гусев

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДЕРЕВЬЯ МОСКВЫ

1

В Москве уцелело немало живых свидетелей ее древней истории. Это могучие вековые сосны в глубине Терлецкого леса в Измайлове, дубы парка 'Фили — Кунцево, седые дуплисты липы Нескучного сада.

В ближайшем пятилетии площадь новых зеленых насаждений в Москве значительно возрастет. Но попрежнему мы будем беречь старые сады и парки нашей древней столицы.

Фото Б. Громова

3

2

1. Старейшина лесных великанов Москвы — дуб времен Ивана Грозного (XVI век). Дуб этот был «стариком» уже во времена Петра I, который, по преданию, взбирался на его вершину. Неподалеку от дуба сохранились остатки липовой аллеи, собственноручно посаженной Петром.

2. Один из лучших зеленых уголков Москвы — Лесная опытная дача Тимирязевской академии. Ее площадь — 248 гектаров. Многие ее участки напоминают о том отдаленном времени, когда окрестности Москвы назывались «Лесной страной», а сама Москва — «Дубовым градом». На нашем снимке показана часть насаждений дачи.

3. В дендрологическом парке Тимирязевской академии богато представлены древесные породы, произрастающие в

СССР, а также многие инородные. Рядом с бархатным пробковым деревом растет необычайная по красоте цветения и осенней раскраске листьев пенсильванская вишня, дальше — сибирский кедр, даурские лиственницы. На снимке — плачущая береза «Юнга», как бы сошедшая с картины художника-пейзажиста.

4. Здесь показана обыкновенная бородавчатая береза, вот уже лет шестьдесят растущая в Нескучном саду в Москве. Обратите внимание на ее отдельно снятый листок — он расчлененный. Березы с такими листьями называют ажурными. Они вывезены в прошлом столетии из Швеции. Живописная группа ажурных берез растет также в дендрологическом парке Тимирязевской академии.

4

По окаменелым остаткам животных и растений ученые воссоздают картины жизни на Земле в прошлые геологические эпохи. На долю Владимира Прохоровича Амалицкого выпало открыть на берегу Северной Двины богатейшие залежи окаменелых костей животных Пермской эпохи.

В отличие от большинства других «охотников за костями» Владимир Прохорович сделал не случайную находку. Он нашел остатки ископаемых животных там, где они должны были, по его мнению, быть. Четыре года производил он поиски, несмотря на то, что его товарищи по работе — геологи и палеонтологи — считали его охотником за призраками.

О том, как сделал профессор Амалицкий свое открытие, рассказывается в очерке «Из глубины веков».

На рисунке художник В. Цельмер изобразил хищного зверя иностранцевия, скелет которого хранится в Палеонтологическом музее Академии наук СССР.

